

Дан Берг

**Поющие
золотые птицы**

Рассказы о хасидах

18+

Дан Берг
Поющие золотые птицы.
Рассказы о хасидах

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=64842061
SelfPub; 2021*

Аннотация

Книга представляет собой сборник рассказов. Названием книги послужил заголовок последнего из них. Эти небольшие произведения не являются стилизацией хасидских сказок, хотя автор косвенно использовал некоторые сюжетные моменты хасидских, а также других восточных и европейских сказок. Рассказы публиковались в интернете по отдельности в течение полутора лет и заслужили внимание читателей – более двух тысяч отзывов.

Дан Берг

Поющие золотые птицы.

Рассказы о хасидах

Вместо предисловия. Город Божин, его хасиды и их раби

В давние времена на Украине в городе под названием Божин жили себе евреи, составлявшие большинство населения этого маленького городка, скорее даже местечка. И все они, как один, были хасидами и хранили верность своему любимому и почитаемому раби Якову. Хасиды города Божина – это все больше горькие бедняки да голытьба, едва сводящие концы с концами. И раби Яков тоже не богач. Но все же дом у него просторный, особенно хороша горница: светлая, окна с трех сторон, большая печь в углу, белые-белые стены и потолок, а самое главное – огромный стол в середине. Если сесть поплотней, то за этим столом легко уместятся двадцать человек, а если еще потесниться, то и сорока хасидам места хватит – и никто не в обиде.

Почему так много людей собираются в горнице у раби Якова? Ну, во-первых, у раби есть многочисленные ученики, которые, расположившись вокруг стола и раскрыв рты, внемлют каждому слову учителя. Во-вторых, Господь Бог не обидел хозяина дома потомками обоего пола. Поэтому когда

все семейство дружно принимается за обед – а в этот час отсутствующих не бывает – то размеры стола вовсе не кажутся такими уж необъятными. Не это, однако, главное. А главное то, что цадик раби Яков обожает рассказывать и слушать всевозможные сказки и истории, басни и притчи, рассказы и повести, правду и выдумки, были и небылицы – лишь бы на поверхности лежало поучение, а в глубине скрывалась мораль. А уж занимательность – первейшее требование: должно быть интересно! Само собой разумеется, что пристрастие учителя передается ученикам, да и всем остальным хасидам. Честолюбивые ученики видели в раби не только учителя, но и соперника. Такие со временем сами становились рассказчиками и сочинителями не хуже самого раби Якова и продолжали литературную традицию. Надо ли удивляться, что божинские евреи чрезвычайно любили сказки и собирались вокруг знаменитого стола и долгими вечерами, а то и ночами рассказывали и слушали, слушали и рассказывали. Сказка для бедняка – спасение от горьких и голодных буден. Особенно забавная, веселая сказка. А если этот бедняк еще и хасид, то радость и веселье для него – вещь обязательная. Какой же это хасид, если он не умеет прогнать из сердца печаль и веселиться от души. Хасид точно знает, что угодно Создателю. Все ли сказки веселы, и всегда ли в них добро – это добро, а зло – это зло? И есть ли ответ на этот вопрос?

На исходе субботы горница уже полна народом. Все расселись. Кому не хватило места за столом – стоит во втором

ряду. На столе расстелена белая скатерть. Вот-вот появится из печи огромный горшок полный свежего горячего борща, а вокруг горшка лягут на плетеные тарелки оставшиеся от субботы халы. Хасиды вооружены мисками и ложками. Достанется всем. Наконец-то борщ готов. Жена раби Якова, женщина жизнерадостная, но замученная детьми и заботами, с покрасневшимся от печного жара лицом, достает из печи горшок с долгожданным борщом и водружает глиняную посудину в центре стола. Жену раби Якова зовут Голда. Это не прозвище, данное ей хасидами за ее золотой характер, это ее имя. Произведение, над которым Голда трудилась добрых два часа, уничтожено сытыми после трех обильных субботних трапез хасидами в две минуты. «На здоровье вам, евреи» – думает Голда. Она знает, что как только опустеют миски и тарелки, сейчас же муж ее Яков первым расскажет какую-нибудь историю, другие подхватят, и пойдут сказки до утра. А Голда любит послушать, а иной раз вставит словцо, ведь язычок у нее острый – в этом многие убедились.

Евреи не любят сидеть на одном месте. Евреи любят разъезжать по белу свету. А уж хасиды – известные путешественники. Торговля, другие дела. У раби Якова частенько гостят цадики из других городов и местечек Украины, Польши, Беларуси, а то и более отдаленных мест. Да и божинский раби иной раз запрягает лошадей и отправляется в путь. Повсюду, где живут евреи – есть хасиды. А где хасид – там сказка. Слава о божинских посиделках распространилась далеко

от Божина. Хотя, справедливости ради, надо признать, что и в других еврейских городках хасиды собираются в праздники, а то и в будни, и услаждают себя всевозможными историями. Бывает, соберутся за столом раби Якова приезжие хасиды и устраивают состязание – чья сказка окажется самой интересной. Кто не умеет рассказывать – может откупиться кувшином меда или штофом водки. Напитками этими тут же на месте вдохновляют себя более умелые рассказчики, да так, что иной раз Голде приходится вмешиваться и умерять слишком пылких сказочников. Под утро компания высыпает на улицу, и, если это зима, то на свежем искрящемся под лунной снегу, а, если лето, то на мокрой от росы траве, мужчины, взявшись за руки, водят хоровод и поют песни во славу Господа.

Итак, как сказано, раби Яков жил в давние времена в городе Божине. А что это за давние времена? Это было в восемнадцатом веке. Хотя сам раби Яков вам этого не подтвердит, ибо какое ему дело до христианских веков? Он ведь хасид и поэтому, как всякий еврей, ведет счет лет от сотворения мира. А теперь спросим себя, почему город называется Божин? Не от того ли, что в нем живут хасиды, которые всем сердцем стремятся к Богу? Вполне возможно. Хотя навряд ли. Название-то города русское, а простые хасиды ни по-русски, ни по-украински, ни по-польски не говорят и, тем более, не думают. Должно быть, есть другая причина. Или вообще нет никакой причины. Разве всему на свете должна

быть причина? А всем ли известно, кто такие хасиды, и кого из них мы называем раби, и что это за человек – цадик? Пожалуй, ничего не станем сейчас объяснять, возводя стену из слов. Сказки расскажут обо всем.

Неуч и его ученый сын

– Голда, твой огневой борщ согрел наши промерзшие тела и души. С Божьей помощью мы выстоим в эту суровую зиму, – сказал раби Яков, цадик из города Божин, своей жене, неподражаемой кулинарной мастерице, – Хасиды, борщ понравился? – продолжил раби, обращаясь на сей раз к сидящей за столом публике – его ученикам и гостям.

– Еще бы, конечно! Ура Голде! – загомонили мужские голоса. Раскрасневшееся у печи лицо единственной в горнице женщины запылало еще ярче от громких похвал.

– Драгоценная моя Голда, за твое мастерство ты сегодня будешь вознаграждена сказкой со счастливым концом, как ты любишь, – продолжил раби Яков, – ее расскажет наш гость раби Эфраим, цадик из города Кобринска. Я прав, раби Эфраим, у сказки счастливый конец?

– Ты, безусловно, прав, раби Яков. Я думаю, что мой рассказ будет скорее былью, чем сказкой, – ответил гость.

– Мы внемлем тебе, Эфраим. Будь добр, начинай, – воскликнул раби Яков, жестом требуя тишины и внимания.

И вот какую историю рассказал глава кобринских хасидов в доме у раби Якова, где, как всем известно, на исходе каждой субботы его ученики и гости собираются, чтобы слушать

и рассказывать сказки.

В некоем местечке жил себе сапожник со своей женой, и был у них единственный сын по имени Мотл. От зари до зари отец семейства шил новую и чинил старую обувь – один сапожник на все местечко. Жена варила и жарила, мыла и чистила и вершила все прочие домашние дела. Мотлу, пока был маленький, не давали никакой тяжелой работы – все-таки единственный сын. В хедере Мотл считался лучшим учеником. Бывало, прочтет он раз-другой страницу из Священной Книги и помнит ее наизусть. Меламед, учитель в хедере, всегда говорил местечковому сапожнику: “Быть твоему сыну раввином, вот увидишь”. И сердце родителей таяло от сладких слов, и не было для них на свете человека милее этого меламеда.

Отец гордился своим ремеслом, любил его и сапожничал в охотку. Когда Мотл подрос и окреп, отец стал понемногу приучать сына к сапожному делу. Думал, вот, парнишка овладеет мастерством, женится, заживет своим домом, и ремесло сапожное всегда его прокормит. Руки у Мотла умелые, дело спорится, и отец доволен. Вот только душа мальчика лежит к учению больше, чем к ремеслу. Отец протягивает Мотлу молоток и гвозди, а тот утыкает нос в книги и тетрадки. Дает ему шило и дратву, а он хватается за перо и черни-

ла. Но иной раз Мотл угождает отцу, чтобы не обижать: сын тоже сознает свою единственность.

Как-то остановился в местечке проездом знаменитый хасидский мудрец и цадик. Заночевал раби в доме сапожника. На утро увидел мудрец сидящего за книгами Мотла, и вызвал мальчика на разговор. Закрылись они в комнате и о чем-то толкуют. Отец с матерью сияют от гордости: шутка ли, уж целых два часа сам раби беседует с их сыном. Наконец открылась дверь, и на пороге появились седой старик и вихрастый мальчишка. “Иди погуляй немного, Мотл”, – сказал цадик, а когда тот вышел во двор, хасид обратился к сапожнику и его жене с такими словами: “У вашего сына золотая голова. Ему нужно учиться. Я хочу увезти его с собой. Уверен, за два-три года он превзойдет моих лучших учеников. Его будущее – книги, а не подметки и голенища. Что скажете мне в ответ, люди добрые?”

Все вышло слишком неожиданно. Отец с матерью не отпустили сына – единственное дитя и уедет из дома? Прощаясь, мудрец сказал, что все же ждет Мотла, ибо не гоже оставаться доморожденным самоучкой. Только наставник научит, как с клубка мудрости сматывать нить знаний, да так, чтобы не рвать ее и не делать потом узелков.

С этого дня Мотл мечтает только об одном: стать учени-

ком мудреца. Отец против. Во-первых, страшно отпускать единственного сына. Во-вторых, сапожничество – потомственное ремесло в их семье. И отец, и дед его были сапожниками. Отчего бы и Мотлу не продолжить династию? И, наконец, в-третьих, живет в душе отца недоверие к этим книжникам и буквоедам. Мать же, наоборот, готова уступить Мотлу. “Ты, отец, из простой семьи. Не учился сам, и сыну свет заслоняешь. Кто смолоду неучен, тот до старости в этом не сознается”, – говорит мать упрямому отцу. “Порядочный и честный человек – всегда простак”, – отвечает отец. “Зато я воспитывалась в семье раввина и вижу разницу между ученым и невеждой”, – оставляет за собой последнее слово мать.

– Я тоже происхожу из семьи раввина, – неожиданно воскликнула Голда, – я тоже много училась и ценю просвещение!

– Голда, душа моя, такое бесцеремонное вторжение в рассказ нашего дорогого гостя не укрепляет твоей репутации образованной женщины, – заметил раби Яков своей супруге.

– Я нема, как рыба, – устыдилась Голда.

– Пожалуйста, продолжайте, раби Эфраим, – сказал раби Яков.

Мотл ежедневно и настойчиво упрасивает отца. Мать поддерживает сына. Наконец, отец сдается. “Ладно уж, Мотл, отправляйся к своему хасиду. Но одного я тебя не отпущу. Поеду с тобой. Так безопаснее. Заодно и погляжу, что

за люди у него учатся, и где ты сам жить станешь. И учти, Мотл, если по дороге случится с нами какая-нибудь каверза – немедленно возвращаемся назад, ибо это знак того, что Господу неугодно наше начинание”, – сказал суеверный сапожник.

Отец запряг лошадь. Мотл собрал свои книги и тетрадки в дорожный мешок. Мать снабдила провизией отъезжающих. Отец с сыном уселись на подводку и тронулись в путь. Мать машет им рукой и с надеждой смотрит вслед.

День пути, два дня пути. Все, слава Богу, хорошо. Мотл уже видит себя учеником хасида. Вот он входит в бейт-мидраш – дом, где цадик занимается со своими учениками. Усаживается. Слушает мудрые слова раби. А когда тот оставляет учеников одних, Мотл на равных с ними обсуждает трудные места из книги, чтобы подготовиться отвечать учителю. И вдруг: “Трах-тарарах!” – сломалась у телеги ось. Отец с сыном пытались починить, да поломка-то непростая. С горем пополам добрались до ближайшей деревни и там произвели ремонт. Однако отец поворачивает оглобли: “Помнишь, сынок, наш уговор? Едем домой”.

Вернулись обратно, не солоно хлебавши. Мать утирает слезы. Мотл чуть не плачет. Только отец держится стойко и не выказывает признаков разочарования.

Итак, попытка добраться до цадика в летнюю пору потерпела неудачу. Однако, тяга к знаниям сильнее превратностей судьбы. В человеке незыблемое одолевает преходящее. Погоревав, Мотл стал готовиться к новой попытке, на сей раз зимой. Хотя готовиться нужно не ему – он всегда готов. Главное – отца уговорить.

Настала зима, и снова в путь. Лошадей впрягли не в слабую подводу, а в прочные сани. Мотл с отцом закутались в тулупы, обняли на прощание мать и – вперед. Отцовское условие прежнее: встретится в дороге препона – возвращаемся с полпути. Едут день, едут другой. Вот миновали роковое место, где сломалась у телеги ось. Цель все ближе. Остановились на последнюю ночевку на постоялом дворе. Выпрягли лошадей и отвели в стойло. Одна из них не понравилась отцу: дышит тяжело, и в глазах туман. А под утро обитателей постоялого двора разбудило пронзительное и жалкое лошадиное ржание. С тяжелым сердцем бросился отец в стойло. Так и есть: лошадь их испустила дух. Для семьи сапожника потеря немалая. “Вот он твой хасид! Лошадь пала. Немедленно едем назад. И конец этому. И не упрашивайте меня, ни ты, ни мать. Больше не поедем. Сам видишь: не угодно Господу твое учение!” – с досадой сказал отец сыну.

Прибыли домой. Все семейство горюет. И неудачу потер-

пели, и ущерб понесли. Но Мотл мечту свою не оставил. Знает: ситом черпает воду тот, кто учится без учителя. Не получилось летом, сорвалось зимой, значит – надо пытаться весной. Задумал он, как стает снег, пойдет пешком сам, не спрашиваясь отца. Прозорливая мать разгадала его план, заставила по секрету признаться ей. “Упрямец, весь в отца” – подумала она. А отец успокоился, тачает сапоги и рад, что сын больше про поездку не заикается – значит отступился.

Пришла весна, и мать в тайне от отца снарядила сына в дорогу. Задолго до рассвета Мотл вышел из дому, и, презрев опасности пути, смелым шагом двинулся к цели. И случилась с ним беда. В тот год весенний разлив был особенно широк. Мост через реку оказался под водой. Мотл переправлялся на плоту. Подул сильный ветер, и волны раскачали плот. Мотл потерял равновесие и упал в ледяную воду. На счастье, поблизости оказались хорошие люди. Вытащили парнишку из воды, переодели, отогрели и вернули домой.

Только к лету поправился Мотл – так тяжело болел он после весеннего купания. Но дух его сломлен. Мешок с книжками и тетрадками пошел ко дну. Теперь он не может учиться даже дома. Дни проходят один за другим, серые и бессмысленные. Сраженный троекратным совпадением, сын стал суеверен, как отец: “Три неудачи я потерпел на пути к цели. Видно, и вправду Богу не угодно, чтобы я стал ученым”, – с горечью думал Мотл. Неприкаянный, бродит он день-деньской по двору без цели и занятия.

Отец и мать плачут. “Мальчика надо спасать. Единственный сын. Где взять нам врача, чтобы исцелил больную душу?” – спрашивают родители местного раввина. Но у того нет для них дельного совета, есть только пресные слова утешения: “Не падать духом, надеяться на лучшее”.

К счастью, кончаются звенья в цепи невзгод. Доктор сам явился в местечко. Это был тот самый цадик, который зажег мечту юного Мотла. Проездом, он вновь заночевал в доме сапожника. Наутро отец с матерью рассказали мудрецу, о беде, их постигшей. И уж теперь сам отец просил раби взять с собой мальчика, а иначе тот зачахнет без книг и мудрого слова. “Собирайся, Мотл!” – весело скомандовал цадик. И часу не прошло, как, попрощавшись с домашними, парнишка уже сидел в повозке напротив раби и пожирал глазами будущего учителя. Кажется, мечта Мотла сбылась, не сглазить бы.

– Ах, какая чудесная сказка! И кончается хорошо, – воскликнула Голда, – спасибо тебе, раби Эфраим. Жаль только, что мы не узнали, стал ли Мотл раввином или даже мудрецом, и обзавелся ли собственными учениками? Нет ли у сказки продолжения?

– Есть продолжение, Голда, – ответил раби Эфраим, – продолжение ее – я сам. Эта сказка – история обо мне.

– Вот здорово! Значит, мы слушали быль, – радостно

всплеснула руками Голда, – а отчего тогда мальчика зовут Мотл, а не Эфраим? – спросила она после некоторого размышления.

– Мотл – это литературный псевдоним, – вставил слово доселе молчавший Шломо, любимый ученик раби Якова. Произнес он это, сохраняя серьезную мину на лице, но скрыть лукавство в глазах ему не удалось. Подозревая подвох, хасиды уставились на раби Якова.

– Любезный наш Шломо, рассказчик изменил имя героя сказки ради сюрприза в конце, и ему это удалось. Мы преклоняемся перед твоим, Шломо, европейским образованием и гордимся тобой. Продолжай просвещать нас, провинциалов, – сказал раби Яков с тонкой улыбкой на устах. И хасиды наградили самоуверенного Шломо победоносными взглядами.

Счастливчик Борух

Как-то в одном еврейском городке расположился на постоянной полк царской армии. Военные взяли себе под казармы заброшенный старый монастырь. Евреям, а хасидам тем более, до этого никакого дела нет. Разве что, напомнить бесконечно праведным своим женам и дочерям, чтобы пореже появлялись в одиночку на улицах и в лавках. Все-таки, присутствуют в городе молодые да удалые офицеры. Предосторожность, разумеется, излишняя, но совесть хасида должна быть чиста: предупредил. Жизнь-то сложна. Даже невозможные вещи случаются. Но ничего в этом роде не случилось. А то,

что случилось, так это уж в совершенно ином роде.

Борух – скромный меламед, обучает детей в хедере началам Святого Писания. Как всякий хасид, он, безусловно, рад своей участи, и жена его и дочери – тоже не ропщут. Никто не алчет наживы в хасидском доме, и в стенах его безраздельно царят довольство и покой, мир и духовность.

Итак, как было сказано, даже невозможные вещи случаются. Время от времени на свете совершается такое, что переходит всякие границы. Однажды глубокой ночью, когда при слабом свете свечи глаза устали разбирать мелкие буквы, Борух закрыл книгу и вышел из дому, чтобы вдохнуть прохладного ночного воздуха, чтобы поразмышлять и получше вникнуть в прочитанные за ночь мудрые слова, чтобы поглядеть на бесконечное звездное ночное небо и восхититься и умилиться величию творения Господа.

Так, погруженный в думы, добрел он до полуразрушенной каменной стены, окружавшей старый монастырь, где разместились полковые казармы. И видит Борух, как фигура в солдатской одежде тихо крадется от стены к ближнему леску. Тут в душе хасида восторг перед вечным сменился любопытством к суетному. Солдат, пугливо озираясь в ночном полумраке, дошел до опушки леса, достал из-за пояса лопату с короткой ручкой, наспех вырыл неглубокую яму, опустил в нее небольшой предмет, засыпал яму землей и вернулся в спящую казарму.

Смутное предчувствие грядущей перемены не уничтожи-

ло, но притупило страх в душе бедняка-меламеда. Дождавшись, пока таинственная тень сольется с ночью и исчезнет совсем, Борух прокрался к холмику свежеразрытой земли и руками откопал небольшой, окованный железом деревянный сундучок. Придал месту прежний вид, и, не чуя под собой ног, домчался до дому с ношей подмышкой. “Этот сундучок лежал в земле сам по себе. Значит, он ничей. А ничья вещь принадлежит нашедшему ее. Стало быть, сундучок мой”, – успокаивает себя хасид.

Осторожно поковыряв тонким острием кухонного ножа в замке, открыл Борух крышку сундучка и увидел грудку ассигнаций – неслыханно большие деньги. Хасид разбудил жену, и, оглушенные счастьем и нежно держа друг друга за руки, супруги размечтались, рисуя яркие картины завтрашнего дня. “Вот и рассвет”, – сказала жена. “Заря новой жизни”, – высокопарно подхватил муж.

Наутро полковой командир собрал на городской площади солдат и жителей городка, и сообщил во всеуслышанье, что накануне ночью из его личных апартаментов украден сундучок с деньгами – жалование всего полка. Ежели в течение суток злоумышленник возвратит украденное – будет прощен, ежели свидетель укажет на след – будет награжден, ну, а ежели пропажа не вернется в полк, то он своей генеральской вла-

стью сурово накажет денщика своего, по причине недосмотра и халатности коего и совершена кража. Не только разжалует его, но и прогонит сквозь строй. “В ваших руках, солдаты и граждане, судьба сего нерадивого служаки”, – закончил генерал.

Прошли сутки, сундучок в полку не появился, денщика разжаловали и сделали увечным.

А меламед вскоре объявил, что учить детей в хедере он более не станет, ибо Богу было угодно, чтобы он, бедняк-хасид, получил большое наследство. И отправится он на постоянное проживание в губернский город, дабы жить по соседству со своим раби, а капитал употребит на торговые дела.

Жена Боруха, сроду не знавшая больших денег и не умевшая сберегать малые, разбогатеет и обретя первое, явила талант ко второму. “Не нужен нам этот сундучок, Борух, – сказала бережливая хозяйка, – поезжай на ярмарку и продай его. Копейка не бывает лишней”. А разве не так? Бережливость – это не скупость!

Собрались люди вокруг прилавка, разглядывают вещицу, но покупателя среди них не находится – дорого просит продавец. Тут протиснулся сквозь толпу какой-то человек на костылях, по виду – нищий. Смотрит, как замороженный, то на сундучок, то на продавца.

– Есть деньги у тебя, человек? – спросил Борух.

– Последнее отдам, но товар возьму, – ответил нищий и достал из кармана большую горсть медаков.

– Получай свое и прощай, – сказал Борух, пересчитав деньги и сунув покупателю сундучок.

– Не торопись прощаться со мной, еврей. Свидимся еще, Бог даст. И запомни того, кто купил у тебя эту вещь. И люди вокруг запомнят, – сказал нищий и указал костылем на стоящих вокруг зевак. И исчез в толпе.

Борух вернулся с ярмарки домой. Отчитывается вырученными медяками перед рачительной своей супругой, а у самого перед глазами – нищий на костылях и с мешком за спиной, а в мешке – окованный железом деревянный сундучок.

Хасидская чета пустила корни на новом месте. Воздушные мечты сгустились в кристалл реальности. Цадик любил своего хасида Боруха, богатого торговца. Совсем недавно богач перебрался из маленького городка в губернский город, а уж успел стать для прочих хасидов примером праведности. И всегда доволен и весел. “То ли нрав у него такой, то ли удача ему в делах”, – думает раби.

Раз после сытного обеда закурил Борух трубку, уселся в глубокое мягкое кресло у окна и взял со стола стопу нераспечатанных конвертов – немало писем получает делец. Вскрыл верхний конверт и стал читать исписанный каракулями лист. И тут выражение добродушного довольства исчезло с лоснящегося лица.

Пишет Боруху тот самый нищий на костылях, что купил у него на ярмарке сундучок. Напоминает богачу о себе и о покупке. Жалуется на тяготы жизни и просит скромной денежной помощи, дабы скрасить сирое и безрадостное существование свое. Заподозрив неладное, смысленый хасид безропотно облагодетельствовал своего нового друга, незамедлительно отправив тому ответное письмо с наилучшими пожеланиями и требуемой суммой. И, оправдывая худшие подозрения Боруха, в последующих своих письмах бедняк был не менее вежлив, но и не менее настойчив, всякий раз увеличивая сумму против прежней, им полученной.

Цадик заметил перемену в настроении своего доселе жизнерадостного хасида.

– Отчего ты, дружок, мрачнеешь день ото дня? – спросил он Боруха.

– Дорогой раби, я стал жертвой дерзкого вымогательства, – трагически воскликнул хасид.

– Что это значит?

– Дело простое, раби. Пожалел я как-то увечного нищего, дал ему немного денег. А он шлет мне теперь письмо за письмом и требует всякий раз все больше, и не хватает у меня духу отказать бедняге, но доколе потакать вымогателю?

– Некрасивая история, Борух, – сказал цадик, сверля пронизательным взглядом своего питомца, словно не доверяя вполне его рассказу.

– Что присоветуешь, раби?

– Чтобы совет пошел впрок, нам с тобой необходимо совершить, прежде всего, богоугодное дело и поженить двух сирот, – сказал цадик.

– О, с радостью помогу! – воскликнул хасид и вручил цадику щедрое пожертвование.

– А сейчас слушай меня внимательно, честнейший Борух. На сей раз откажи своему таинственному утеснителю, посмотрим, что из этого выйдет, а после с новостями явишься ко мне.

Борух поступил по слову раби, и гневное ответное послание не заставило себя долго ждать. Недогадливому еврею нищий разъяснял, что он и есть тот самый денщик, наказанный и изувеченный по воле полкового командира. Напомнил ему, как благородный генерал при общем стечении народа предложил вернуть украденные деньги и обещал вору пощаду, напомнил, как при многих свидетелях купил у него на ярмарке сундучок – доказательство его, хасида, вины – и заключил свое письмо угрозой, что если не получит требуемое, то явится к нему домой, и разорит воровское гнездо, и обратится к губернским властям, и выложит все начистоту, и пусть еврей пеняет на себя.

В панике Борух поспешил к цадику.

– Ты получил ответ? Давай-ка его сюда! – сказал цадик.

– Ах, раби! Я по рассеянности оставил письмо дома, но суть его изложу в двух словах. Негодяй угрожает явиться ко мне в дом и устроить разбой. Как быть мне, раби?

– Первым делом, пожертвуй на ремонт нашей старой синагоги.

– Почту за честь, раби!

– Спасибо, Борух, – сказал цадик, пересчитав деньги, – пусть явится твой нищий и немного набедокурит в доме. Он угрожает оттого, что полагает себя в безопасности. А ты скажешь ему, что обращаешься к судье, и суд состоится в такой-то день, и пусть этот день придется на праздник пурим, когда евреи пьют вино и устраивают представления. Позаботься о том, чтобы друзья хорошенько угостили хмельным твоего гонителя, перед тем, как тот войдет в зал суда. А дальнейшее предоставь мне.

Стук в дверь. Слуга открывает. На пороге стоит человек на костылях, требует хозяина. Выходит Борух. Нищий раздражается угрозами и проклятиями. Хозяин оставляет буяна на попечение слуг, выходит из дома и вскоре возвращается.

– Почтенный, я подал на тебя жалобу судье. Назначен суд и тебе надлежит присутствовать, – сказал Борух и велел слугам выставить нищего вон.

– Посмотрим, чья возьмет! – только и успел вымолвить выпроваживаемый за дверь гость.

И устроил цадик суд-представление. Чего не добиться в настоящем суде, пуримшпиль достигает легко. Сам раби на-

рядился судьей. Кому-то из хасидов досталась роль защитника, кому-то – обвинителя, кому-то – писца. Для всех нашлись маскарадные костюмы. Суд рассмотрел дело о вымогательстве и дебоше, учиненном неким нищим в доме честного горожанина. Судья лишил слова обвиняемого, пришедшего пьяным и тем проявившего неуважение к суду. Дебошир и вымогатель был осужден на заточение в тюрьму, и на завтра к полудню обязан был самостоятельно явиться к тюремным воротам.

А ранним утром нищий очнулся после тяжелого сна, вспомнил горькие события минувшего дня и, не теряя даром времени, отправился на станцию, нанял на последние деньги лошадей и был таков.

– Спасибо тебе, раби, ты возвратил мне вкус к жизни, – обратился к цадику Борух, с сияющим, как в прежние времена, лицом.

– Полноте, дружок, это ты сам своими благими деяниями вернул себе расположение Небес, – скромно сказал цадик.

– Я вижу, раби, как сильна правда – берет верх неизменно!

– И неизменно же пробивается наружу! И помогают ей в этом верные слуги ее – слухи, что полнят землю. И имеющий уши – услышит, – с лукавой усмешкой заметил цадик.

– Спокойствие души так хрупко, раби! Теперь я могу быть спокоен? – спросил хасид, желая укрепиться в чувстве уверенности и продлить его очарование.

– Дорогой мой Борух! Господь отметил тебя своей мило-

стью, и ты сделался богат. Спокойствие богача в его деньгах. И не столько в тех деньгах, что он приобретает, сколько в тех, что он тратит. Я разумею благотворительность, мой друг. Вот твой ключ в обитель будущей спокойной жизни, – туманно закончил цадик.

Придя домой, счастливый Борух поведал жене о благополучном завершении дела. Не торопясь разделять радость супруга, она выспросила все подробности. Лицо практической женщины не просветлело, но приняло отрешенное выражение, как у человека, производящего подсчеты в уме.

Навет

Какое это чудесное время – весна! Стихии природные – и вода, и воздух, и земля – все пробуждается. Кругом молодая зелень: трава, кусты, деревья. Теплый ветер пьянит. Лед на реке сошел, вода к себе манит. Благолепие и благодать.

Стоит на реке мельница. Хозяйничает на мельнице еврей, что взял ее в аренду у местного помещика, важного вельможи. Никто не рад весне больше, чем мельник. Во-первых, он хасид, а, стало быть, человек жизнерадостный и жизнелюбивый, а во-вторых, пасха на носу, а это значит, что заказов хоть отбавляй. Один за другим евреи тянутся на мельницу, привозят мешки с зерном, увозят мешки с мукой – будут мацу печь.

Мельник этот всем хорош, но на язык неводержан. То есть недостойных или богохульных каких речей, Боже сохрани, от него не слышно, но вот обидеть человека ядовитым

словом он может. Задумал как-то сын местного священника свою мельницу построить. Но за дело взялся неумело, и де-нежки его быстро вылетели в трубу. Чужие неудачи доставляют удовольствие. Мельник рад его беде и открыто насме-хается над незадачливым конкурентом: “Куда уж этому без-головому со мной тягаться. Неуч и пьяница. Силен в делах, как родитель его, поп, силен в Святом писании – тот не знает, кто кого убил, то ли Каин Авеля, то ли Авель Каина”. Не раз уж цадик остерегал хасида: “Кого уязвишь насмешкой, в ду-ше того оставишь вечный след. Не тешься зубоскальством, наживешь врагов”.

Работал у мельника мальчик-подросток, крестьянский сын. Работника своего хасид не обижал, тяжелой работой не нагружал – молод совсем, а кормил досыта, да еще и гостин-цы отцу с матерью посылал. Вот и любил парнишка доброго хозяина.

Как-то раз не явился поутру работник. Мельник забеспо-коился: “Не заболел ли?” Пошел к отцу его, крестьянину, а тот говорит, что сын накануне вечером не возвращался, и, что думали они с матерью, что остался он на мельнице ноче-вать, потому как работы невпроворот. Нехорошо сделалось на душе у еврея. Тошно. Мысли дурные полезли в голову. Бедой запахло.

А уж к полудню все крестьяне знали: у мельника пропал работник, и нигде его найти не могут. Священник собрал на площади вече и разъяснил простым людям смысл свершившегося. Это мельник убил юношу, и евреи взяли кровь его и будут подмешивать в свою мацу, что пекут на пасху. Останки мученика сожжены, и пепел в землю зарыт. Заволновался народ, требует мести, грозит расправой. Но священник осек самых рьяных. Мы, мол, не варвары какие, и самосуд у нас никому вершить не дозволено. Будем судить негодяя по закону, как положено, и по закону поступим с ним. И арестовали хасида, и связали, и заключили в тюрьму, и ждет он правого суда.

Евреи проходят мимо тюрьмы и глядят через решетку на несчастное лицо узника: кто с жалостью, кто со страхом, а кто и с враждебностью – каждый, зависимо от способностей своих предвидеть события.

И состоялся скорый суд по всей форме и букве закона. И судьи в рясах определили свой приговор – смертная казнь мельнику. Но палачу не велено пока торопиться, ибо без последнего слова помещика, важного царского сановника, приговор силы не имеет. А помещику-то развязка такая не нравится. Кто поспешно осужден, часто осужден напрасно. Казнят мельника, поднимутся волнения в народе, и, кто знает,

куда это приведет. Да и евреи от страху поразбегутся, и сократятся доходы поместья.

Задумался помещик. Поставить свою печать на приговор – худо, а не поставить – тоже худо. Да и можно ли попам доверять и на суд их полагаться? По доказательствам они судят или по вере? Небось, рады прибавить огонь к огню. А не посоветоваться ли мне с еврейским святым, цадиком, как хасиды его называют? Говорят, мудрец он, ясновидец, и сила в нем огромная. Чтоб от беды уйти, не грех и с самим чертом дружбу завести.

Только он об этом подумал, а уж заходит в кабинет главный слуга и извещает хозяина, что хочет с ним поговорить хасидский раби, предводитель еврейский. Ждет внизу, в приемной зале. По делу о мельнике. Своего выручать пришел.

“Вот, Бог послал мне человека, неспроста это. Должно быть, еврей этот моего мнения держится, с кем дружбу заводите”, – усмехнулся вельможа. Слуга провел гостя в кабинет и плотно закрыл за собой двери. Долго-долго совещались промеж собой царский сановник и хасидский цадик. Так сила говорит с силой, так власть говорит с властью.

Обещал вельможа задержать решение свое на неделю и заодно сообщил цадик, что в другом городе, в трех днях езды, живет брат священника. Не медля ни часу, нанял раби лошадей и посулил кучеру хороший барыш за быструю езду.

Как приходит догадка к мудрецу? Очень просто: под про-

ницательным взглядом на настоящее вырисовывается картина прошлого.

Прибыл раби на место и быстро разыскал нужный дом. Стал наблюдать. И вдруг видит, выходит из двери знакомая фигура. Пригляделся получше: да это же пропавший работник нашего мельника! Слава Богу, жив и здоров парень. Сердце у цадика чуть не выскочило от счастья. “Не обмануло меня чутье!” – подумал. Поманил к себе отрока. Тот подошел к бородатому еврею. “Узнаешь меня?” – спросил раби и, не дожидаясь ответа, приказал: “Пойдем-ка, дружище, на постоянный двор, разговор важный есть”.

Без долгих предисловий сказал цадик юноше, что добрый его хозяин сидит в тюрьме и ждет казни. “Поедешь со мной назад в наш город и расскажешь на суде всю истинную правду о том, как ты здесь оказался. А без твоего признания казнят невинного мельника. А ежели не сделаешь это, то возьмешь на душу страшный непростительный грех, и после смерти гореть тебе вечно в аду”, – остерег цадик крестьянского сына. Заплакал парнишка от страха. “Говори только правду, ничего не бойся: страх есть ожидание зла. Помещик и я защитим тебя от зла. Он – на земле, а я – на Небе”, – пообещал раби. И через три дня вернулись оба в родной город.

Первым делом вельможа показал народу найденную пропажу, и крестьяне успокоились, и у евреев отлегло от сердца. Не советуясь на сей раз с раби, помещик принял политическое решение: новый суд при закрытых дверях. И рассказал юноша на суде всю-всю правду. Приговор отменили, мельника оправдали, попу указали на ошибку.

Дурное забылось, хорошее вернулось. Хасид трудится без усталости. Верный его работник помогает хозяину. Привозят люди мешки с зерном, увозят мешки с мукой. Все складно.

Но вновь пришла беда. Как-то увлеклись работой двое наших тружеников и не заметили, как стемнело. Поздно уж было домой возвращаться, и заночевали оба на мельнице. И в эту ночь случился пожар. И сгорела мельница, и погибли в огне и дыму и мельник, и работник. Лишь священник не задыхался от смрада пожарища – благовонны трупы врагов.

Хасиды схоронили своего, а крестьяне – своего. А как-то на праздник выпили мужички изрядно и спрашивают священника: “А что, батюшка, верно люди сказывают, мол, это сынок твой мельницу поджег, и две души невинные на небо вознеслись?” Шибко рассерчал на мужиков поп: “Постыдитесь, христиане, нелепицу повторять. Навет это, злой навет!”

Трубка братства

Вероятно, читатель помнит, что в обычае раби Якова, цадика из города Божин, просить всякого новичка-хасида рас-

сказать сказку. Примкнул хасид к раби Якову, пришел на исходе субботы в дом учителя, отведал свежего борща, что варит жена цадика мастерица Голда, и будь любезен – рассказывай. И вся хасидская братия так думает: послушать сказку новичка – лучший способ поближе познакомиться с ним. Вот и сейчас сидит раби Яков во главе стола, а многочисленные ученики его расположились потесней и, томимые любопытством, жадно смотрят на нового своего товарища.

Рассказчика зовут Эрлих. То ли это имя, то ли фамилия – никто точно не знает. Так он назвал себя, так его и величают. Эрлих – перебежчик. Он был хасидом другого цадика, но некоторые обстоятельства толкнули его на поиски нового учителя. Так Эрлих оказался учеником раби из Божина.

– Внимание, евреи, – громко произнес раби Яков, – угмонитесь. Сегодня мы слушаем Эрлиха, нашего нового товарища. Эрлих сообщил мне, что поведаст нам историю о том, как оставил прежнего своего учителя и перешел ко мне. Другими словами, нам предстоит слушать не сказку, а быль. Я думаю, это не беда: в каждой были есть доля сказки, – закончил свое вступительное слово раби Яков.

Раби в этот вечер испытывал душевный подъем. Самолюбию цадика всегда льстит заполучить нового ученика, а уж в результате предпочтения – тем паче. Господь не создает людей без слабостей. И это хорошо. Разве тщеславие, скажем, не помогает добродетели?

Ободренный доброжелательным словом учителя, Эрлих,

нимало не смущаясь беспокойной аудитории, нацелившей на него два-три десятка пар глаз, бойко начал рассказ.

Как-то раз, я и мои прежние товарищи бродили за городом. Просветительную эту прогулку возглавлял по обыкновению наш учитель раби. . . , впрочем, имени его я упоминать не стану. Духовная беседа шла своим чередом. Раби говорил, а мы, ученики то есть, внимали и запоминали. А если кто задавал вопрос – раби отвечал. Цадик утомился от долгой ходьбы и присел отдохнуть на поваленное бурей дерево на опушке леса. Захотел закурить и достал трубку. А табак дома забыл.

Тут кто-то из нас молодых остроглазых заметил поодаль одинокую фигуру. Пригляделись – человек курит трубку. Вот так удача! Я и еще несколько хасидов вызвались подойти к незнакомцу и попросить табаку для раби. Цадик одобрил наш порыв, и мы поспешили навстречу синему дымку.

Приблизились к человеку. Благообразный еврей средних лет. Черная борода с проседью. Видно, тоже любит прогуляться за городом, отдохнуть от городской суеты. Я сразу вспомнил этого человека – торговца лесом – видел его на свадьбе дальних родственников жены. Он плясал, пел и куролесил больше всех гостей и был изрядно навеселе. Потому, должно быть, он меня и не признал. Я, однако, не подал

виду.

Так вот, изложили мы нашу немудреную просьбу. Как только услышал мой веселый торговец имя цадика, тут же вызвался самолично принести раби табак. Как человек приземленный, но умный, он обрадовался случаю поговорить с цадиком, личностью духовного склада.

Все вместе мы вернулись к раби. Тот встал, приветствуя гостя, попросил табаку. Раби и гость закурили трубки, отошли в сторону. Ученики говорили о своем, а раби с незнакомцем – о своем. Беседа их затянулась. Выкурили по первой трубке, затем принялись за вторую. Наконец, они распрощались, и раби, весьма довольный, подошел к нам.

– Ученики мои, – торжественно обратился к нам раби, только что ваш учитель удостоился самой значительной духовной беседы в его жизни.

– А кто этот человек? – нетерпеливо выкрикнул кто-то из моих товарищей.

– О, дорогие мои друзья, да ведь это же сам Илья-Пророк! – с гордостью воскликнул цадик.

Впоследствии товарищи рассказали мне, что я побледнел, как полотно, услышав эти слова.

– Раби, почему ты не представил нас? Мы давно просили тебя об этом, и ты обещал, – прозвучал все тот же нетерпеливый голос.

– Я рад был бы исполнить свое обещание, но ни один из вас даже не заподозрил, кто стоял перед вами. Коли вы не

узнали его сами, значит, вы пока не достигли того высокого уровня духовности, который позволяет разглядеть за обыкновенной наружностью облик высшей святости. Стало быть, дорогие мои, вы еще не созрели ни для беседы с Пророком, ни для понимания скрытого иносказательного смысла его слов, ни для передачи ему глубинных чаяний народа нашего. Но не горюйте. Я – ваш учитель. Будем расти вместе, – заключил раби.

Я видел, как раби взволнован, и, казалось, сама истина глаголит его устами. Он стал напряженно всматриваться в разочарованные лица примолкших моих товарищей. Наконец он остановил взгляд на мне. Наверное, что-то необычное было в моем бледном лице, что зажгло тревожный огонек в глазах учителя. Тогда я нарушил молчание.

– Почтенный раби, я отлично знаю этого человека, – сказал я не вызывающим сомнения тоном, твердо и в упор глядя на цадика. Тут пришла очередь побледнеть нашего раби.

– Этот человек ни кто иной, как... – хотел я продолжить, но раби громким возгласом “Замолкни, Эрлих!” не дал мне закончить.

Придя в необыкновенное смятение, учитель, сказавшись больным, попросил учеников, кроме меня, немедленно разойтись. Когда сбитые с толку хасиды в недоумении удалились, наш цадик, для верности оглянувшись и убедившись, что нас никто не слышит, сказал: “Я должен обсудить с тобой, Эрлих, крайне важную вещь”.

– Интересно, Эрлих, какую такую важную вещь сообщил тебе прежний твой учитель? – заинтересованно спросил Шломо, любимый ученик раби Якова, который прожил много лет в Европе и привык ценить честность и прямоту. – И не слишком ли мы приучены принимать авторитет на веру? – с шокирующим вольнодумством продолжил Шломо.

– Довольно, Эрлих, – вмешался раби Яков, – я и мои хасиды благодарим тебя за интересный рассказ. Я что-то недомогаю сегодня. Друзья, прошу всех разойтись и не обижаться на меня старика, сказал он и жестом руки дал понять Эрлиху, что просит его остаться.

Все гости, кроме новичка, ушли.

– Что с тобой, Яков? – испуганно спросила Голда.

– Все в порядке, Голда. Будь добра, принеси мне мою трубку и табак. Захотелось покурить, – сказал цадик.

“Какая сила всполошила тебя, Яков?” – мысленно спросил себя раби, – “Словно тяжкие цепи братства сковали тебя с тем цадиком”.

Раби курил редко, разве что если бывал сильно возбужден. Выпуская изо рта табачный дым, он понемногу успокаивался. Обдумывал разговор с Эрлихом.

Паломничество и воздаяние

Раби Шмуэль-младший, став преемником своего отца, тоже по имени Шмуэль, сильно расширил и прославил хасидскую общину местечка Станиславичи. Далее речь пойдет о сыне, и будем называть его раби Шмуэль. Напомним также,

что раби Шмуэль до самой кончины своей был задушевым другом раби Якова из города Божин.

Далеко и широко простирается слава цадика из Станиславичей. Всем известны глубочайшие познания его в Святом Писании. Его проникательность в делах житейских достойна восхищения. Обыденное, как и святое, подвластно его острому уму. К совету его прибегают, когда все средства исчерпаны. Таков портрет мудреца.

Сам человек незаурядный, раби Шмуэль и учеников подбирает себе под стать. Середняков среди них нет. В каждом есть изюминка. Нафтоли – один из них. Он, несомненно, одарен Богом немалыми способностями, однако, не столько умом, сколько неукротимым стремлением к первенству превосходит Нафтоли своих товарищей. Неодолима и упряма его страсть опережать. День, что ему удастся это – праздник для Нафтоли. Будни, однако, случаются чаще праздников. А ведь нелегко не быть первым, коли чувствуешь, что можешь.

Нафтоли благоговеет перед учителем своим, но и завидует ему втайне. Самое заветное желание ученика – сравняться в славе и заслугах с учителем, а то и опередить его. Цадик насквозь видит Нафтоли, но не стесняет природный нрав человека. Прагматичный мудрец усматривает в честолюбии не грех и не добродетель, но силу и пользу.

Есть в сердце Нафтоли достаточно места и для нежных чувств. Красавица Двора разжигает воображение юноши не меньше, чем мечта о славе. Светлые локоны до плеч, боль-

шие голубые глаза, нежные черты девичьего лица. А волнующий взгляд! А негромкий сдержанный смех! Ах, Нафтоли без ума от Дворы. Влюблен, да и только. Осмелев, Нафтоли нежно сжимает в своей руке маленькую руку Дворы. Она робко отвечает на пожатие, и тем подает надежду. Но при этом не опускает глаза, а лукаво смотрит на юношу, и подступает к тому тревога. Молодая душа Нафтоли – вместилище двух страстей.

Ничто, даже тайная зависть ученика, не укрывается от наблюдательного взора мудреца. Сам же раби Шмуэль вздыхает об оставшейся позади молодости. “Выходит, и я завидую?” – размышляет цадик, – “Пусть так, ведь в зависти есть что-то от желания справедливости”.

“Сколько долгих лет тебе нужно учиться, сколько бессонных ночей сидеть над книгами при свече, пока люди назовут тебя мудрецом?” – спрашивает себя Нафтоли. “А ведь есть средство пробить брешь в стене времени. Совершающий паломничество на Святую Землю поглощает божественную мудрость быстро, как губка впитывает влагу. Воздух Иерусалима наполняет разум силой необычайной. Молитвы в Святых местах принесут мне скорый успех”, – так мечтает Нафтоли, потом спохватывается: “А как же Двора? Уехать и оставить красавицу-девицу на волю судьбы? Между

куском и ртом много может произойти. Женихов ей не занимать. Вернуться мудрецом, но с раненым сердцем?” – терзается сомнениями Нафтоли. “Я должен вызвать Двору на решительный разговор. Если Богу угодно, я женюсь на ней, и вместе направим наши стопы на Святую Землю”, – находит он счастливое решение, но тут же унимает преждевременную радость: “Какая нелепая мысль, можно ли слабую женщину подвергать испытаниям столь тяжкого пути?”

Нафтоли признается Дворе в любви и просит ее руки. Очаровательная плутовка словно читала его мысли. “Я пойду с тобой под венец, милый Нафтоли, но сперва испытаю твою любовь. А ты испытай себя. Отправляйся паломником в Святую Землю и возвращайся мудрецом. Клянусь, буду ждать тебя”, – сказала Двора. Надо ли говорить, как рад был Нафтоли такому ответу. Все сомнения разрешаются сами собой. Вернее, с помощью Дворы. Но всегда находит причину для сомнений беспокойный Нафтоли: “Отчего светилось лукавство в ее глазах, когда она клялась?” – спросил себя будущий паломник, – “Должно быть, мне почудилось”, – получил он успокоительный ответ.

Ах, как долго, долго идти и ехать до Святой Земли. Как тяжела, трудна дорога – доли и горы, реки и моря, пешком и верхом, на плоту и на корабле. Да разве тяготы пути остано-

вят молодого полного сил хасида! “Чем трудней, тем интересней, а чем интересней, тем больше будет внемлющих моим рассказам”, – думает Нафтоли и упрямо и весело продолжает путь. Верит пилигрим: по возвращении его ждет двойная награда, исполнение мечты.

Как-то на земле турецкой попал Нафтоли в переделку. Прибыл в некий город. Направился по обыкновению в еврейский квартал. Первым делом, позаботившись о ночлеге, зашел в ближайший духан подкрепиться после утомительного дня. За столами – все чернобородые евреи-торговцы. На головах тюрбаны вместо ермолок. Еда вкусная, хоть и острая. Нашелся среди торговцев один, что долго жил в северных краях и понимал язык тамошних евреев. Познакомился с ним Нафтоли. Чернобородый спрашивает, хасид рассказывает. О том откуда, куда и зачем путь держит. О раби о своем, о хасидах, о которых тут и не слыхали. Что Нафтоли говорит, то собеседник пересказывает товарищам своим на их языке. Евреи народ любознательный в любом конце света. Вот уж все купцы наперебой задают вопросы. Нафтоли едва успевает отвечать, и переводчик трудится за двоих. Шум и гам, как на еврейском постоялом дворе в Станиславичах.

На беду проходили мимо два турецких жандарма. Видят: духан полон евреев, сидят за столами, кричат во все горло, руками размахивают. Среди них один рыжий, нездешний, больше всех шумит. Времена тогда были смутные. А смуту кто сеет? Известно кто. Вот по высочайшему указу самого

султана и поступили жандармы так, как и положено им было поступить. Своих чернобородых разогнали по домам, а чужака рыжего, Нафтоли то есть, забрали с собой. Разобраться, что за птица. А на каком языке говорить с ним прикажете? И порешили жандармы, что спешить некуда, и заключили в тюрьму бедного паломника. А суд в тех местах вершится не скоро.

Неделю, другую томится Нафтоли за решеткой и никого не видит, кроме тюремного сторожа, что приносит ему пищу. “Что делать?” – думает наш узник и решается написать письмо учителю своему, раби Шмуэлю. Просит научить, как из беды выбраться. А еще просит, не рассказывать отцу и матери про то, что сидит он в турецкой тюрьме, а, наоборот, заверить пребывающих в тревоге родителей, что любящий сын их находится в полном здравии и без помех движется к своей цели. Не предполагал Нафтоли, сколь велик цадик. Просил у него совета, а получил спасительную помощь.

Только прочитал раби Шмуэль письмо издалека, а уж знал, как горю помочь. В том самом городе, где томится в тюрьме его ученик, есть у цадика знакомый раввин, с которым дружил он в молодые годы, когда сам жил на Святой земле в городе Иерусалиме. Пути их разошлись, а дружба осталась. Раби Шмуэль отлично знал, как коротко решать судейские дела в подвластных султану землях. Тайно собрал он достаточно денег и отправил их другу вместе с письмом, в котором просил применить эти деньги для освобождения уз-

ника. А еще попросил цадик передать незадачливому Нафтоли упрек за излишнюю просьбу не сообщать дурных новостей отцу и матери. На следующий день, как получил раввин письмо и деньги, свободный странник Нафтоли продолжал свой путь на Святую Землю.

Свершилось. Нафтоли на Святой Земле. Башни древней столицы. Горы и пустыня. Здесь жили праотцы. Для горячего сердца хасида воздух Иерусалима – безбрежное море вдохновения. Духовность проникает в душу и мозг, дабы кристаллизироваться в будущих помыслах и делах. Нафтоли самозабвенно молится у стены Храма. Вот награда за тяготы пути. Другими глазами смотрит он на листы древних книг. Ровные строгие строки проникают мудростью в его ум. “Я сделал правильный шаг”, – с гордостью думает Нафтоли.

Летят дни и недели. Кажется, пора возвращаться в родные края. Подходит к концу паломничество. Впереди ждет воздаяние.

Тут вновь с Нафтоли приключилась беда. Заболел и слег. А виной его недугу – восточная пища, ранее упомянутая. Желудок северянина приучен к простоте и однообразию. Изощренный Восток без меры разжигает молодой аппетит. Неумеренность повредила хасиду. Слуга в синагоге, добрая душа, приютил его у себя. Однако время идет, а больному

лучше не становится – бледен, слаб, нет мочи на обратный путь.

Нафтоли пишет письмо по известному адресу. Просит совета, помощи, спасения, чего угодно – лишь бы вернуться домой. Ответное письмо и деньги учитель выслал немедленно. Письмо подняло упавший, было, дух больного, а тело его исцелил искусный врач, вознагражденный за труды деньгами цадика.

Местечко Станиславичи взбудоражено: живым и здоровым вернулся домой паломник Нафтоли. Толпы хасидов у ворот дома. А в горнице – радость и семейное торжество. Объятия отца и матери. Читая немой вопрос в глазах сына, мать говорит: “Твоя верная Двора ждет тебя, Нафтоли”.

Сыграли свадьбу. Молодые счастливы, словно перенеслись в рай. Когда к оглушенному восторгом юному супругу вернулась способность связно говорить и мыслить, он стал, как прежде, подолгу задерживаться в синагоге после молитвы. Хасиды собирались вокруг Нафтоли и жадно слушали его нескончаемые рассказы о путешествии. Евреи, как сказано, народ любознательный. Нафтоли торжествует: хасиды внемяют его речам не меньше, если не больше, чем поучениям самого раби Шмуэля. Игра стоила свеч!

Да и как не слушать рассказ о том, например, как, угодив

за смелые речи в турецкую тюрьму, томясь в неволе в каменном каземате, страдая от жестокого голода, ожидая смертной казни, мужественный Нафтоли находит в себе силы, распиливает толстые железные прутья тюремной решетки и совершает дерзкий побег. А разве не поучительна история о том, как изнуренный тяжелым учением, хасид сделался больным и, преодолевая жар и лихорадку, сумел найти в книге нужные слова и обратился с ними к Богу с мольбой о помощи, и Господь послал ему исцеление. Раби Шмуэль, слушая краем уха, как складно говорит Нафтоли, и, стараясь остаться незамеченным и не смутить его, думает: "Правдивый этот рассказчик не оставляет свои приключения на произвол фактов". Мудрец снисходителен к ученику.

Эти и другие истории Нафтоли повторяет и дома. Двора – благодарная слушательница. "И вовсе у нее не лукавый взгляд. Напрасно я тревожился", – догадывается Нафтоли. С грустью замечает недавний паломник, что все меньше хасидов готовы внимать ему. Авторитет же цадика, на который он дерзнул покушаться, как и прежде недосыгаем. Двора, впрочем, слушает мужа с неослабевающим интересом. "С раби, должно быть, мне не сравняться никогда, он выше меня. А завоевать сердце Дворы я мог, и не совершая паломничества, я просто был слеп. Ради чего я пустился в столь тяжкий путь?" – с тоской размышляет Нафтоли. И вновь подставляет плечо раби Шмуэль. Он будто проник в душу ученика: "Ни о чем не жалею. Пройдут годы, и ты поймешь, друг, как верно

ты поступил. А прибыль от правильного поступка в том, что он совершен”.

Еврейский мезальянс

Как-то в летний праздник швуэс гостили в Божине у раби Якова хасиды из города Добров, ученики раби Меира-Ицхака. Гости с нетерпением ждали исхода праздника, чтобы послушать знаменитые на всю округу сказки раби. Известен им также обычай божинского цадика: право рассказывать первую сказку он предоставляет гостю. Разумеется, у добровских хасидов сказка была заготовлена заранее.

Наконец-то Голда, жена раби Якова, очистила стол, убрав пустые миски из-под молочной лапши, которая подавалась вместо привычного борща, так как праздник швуэс не мыслим без молочной еды. Вот все расселись за огромным столом, раби поднял руку, призывая хасидов к вниманию и молчанию, и предложил гостям начинать. Лучший среди добровских рассказчиков не заставил себя долго просить – слова вертелись у него на языке. Вот его сказка.

Жили в одном городе два еврея-торговца. Один – средней руки, другой же – настоящий богач. Первого Бог одарил сыном Давидом, а второго – дочерью Эстер. Дети с малолетства были дружны и неразлучны, водой не разольешь. Давид, когда подрос, как и все мальчишки стал ходить в хедер, то есть в

школу, где еврейских детей учат понимать Святое Писание. Полюбил он учение и часами просиживал над книгой. А еще Давид сочинял стихи, которые посвящал Эстер. Он держал это в тайне от всех, да и от нее самой тоже. А Эстер обожала слушать истории о заморских приключениях, которые рассказывал ей дядя, брат отца. Он объездил полмира, и рассказам его не было конца.

Настоящая дружба, как и настоящая любовь, встречаются редко, зато детская дружба часто перерастает в любовь. Выросли Давид и Эстер и поняли, что судьба их быть вместе. Однако отец Эстер воспротивился браку, так как имел виды на жениха побогаче. Как ни странно, отец Давида тоже возражал – то ли гордость говорила в нем, то ли девица казалась ему несколько ветреной. Благоразумие и любовь не идут рядом: растет любовь – убывает благоразумие. Не добившись родительского благословения, влюбленные решили сбежать. Так и сделали.

Давид и Эстер придумали способ бегства. Точнее, одна придумала, другой поддержал. Темной ночью покинули они отчий кров, встретились в условленном месте, добрались лошадьми до ближайшей корабельной пристани, поднялись на отплывающее судно и были таковы.

Чудесно началось предсвадебное путешествие. Попутный

ветер надувает паруса. Море и волны. Солнце и воздух. Небо и звезды. Сидят себе беглецы на палубе и вслух мечтают, как приплывут они в дальнюю-дальнюю страну, о которой Эстер не раз слышала от дядюшки, как сойдут на берег, как придут в синагогу и расскажут тамошнему раввину какую-нибудь правдоподобную небылицу, как раввин поженит их, и как заживут они приятной и счастливой жизнью. Сладкие фантазии. Давид даже книгу отложил в сторону. Хорошо мечтается молодым!

Чудесно началось предсвадебное путешествие, но кончилось хуже некуда. Затянули черные тучи горизонт. Налетел ураганный ветер. Шторм швырял легкий парусник с волны на волну. Произошло неизбежное: корабль разбился о скалы. Господь хранил наших влюбленных. Давид и Эстер выбрались на берег незнакомой страны.

– Сбежали из дома! – перебила рассказчика Голда, – Ничего удивительного, что начало хорошее, а конец плохой. В точности, как чесотка – начинается с удовольствия, а кончается болью.

– Голда, будь добра, помолчи до конца сказки, – сердито сказал раби Яков.

– До конца сказки помолчу, – ответила Голда. Рассказчик продолжал.

Ветер стих. Смертельно усталые, уснули беглецы под деревом. Пение птиц разбудило девушку, и покуда Давид крепко спал, она отправилась оглядеть окрестности. Вдалеке вид-

нелся город, значит, туда должна вести дорога. Но тут случилась новая беда. Навстречу Эстер вышли из-за прибрежной скалы двое пиратов. Схватили девушку, связали, положили на дно своей шлюпки и быстро-быстро стали грести в направлении корабля на горизонте. Так попала Эстер на пиратский корабль.

Наконец-то пробудился Давид. Огляделся по сторонам – нет возлюбленной. Бросился искать. Мечется, зовет, кричит до хрипоты. Все напрасно. Пропала Эстер. И людей нет вокруг. Сел на камень, заплакал. Понял, случилось непоправимое. Не видать ему больше любимой Эстер.

Несчастный добрел до городских ворот и упал на землю без памяти у самых ног стражника.

Очнулся Давид через много дней. Слышит вокруг родную речь. Это евреи подобрали его, стали лечить. Наконец-то больной открыл глаза. Все без утайки рассказал раввину Давид. Дали ему крышу над головой. Он снова окунулся в книги. Корит сам себя за гибель невесты и за свою собственную горькую судьбу. Уверен, что так и кончит свою жизнь в углу бедной синагоги. В святых книгах ищет утешение. А как узнал он, что царь этой страны жестоко притесняет евреев, стал рьяно молиться за спасение своих спасителей. А все же жила в душе у Давида смутная надежда. Любовь не такой жалкий огонек, чтобы потухнуть в разлуке.

Пираты подняли на борт корабля связанную по рукам и ногам Эстер. Освободили от пут. Бедняжка онемела от страха. Воображение рисовало ей картины страшной будущности.

Пленницу повели в трюм. «Кажется, это конец» – мелькнула лихорадочная мысль в ее голове. Дверь закрылась снаружи на тяжелый железный засов. Когда глаза привыкли к полумраку, Эстер обнаружила, что она не одна в этом заточении. На лавках вдоль стен и просто на полу сидели еще полторы дюжины молодых и красивых женщин. Словоохотливые обитательницы трюма быстро объяснили новенькой ее нынешнее положение. Захватившие их пираты промышляют продажей женщин в рабство. Они подстерегают на берегу свою жертву, доставляют ее в целостности и сохранности на корабль, а когда наберется достаточное количество будущих невольниц, их везут в далекие восточные страны. Там их продают богатым купцам или шейхам, и на этом заканчивается их девичество.

Поразмыслив, Эстер поняла, что положение ее небезнадежно. Пригодятся, пожалуй, дядюшкины истории. Товарки ее мечтали выбраться на свободу, не хватало только заводить. Думали-думали и изобрели план спасения.

А тем временем дрейфовавший у берега корабль вышел в открытое море и взял курс на Восток. Пираты на палубе изрядно развеселились. Пили ром и пели свои залихватские

разбойничьи песни. Эстер прислушалась. Какая веселая песня. Правда, она не уверена, подобает ли дочери Израиля слушать это.

Судно зашло в порт пополнить запасы пресной воды и пищи. Пираты спустились на берег. На борту оставили только рулевого – охранять пленниц. Настало время приводить в исполнение задуманный план. Медлить нельзя. Любовь пренебрегает страхом и смертью. Эстер скомандовала: "Начинаем!" Самая тонкая из девушек сумела протиснуться сквозь решетку двери и отодвинуть тяжелый засов. Тихо-тихо гуськом одна за другой мятежницы пробрались на палубу, подкрались к дремавшему на солнце рулевому и набросили ему на голову черное покрывало. Две самых ловких схватили багор, приставили его к горлу пирата и уселись на багор с двух сторон. Захваченный врасплох, он стал задыхаться. Видя, что рулевой почти при смерти, девушки связали ему веревками ноги и руки и только тогда убрали багор и сняли покрывало. Вылили ему на голову ведро холодной воды. Разбойник понял, что побежден.

Эстер стала к штурвалу. Под угрозой смерти пират направлял ее. Пришлось ему выполнить и еще одно требование и указать девушкам, где хранится разбойничья одежда. Через час пленниц было не узнать: нарядились в мужские костюмы.

Корабль приблизился к небольшому острову. Здесь – пи-

ратское гнездо. Здесь же обитает глава пиратов всех окрестных морей. Эстер и с ней трое девушек, все переодетые мужчинами, сели в шлюпку и принялись грести в сторону земли. Высадившись на берег, они категорически потребовали у охранника немедленно передать главе пиратов, что для него имеется крайне

важное сообщение. Главарь не заставил себя долго ждать. Эстер смело выступила вперед и грозно, насколько позволял ее девичий голос, отчеканила:

– Моя команда захватила в плен твое судно. Разбойники послужили отличным кормом для акул. Оставлен в живых только рулевой. Он наш заложник. Потрудись посмотреть на корабль вдалеке – рулевой привязан к мачте, – закончила она, сама дивясь своей смелости.

– Немедленно схватить и казнить наглецов, – крикнул головорезам бледный от гнева главарь.

– Стоп! Не приближаться! – воскликнула Эстер, – С нас не спускают глаз на корабле. Стоит твоим людям подойти к нам и меч немедленно снесет голову заложника. Только ему известен на этом острове тайник, где спрятаны несметные сокровища последнего рейда. Потеряешь рулевого – потеряешь половину богатства.

Дерзость внушает трепет, даже закоренелый злодей склоняет голову.

– Ваша взяла, мы подчиняемся. Какой выкуп назначен за рулевого? – смирив ярость, спросил глава пиратов.

– Вот это деловой разговор мужчины с женщиной, – не моргнув глазом, выпалила Эстер, – пусть твои люди доставят на мое судно двадцать сундуков с золотом, а также другого рулевого. Мы ждем на корабле.

Смелые девицы вернулись в шлюпку и взялись за весла. И часу не прошло, как честная сделка была завершена благородным рукопожатием достойных партнеров. Грузеный золотом корабль Эстер поднял паруса и пустился в плавание.

– Держи курс в страну, у царя которой имеется большое войско, но нет денег на содержание армии, – приказала Эстер.

– Слушаюсь, капитан, – почтительно ответил рулевой. Вскоре парусник пристал к острову, на котором правил воинственный, но бедный царь. Щедро заплатив царю, Эстер наняла флотилию военных судов с войском на борту. Солдаты и офицеры получили жалование вперед. Царь пополнил свою пустую казну.

Армада во главе с парусником Эстер двинулась к земле, на которую штормовые волны когда-то выбросили полуживых жениха и невесту. Прибыли к цели. Корабли бросили якоря, и солдаты сошли на берег. Быстро справившись с береговой охраной и не встретив сопротивления, отряды женщины-капитана разоружили захваченную врасплох армию ост-

рова. Царя пленили и заключили в крепость. «Победа досталась легко, но как мне найти моего Давида?» – размышляла Эстер. И придумала.

Победительница, еще не сменившая мужскую одежду на женскую, объявила о своем намерении стать новым царем государства. В честь предстоящей коронации новый царь устраивает пир, на котором обязаны быть все без исключения царские подданные. А чтобы среди многотысячной толпы гостей найти жениха, Эстер распорядилась повесить у входа во дворец свой портрет, а рядом – поставить двух стражников-наблюдателей. На этом острове только Давид знает ее в лицо. Как только заметят стражники человека, внимательно разглядывающего портрет – немедленно хватать его и вести к будущему новому царю, к Эстер то есть.

Как Эстер задумала, так и вышло. Давид предстал перед своей невестой. От долгого ожидания любовь крепнет. Объятия и восторг встречи. Вот он, самый счастливый день их жизни. Но разве всерьез собирается Эстер стать главой государства? Нет, конечно. Жених ее еще менее годится для этой роли. Эстер приказывает привести пленного царя.

– Хочешь ли ты, царь, вернуть себе трон и корону? – грозно спросила Эстер.

– Да, мой господин, – ответил царь.

– Тогда кайся в том, что преследовал своих евреев и клянись царской клятвой, что окружишь их подобающим почетом.

– Каюсь и клянусь царской клятвой.

– Получай назад свое царство, – великодушно сказала Эстер.

“Раскаяние и клятва иной раз не сожаление и благое намерение, а страх и властолюбие”, – вспомнил из книги Давид, но промолчал.

Царь вернулся на престол, а Эстер отправила наемников и их корабли восвояси. А вскоре Давид и Эстер сыграли свадьбу и зажили счастливой жизнью, о которой мечтали двое беглецов, сидя на палубе корабля, увозящего их из отчего дома. И наконец-то Давид решился прочитать Эстер посвященные ей стихи.

Этими словами добровский хасид закончил свою сказку и стал осматриваться по сторонам в ожидании слов одобрения.

– Великолепная сказка, – похвалил рассказчика раби Яков, – Будь добр, передай от меня благодарность своему учителю и моему другу раби Меиру-Ицхаку.

– Минуточку, одну минуточку, дорогие евреи, – вступила в разговор Голда, – А что же случилось с родителями новобрачных? Они не были на свадьбе? О них забыли? Они живы? Такое только в жизни бывает, а сказку так заканчивать не годиться.

– Нет у меня ответа на твой вопрос, Голда, – смутился

рассказчик.

– Голда разочарована, – заметил ее муж раби Яков. Тут он обратил внимание на мечтательную улыбку, застывшую на лице одного из его старших учеников по имени Шломо. Цадик ценит Шломо, хотя и порицал его за хвастовство: тот любил щегольнуть своими воспоминаниями о годах, проведенных в Европе.

– О чем размечтался и чему улыбается наш Шломо? – иронически спросил цадик.

– Вспоминаю о Париже, раби, – простодушно ответил ученик.

– Каким же образом эта сказка напомнила тебе о твоём Париже, любезный? – поинтересовался раби.

– Когда я был во Франции, раби, довелось мне читать книгу восточных сказок. И была в книге сказка чем-то похожая на эту. Жениха там находят, созывая на пир всех подданных государства, царем становится девушка, переодетая мужчиной, да и кое-что другое, – ответил Шломо учителю.

– Многоуважаемый Шломо, – с расстановкой и сердито произнес раби Яков, – мой друг хасид, цадик и еврейский мудрец раби Меир-Ицхак из города Добров, сочиняя сказки, не заимствует ума из чужих книг!

И двадцать пар глаз – все ученики раби Якова – гневно уставились на товарища.

Четыре брата

Раби Залман – цадик из местечка Станиславичи. Он еще

молодой человек, не более года назад наследовавший своему умершему отцу, знаменитому праведнику раби Шмуэлю.

Покойный раби Шмуэль был большим другом Раби Якова, цадика из города Божин. Раби Яков любил Залмана. Дабы поддержать молодого наставника хасидов, божинский раби пригласил его к себе в дом. И вот сейчас, на исходе субботы, раби из Станиславичей восседает во главе стола. Место это уступил ему хозяин дома, усевшийся по правую руку от него. Настало время сказок.

– Евреи, – обращается к рассевшимся вокруг стола хасидам раби Яков, – мы проводили царицу-субботу, и пришло время рассказывать и слушать сказки. Сегодня мы послушаем раби Залмана, сына усопшего праведника раби Шмуэля. Прошу оказать честь моему гостю из Станиславичей.

Хасиды приготовились слушать, и раби Залман стал рассказывать.

Жили в одной стране царь с царицей и не знали они счастья, потому что Бог не дал им детей. Годы идут, а наследников все нет. Обращалась монаршая чета к врачам. Выполняли все предписания лекарей, а дети так и не народились. Отчаяние заставляет верить в чудеса. Призвали колдуна с дальней окраины. Думали, потанцует чародей у огня, позвонит в бубен, произнесет свои заклинания, и появится долгожданное дитя. Но и колдовство оказалось бессильным. Что делать?

Среди подданных государства были и евреи. Царь не лю-

бил их и притеснял, в чем его нельзя упрекать, ибо евреев понять труднее, чем любой другой народ. А таковы уж все люди, не исключая монархов: кого не понимают, того и не любят. Стало известно царю, что среди евреев есть один праведник и мудрец, которого его единоверцы называют цадик.

– Пойду я к еврейскому святому, попрошу, пусть помолится за нас с тобой. Молитвы праведников Бог слышит первыми, – сказал царь супруге.

Неприязнь между царем и евреями была взаимной.

– Все в руках Господа, – уклончиво ответил властителю цадик. Царю такой ответ не понравился.

– А евреи в моих руках, – сказал монарх, строго глядя на мудреца.

Тут цадик призадумался: “Пожалуй, стоит помочь ему. Авось, если не он сам, так наследник его будет больше расположен к моему народу”.

– Хорошо, властитель, я буду молиться за тебя Богу. Ежели удостоишься наследника, то, я надеюсь, жизнь евреев станет полегче, – сказал цадик.

– Все в руках Господа, – сказал в свою очередь царь и покинул дом мудреца.

В надежде на лучшее цадик истово молился за монарха, и через год царица родила сына. А еще через год появился на свет его брат. А затем еще, и еще. Родилось у царя четверо сыновей. Евреям легче жить не стало, но скромные царские дары цадик потратил на починку старой синагоги.

Вот и пришло счастье к царю с царицей. Растят сыновей, наследников своих. Царевичи – один лучше другого. Старший – необычайной красоты. Средний – непобедимой силы. Младший – наделен недюжинным умом. А самый младший царевич – он и самый даровитый: в нем и красота старшего, и сила среднего, и ум младшего. И, по мнению царицы, он – лучший из сыновей.

Настало время царю выбирать преемника. Царица уговорила монарха назначить наследником престола самого младшего, ее любимца. До поры до времени надо бы держать это в тайне. Но, как известно, чем строже семейная тайна, тем сильнее она рвется наружу. Да и у стен есть уши. Как бы там ни было, а самый младший узнал о воле отца. Ему бы скрывать свое счастье, дабы избежать зависти, а он возгордился перед братьями и все им рассказал. И те терзались завистью и ревностью. Каждый из них полагал, что именно он более всех достоин носить корону.

Недовольные задумали погубить счастливец. Тот почувял, что братья что-то готовят против него. А когда старший предложил всем братьям вместе отправиться на охоту в дальний-дальний лес, где прежде нога их не ступала, будущий наследник уже не сомневался: его хотят погубить. Он не забыл ветхозаветную историю о сыновьях Якова и цветной рубашке Иосифа, которую рассказывал учитель Божьего Закона. “Должно быть, и братья это помнят, – подумал он, – однако какие они глупые, даже если и сбросят меня в глубо-

кую яму, ведь их останется трое, а корона-то одна!”

Сын рассказал матери о нависшей над ним беде, и та велела своему любимцу немедленно идти за советом к еврейскому мудрецу. Тот так и сделал.

Цадик залюбовался на красивого, статного, умноглазого юношу. Выслушал его.

– Я помогу тебе, царевич, как помог когда-то твоему отцу. Возьмешь эту маленькую коробочку и всегда будешь носить ее с собой. В нее я вложу талисман – кусочек пергамента, на котором напишу молитву. Талисман охранит тебя от злоумышляющих братьев. А когда ты станешь царем, ты не будешь притеснять мой народ, – сказал цадик и подумал: “Как жаль, что этот смысленый юноша не может стать моим учеником”.

– Благодарю тебя, святой человек, – произнес царевич столь почтительно, что, казалось, он подумал о том же.

Пришло время, и законный наследник взошел на престол. Чтобы завистливые братья не строили козни, их нужно из врагов обратить в друзей. Великодушие и врага делает сговорчивым. И расположил он их к себе, назначив министрами. Соперничества ему бояться нечего, не зря царица говорила, что самому младшему ее сыну равных нет.

– Случай – вот самый справедливый судья. Пусть жребий укажет, кому из вас, дорогие братья, какой пост занимать, – постановил новый царь, памятуя об их ревнивом нраве. И вышло, что старшему брату-красавцу быть министром Наук,

силач средний брат займет пост министра Искусств, а умный младший брат станет министром Войны и Побед.

Царь слегка обескуражен таким распределением постов. Людям известны замечательные свойства каждого из царевичей с самого их детства. “Как же истолковать это моему народу, моим придворным, да и самим новоиспеченным министрам?” – подумал монарх.

– Пошел бы снова к цадику. Вы, мудрецы, всему даете толкование! – воскликнула, глядя в сторону мужа, Голда, жена раби Якова.

– Голда! Ты мешаешь рассказчику! – вскричал раби Яков, в гневе хлопнув ладонью по столу. Он не на шутку рассердился на супругу, что-то не понравилось ему в ее словах.

– Продолжайте, раби Залман. Простим женщину, – подбодрил гостя хозяин.

– Спасибо, раби Яков, – поблагодарил раби Залман, – Однако, Голда права. Царь снова обратился к еврейскому мудрецу, и тот снова помог ему. И еще цадик помог своему народу. Молодой монарх оказался благодарнее отца. Впредь он старался избегать гонений на евреев и почти сравнивал их со всеми прочими подданными государства.

Большая ложка соли

Менахем – один из уважаемых людей в городе. Это мужчина средних лет, крепкого сложения и крепкого же здоровья. Он женат, и детишками Бог не обидел. Главное же то, что дела его идут успешно. В гору идут дела, не сглазить бы.

Менахем, как и многие другие евреи в округе, смолоду занимается лесом – заготовка, сплав по реке, торговля и все прочее. Нелегко с ним конкурировать, тем более что действует он не в одиночку, а с компаньоном и другом детства Шимшоном. Завидуют люди отличным барышам Менахема и Шимшона.

Так было, но кое-что изменилось.

Со стороны чужое благополучие кажется безоблачным. А между тем, душа Менахема не на месте. Страх и тревога давно уж гнездятся в сердце внешне благополучного мужа. Сны – вот его беда. Необъяснимые и одинаковые сны возвращаются к нему. Непонятное пугает. Нет ли в этих снах худого знамения или предвестника кары за грехи, им совершенные? А Менахем знает за собой грехи, и немалые. Ведомо ему и раскаяние. Или не раскаяние, а лишь страх расплаты. Трудно сказать. Наконец, Менахем решился обратиться к известному хасидскому цадику и мудрецу, за которым слава толкователя снов. “Уж лучше знать горькую правду, чем терзаться неизвестностью. А вдруг виной всему лишь праздное мое воображение и пустые страхи? Раби растолкует”, – подумал Менахем и, не сказавшись ни жене, ни Шимшону, поехал к хасиду.

Дом у цадика небольшой, зато двор огромный – чтобы вместить всех желающих получить совет мудреца. Приезжие ждут терпеливо, когда помощник раби выкликнет имя, и можно будет войти. Никто не покидает этого дома, не полу-

чив совета или доброго напутствия. Менахем сообщил свое имя помощнику. Тот передает раби. Из уважения к важному и богатому посетителю, известному к тому же щедрыми жертвованиями, цадик сам выходит на крыльцо и приглашает Менахема.

Войдя, хозяин и гость усаживаются друг напротив друга по разные стороны стола в центре большой горницы. После обмена приветствиями молчат. Цадик пытается по лицу гостя догадаться о причине, приведшей его в этот дом. Менахем с уважением разглядывает бесконечные книжные полки вдоль стен. И на столе нагромождены книги. Если вопрос у посетителя не простой, раби записывает ответ на бумаге и указывает основание из книги. “Книга – немой мудрец” – подумал Менахем. “Жизнь делает нас мудрыми, а не книги”, – подумал цадик, перехватив почтительный взгляд гостя.

Прервав молчание, ценящий время коммерсант без предисловий выкладывает свою беду.

– Раби, меня беспокоят сны. А, точнее, это два сна. Один из них я вижу накануне важного решения в жизни, а другой приходит, когда решение уже принято. Я в тревоге. Уж не знак ли это какой беды, Боже сохрани. Успокой меня, раби, если можешь. Растволкуй сны, – сказал гость, начав бодро, но закончив с дрожью в голосе.

– Если это только в моих силах, непременно помогу столь желанному гостю. Жаль, что ты не бываешь у меня без особой нужды. Был бы рад видеть тебя среди моих учеников. Но об этом потом. А сейчас рассказывай свои сновидения, – сказал раби и приготовился слушать.

– Я вижу, раби, комнату в доме. У стены сидит наша кошка. Рядом в углу – норка, а из нее выглядываем острая мордочка мышонка. Выглянет и исчезнет, и снова выглянет. Мышонок дрожит от страха, знает о смертельной опасности. Он приближается к отверстию в углу, и кошка наостряет уши, прислушивается, тело ее напрягается. Мое появление в комнате не мешает ей охотиться. Она глядит в мою сторону без страха, взгляд лукавый, насмешливый. Охота ничем не кончается, сон уходит. Это – мой первый сон. А через несколько дней вслед за ним приходит второй. Вот стою я во дворе. Вокруг меня пусто, а за забором множество людей. Окружили двор со всех сторон, смотрят на меня, застыв в молчании. Передо мной наш кухонный стол, покрытый скатертью. В центре стола простая жестяная миска, доверху наполненная крупной солью. По бокам миски лежат две ложки – маленькая и большая. Я беру маленькую ложку и собираюсь зачерпнуть ею соль из миски, но тут меня оглушают громкие крики людей за забором: “Оставь маленькую, бери большую!” Я подчиняюсь, беру большую ложку, набираю ее полную соли и несую ко рту. Жую соль, глотаю. Пытаюсь глотать, не жуя. Кладу ложку на стол. А люди вопят еще громче:

“Еще, еще!” Съедаю вторую ложку. Тут я просыпаюсь. Вот мои сны, раби, – закончил Менахем с гримасой отвращения на лице.

– Дорогой и долгожданный мой гость! – дружески сказал цадик, – Чтобы истолковать твой сон, мне потребуется выслушать всю твою историю. Приготовься к длинному рассказу, дружок. А я тем временем попрошу принести нам по стакану чая, – сказал раби и велел помощнику поставить самовар. Цадик приготовился слушать гостя.

Детьми Менахем и Шимшон жили по соседству. Отцы их были зажиточными, крепкими домохозяевами, как о них говорили люди. Родители дружили с родителями, а дети – с детьми. Вместе ходили в хедер – еврейскую школу для мальчиков. Дети выросли, надо становиться на ноги. Решено было на семейных советах, что нет занятия лучше коммерции, например, торговли лесом. Но браться за дела надо с умом, а посему Менахему и Шимшону требуется сперва поучиться в столичном городе.

Молодые люди поселились каждый у своих дальних родственников. Целыми днями учились коммерции, не забывая, впрочем, молитвы и Святые книги, а по вечерам ходят друг к другу в гости или гуляют по городу. У хозяина дома, где поселился Менахем, есть дочь по имени Хана. Красивая де-

вица с большими глазами. Когда захочет – она серьезная, а другой раз – веселая и смешливая. Хана и Менахем всегда находили, о чем поговорить друг с другом. А если в гости приходил Шимшон, время проводили втроем. Казалось, девушка относилась к друзьям равно, не отдавая предпочтения ни одному из них. Время летело беззаботно.

Однажды Шимшон, краснея, признался Менахему, что любит Хану. К удивлению своему он не услышал ответа. Друг тоже покраснел, смешался и перевел разговор на другое. Заторопился вдруг домой, и они распрощались. По дороге Менахем лихорадочно размышлял. Ведь и он любит Хану. Он надеется, что и она его любит. Они живут в одном доме, он видит ее чаще Шимшона. Несколько раз они встречались наедине. Он даже сжимал ее ладонь в своей, и она, смущаясь, отвечала слабым девическим пожатием. Смотрела на него ласково. О чувствах они, Боже сохрани, не говорили, но разве и без слов не ясно? И вдруг это признание Шимшона. Хоть ничто и не свидетельствует в пользу его надежд, но ревность стоит на пороге и входит в сердце без стука. Как бы там ни было, Менахем и не думал отвечать откровенностью на откровенность друга. Ах, если бы умел Менахем получше разглядеть, что делается в сердце Ханы! К нему вернулся бы душевный покой: Хана любила его и только его одного.

Пришло время, и будущие коммерсанты вернулись домой. И полетели письма туда и обратно. Хана получает послания от обоих друзей и отвечает им обоим, хоть и не одинаково. Менахем и Шимшон понемногу втягиваются в торговые свои занятия. Дела делами, однако, пришло время жениться. Отец у Ханы человек простой и небогатый, хоть и не бедняк. На большое приданое и содействие тестя рассчитывать нечего. Менахем советуется с отцом и матерью, а те дают ему свободу: “Хочешь – женись на возлюбленной своей Хане, будем рады милой невестке, а хочешь – сосватаем тебе невесту с приданным”.

Неделю-другую ходит жених сам не свой. Как поступить? И тут впервые пришел к нему сон с кошкой и мышонком. Значения он ему не придал, но и не забыл. И решился Менахем и сказал отцу: “Сватай мне богатую невесту!” Сказано – сделано. Сыграли свадьбу. И уж не пишут Менахем и Хана друг другу письма. Менахем страдал: жаль ему было своей погибшей любви и жаль разбитого девичьего сердца. И приснился ему впервые сон, как он ест соль большой ложкой. Хотелось искупить вину. Еще много лет после женитьбы он, в строгой тайне и, не обнаруживая своего имени, жертвовал деньги на помощь бедным невестам.

А что же Шимшон? Ведь и ему пришло время семью создавать! Шимшон женился на Хане. И в сердце у Менахема, хоть он и сам избрал свою судьбу и не оставил выбора Хане, все же гнездится ревность, а на дне души затаилось недоброе

ЧУВСТВО.

Годы идут. И у Менахема и у Шимшона родились дети. Сердечные друзья становятся компаньонами. Соединили капиталы. Взаимное доверие между партнерами незыблемо. Так они добрались до солидных прибылей. Каждый преуспевает в своей части: Менахем заготавливает лес и сплавляет вниз по реке, Шимшон принимает товар и сбывает его. Дело процветает и расширяется с каждым годом. И тот и другой обзавелись богатыми домами, у каждого свой выезд. Прислуга. Дети под присмотром лучших наставников и учителей. Жены сверкают бриллиантами. Преуспевание стало обыденностью. Но вот беда: привычка к благополучию – наихудшая привычка.

Дела о податях в царскую казну ведет Шимшон. Все в полном порядке: нижайшие ходатайства сделаны, высокие разрешения получены, печати, где надо, поставлены, бумаги выправлены и хранятся в железном шкафу в общей с Менахемом конторе. А уж если где и обошли казну, то и тогда все устроено так, что комар носа не подточит. Шимшон умеет с царскими чиновниками обходиться и знает к ним особый подход. Никакой ревизор не страшен.

Люди, как известно, злы и завистливы. А новым богачам и выскочкам, вообще не дают спуска. Как гром среди ясного

неба пришла неожиданная беда. Шимшон был в отлучке – продавал товар, а к Менахему в дом, гремя тяжелыми сапогами, явился жандарм. Страж закона объявил, что на Шимшона поступил донос о недоимках, и он арестован и находится в тюрьме, и видеть его нельзя. Через неделю-другую состоится суд, и Менахем должен свидетельствовать и предъявить документы, если таковые имеются, об уплате податей в казну.

Тяжелые мысли роятся в голове у Менахема. “Почему подозревают Шимшона? Нет дыма без огня. А что если и вправду тот обманывает? Не казну, не в ней дело, а меня. Если прибыли пополам, то почему у него такая роскошная карета, моей не чета? А новая заграничная обстановка в комнатах? У меня такой нет. А невиданной величины бриллианты у Ханы в ушах? Этому надо положить конец”, – думает Менахем. Другой день – другие думы: “Да ведь между нами полное доверие. Прочь надо гнать грязные мысли! Их будит былая ревность. Друга надо выручать”. Тут во второй раз приснился Менахему сон о кошке с мышонком.

Настал день суда, и опять явился грубый жандарм и увел Менахема давать свидетельство. И сказал Менахем судебному чиновнику, что открыл он железный шкаф, и пусто в нем, и нет ни каких бумаг, и нечего предъявить суду. Осудили Шимшона за мошенничество и определили ему жить в ссылке много лет.

Вернулся Менахем после суда домой, и души в нем нет. Что натворил! Предал друга и компаньона! Хана теперь, как вдова при живом муже. Она и в делах ничего не понимает. Как ей жить, бедной? Тут во второй раз привиделся ему сон, будто ест он соль большой ложкой. Сколь велик грех, столь велико желание его искупить. С тех пор и услышал цадик о торговце лесом из соседнего города: никто из местных богачей не жертвовал так много в пользу вдов и сирот, а также на постройку новой синагоги.

Несчастливая Хана не способна к коммерции и не может заменить томящегося в далекой ссылке Шимшона. За него и за себя работает Менахем. А барыш, как и прежде – пополам. И нарастает в душе Менахема глухой протест. “Доколе будет сие? Я тружусь, как вол, за двоих, а богатею за одного. Пылится у Ханы заграничная мебель. Не выводят из стойла великолепных лошадей, и пропадает роскошная карета. Да разве не может Хана жить скромнее, на пенсион, например, который я бы назначил ей, взяв имущество и капиталы Шимшона под свою опеку и в неограниченное пользование? Коммерсант не должен испытывать ни любви, ни ненависти. Еще не известно, вернется ли живым из ссылки этот мошенник, умыкнувший когда-то мою возлюбленную. Справедливо ли, что создаваемое моим трудом добро переходит к этой неумехе?” – так думает иной раз Менахем, а другой раз он ненавидит себя за подлые мысли. Душа его в совершенном

смятении, потерял аппетит и жизни не радуется, как прежде. И вот, когда сомнения бесчинствуют, а тревога грызет сердце, в третий раз снится ему сон о кошке с мышонком. Немедленно ехать к мудрецу хасиду!

– Спасибо, Менахем, за откровенность, – сказал цадик гостю, когда тот окончил свой рассказ, – теперь я понимаю твои сны. Вот что они значат: слабый мышонок – это твоя трепещущая от страха совесть, лукавая кошка – это дьявол, который хочет совесть твою задушить. Сон этот посещает тебя, когда ты терзаем соблазном и колебаниями. А большая ложка соли, которую ты мучительно съедаешь – это соль твоих покаянных слез. Обретет успокоение тот, у кого хватило мужества сказать самому себе о своих грехах. Община очень ценит твои щедрые пожертвования, Менахем. Я бы хотел, чтобы ты постоянно посещал меня, был откровенен, как сегодня, и советовался со мной. А сейчас, прощай. Глянь-ка, сколько посетителей собралось во дворе! – закончил мудрец и проводил важного гостя до двери.

Менахем обещал непременно навещать цадика. На сердце у него было легко. Слава Богу, сны не предвещают катастроф: ни разорения, ни болезней, ни Боже сохрани, смерти. Жизнь не так уж мрачна.

Обещания своего Менахем не сдержал. Мудрец утешал

себя тем, что ежели тот не приходит, стало быть, не беспокоят его тревожные сны, а это оттого, что не одолевают его дурные соблазны, а коли нет искушений, то человек не грешит. И только по прошествии немалого времени мысли о Менахеме поневоле вернулись к хасиду, когда он увидел, как тот проезжает мимо в роскошной карете и в знак приветствия легкомысленно поднимает шляпу.

Куда течет река.

У хасида, простого ремесленника, заболел сын. Один врач присоветует одно, другой – другое, а парень не поправляется, наоборот, только хуже ему. Угасает дитя на глазах. Мать с отцом убиваются. Надо бы в город больного свозить, показать знаменитому доктору, да откуда у бедняка такие средства? Хасиды, как известно, – один за всех, а все за одного. Сделали складчину и отправили отца с больным отроком в город к лучшему доктору: сколько бы ни стоило, лишь бы толк был. Но толку-то как раз и не вышло. Горе, одним словом.

Тут хасид и подумал, а не обратиться ли ему за помощью к цадику? Вместе с женой привезли они своего парнишку к раби. Тот, упрекнув родителей за промедление, заперся с больным в отдельной комнате и не стал его прослушивать и простукивать, как это любой врач делает, а принялся расспрашивать, о чем он печалится, и какая кручина его гложет. Другими словами, не к телу больного подступился, а к душе. Закончив беседу, раби вышел к родителям, со стра-

хом и трепетом ожидавшим приговора цадика и вернул им драгоценное их дитя. Он без колебаний заявил, что причина болезни ему совершенно ясна, и он будет молиться за исцеление больного, а назначения врачей советует отменить, как бесполезные. Через месяц парень будет здоров.

Отец и мать поступили по слову раби. И молитвами его юноша стал на ноги. Не только родители, все хасиды счастливы чудесным исцелением. Надо ли говорить, как вырос авторитет цадика в глазах его хасидов!? А, точнее сказать, не вырос, а укрепился на духовной своей

высоте, ибо цадик для простого хасида неизменно находится на вершине почитания. И вновь хасиды сделали складчину и купили своему раби в подарок книгу, о которой он давно мечтал, но вследствие бедности своей не покупал. А кто будет вручать подарок от всей общины? Ну, конечно же, это сделает исцеленный больной.

Отправился сын хасида к цадику с подарком в руках. На пути протекала река. Небольшая такая река, совершенно безопасная для перехода вброд. Пока юноша болел, все сидел в избе, на улицу носу не показывал, и забыл, где брод, и стал переходить реку в глубоком месте. Как на беду налетел порыв ветра, поднялась волна, подхватила бурная вода неокрепшего после болезни мальчика, и несчастный утонул.

Невыразимо в словах горе отца и матери. Был у них сын, отрада души. Сколько тревог и страха натерпелись они, пока болел он, бедный. Цадик вернул мальчику здоровье, а отцу

и матери жизнь. И вот потеряли дитя. Какая злая судьба!

Вся хасидская община погружена в глубокую печаль. Все страдают и все скорбят. Тяжелее всех приходится самому цадику. К горечи утраты, что испытывают все его хасиды, прибавляется одна несуразная, но неотступно преследующая его мысль, что это никто иной, как он сам стал причиной несчастья. “Почему утонул отрок? Да потому, что нес мне подарок. Вот я и виноват. А почему хасиды сделали мне подарок? В благодарность за исцеление. Выходит, исцеление привело к гибели? Да это же нелепость! Но ведь всему должна быть причина. Причина исцеления мальчика – мои молитвы. А в чем причина его гибели? Должно быть, это – река. Я не вижу другой причины”, – так рассуждал раби в те печальные дни.

Придя к решению, он объявил о нем своему народу. Безмерно доверяя цадику, хасиды невзлюбили реку. А самые горячие из них стали требовать возмездия. Но как же можно наказать реку? Однако, слыша нарастающий людской ропот, цадик, отнюдь не уверенный в своей правоте, сделал необратимый шаг и во всеуслышание проклял ее.

И в то засушливое лето пересохла река, и дно ее обнажилось. Справедливая кара хоть и не возвращает утрату, но утешает. И хасиды были довольны, и их убежденность в необычайной, почти божественной силе цадика упрочилась еще более. Когда есть всевластный покровитель, люди чувствуют себя увереннее и счастливее. Только у раби на сердце кошки скребли.

От справедливости до пользы далеко, как от земли до звезд. Зло наказано, но воды в реке нет. А чем огороды поливать? А чем скот поить? А для домашних нужд где воду брать? Одними колодцами не обойдешься. Тяжелее стала жизнь хасидов, а еще больше пострадали крестьяне, что живут в деревне, расположенной ниже по течению реки. И вновь раби задает сам себе трудные вопросы. “Я проклял реку, и если деяние мое справедливо, то отчего же люди страдают? Справедливость порождает страдания? Вздор!” – так терзает себя цадик тяжкими мыслями, но тут через верных друзей дошло до него кое-что пострашнее. Нашлись люди, которые объявили благодеяния цадика злодеяниями и задумали страшную месть. “Никто не причиняет нам столько зла, как наши спасители” – говорят. Кто они, эти недоброжелатели – то ли из хасидов (а в толпе восторженных почитателей всегда найдутся ненавистники), то ли крестьяне из соседней деревни – этого раби не знает. А знает он, что отныне нависла над его собственным сыном смертельная опасность, и нашептывают недруги, как бы ни погиб сын цадика той же смертью, что и сын хасида. Впрочем, просвещенный раби считает мистические совпадения пустым суеверием.

Сын у цадика учится в ешиве, что в нескольких верстах от дома. Каждое утро он отправляется на учебу, а вечером возвращается домой. С тех пор, как вселился страх в душу цадика, он не велел сыну ходить по лесной тропе – боялся, как бы не сделали злодеи засаду. А наказал отец сыну идти

длинным, но безопасным путем по дну высохшей реки – там его никакие злоумышленники искать не станут.

Дни текли за днями. Сын раби ходил указанной ему дорогой, и все шло хорошо, и отцовское сердце успокоилось. И тут грянула беда. Под вечер жаркого дня в конце сухого лета, когда сын цадика безмятежно шагал привычным путем, быстро-быстро собрались на небе черные тучи, поднялся ветер, и хлынул необычайной силы ливень, и русло реки стало стремительно наполняться водой. И юноша замешкался, и не успел вскарабкаться по крутому откосу, и стал кричать и звать на помощь, и никто его голоса не услышал, и свершилось страшное предсказание.

Праведный раби и великий цадик оплакивает сына, как оплакивал сына простой хасид. Горе отца есть горе отца. Сидит раби на берегу злосчастной реки и уж в который раз терзается мыслями все в том же роде: “Я отвел беду от своего дитя, указав ему спасительный путь, и лишился сына. Спасение привело к гибели? Опять бессмыслица!”

Раби смотрит на реку. Тишина. Вот какая-то мошка уселась на воду. “Живет себе и не знает ни бед, ни радостей. Не знает, что живет, не узнает, что умрет”, – думает раби. Стал накрапывать дождь. Крупные капли. На воде появилась рябь. Капли падают вокруг мошки. Спереди, сзади, сбоку. Раби пристально смотрит. “Если капля упадет на мошку – та погибла. Пока капли минуют ее – она жива. Кто знает, когда упадет роковая капля? Это случай”, – размышляет ца-

дик. Вот и упала эта капля, и не стало мошки. И тут в голове раби мелькнула догадка: “Все дело в случае. В мире торжествует не причина, а случай. Причина – это неизвестно что, а слепой случай меняет все. Здесь кроется ответ на мои вопросы!” Сделанное открытие смягчило горечь в душе. Но ненадолго. “Однако если всем правит случай, значит, мои молитвы ничего не стоят. Значит, ничьи молитвы ничего не стоят! К кому же человек взывает в своих молитвах?” – подумал цадик и ужаснулся своим мыслям. “Я становлюсь безбожником, вероотступником! Можно не доверять самому себе, но нельзя не доверять собственной вере. К моему отцовскому горю прибавилась еще и эта беда. Я, кажется, схожу с ума. Господи, прости меня за мои сомнения! Горе помутило мой разум!” – воскликнул цадик и заплакал.

А тут появились хасиды. Они, конечно, ничего не знали о размышлениях раби. Они просто пришли утешить его в горе. И видят, раби плачет. “Крепись, учитель, не плачь слишком много, не гневи Господа, все мы в его власти. Ведь это твоими словами мы говорим”, – как могут, утешают цадика его верные питомцы. “Да, вы правы друзья, не будем гневить Бога. Пойдемте в дом”, – сказал раби своим хасидам и повел их за собой.

Супруги

Вечер пятницы. Реб Яир возвращается из синагоги домой. Хорошо на душе.

“Доброй тебе субботы, реб Яир”, – прощаются с ним в си-

нагоге. “Доброй тебе субботы, реб Яир”, – приветствуют его по дороге домой. Многие, очень многие уважают и почитают реб Яира. Все, чье сердце тает от мудрого слова, все, кому любо слушать, читать и толковать Святое писание, все, кому дорога истинная праведность – все они любят реб Яира.

Вот реб Яир и дома. Чисто, уютно в горнице. Свечи горят. Жена Геула в субботнем наряде с улыбкой встречает мужа. Вот-вот усядутся супруги за стол, и дети с ними, и станут встречать царицу субботу. Мир и спокойствие снисходят на еврея в такой час. Рад себе, рад жене, рад детям, рад наступившей субботе.

Яир рос в бедной семье, и не были безоблачны его юные годы. Немало горечи выпало на его долю. Сладкими были лишь часы учения.

Дом стоял на бедняцкой улице. Обитатели ее не приветствовали ученость, а то и гордились своей простотой и невежеством и с подозрением и недружелюбно смотрели на всезнающих выскочек. Дети наследовали традиции отцов. Частенько сверстники Яира поколачивали юного талмудиста. Раз подстроили ему злую каверзу. Вырыли яму, прикрыли ее ветками, а сверху присыпали землей и листьями. “Вот пойдет умник рано утром на учение к своему раби, в глубокие думы погружен, под ноги не смотрит, и свалится в яму. Будет потеха!” – думали будущие водовозы, грузчики и балагулы. А в тот день Яир замешкался с утренней молитвой, вышел из дому поздно, пошел короткой дорогой, не попался в ловуш-

ку и не развеселил своих недругов. Тогда самый развитой из них сказал: “Бог и впрямь бережет внимлющих его учению. Оставим-ка зубрилу в покое, чтоб не сердить Господа”.

Мудрецы в округе прочили юному Яиру большое будущее и рады были бы заполучить такого зятя. Был один раввин богатый, и не имел он сына, который принял бы от отца факел знаний и святости. Выдал он за Яира свою старшую дочь, знакомую нам Геулу. Богатый мудрец принял в семью подающего надежды зятя. Построил для молодоженов дом и с радостью содержал молодую чету, дабы заботы о хлебе насущном не отвлекали Яира от учения Торы. Тесть хотел, чтобы зять сравнялся с ним в познаниях и тоже стал бы раввином. С тех пор над головой реб Яира прояснилось небо, и нет на нем туч. Живет теперь реб Яир на другой улице, не боится провалиться в яму и купается в славословии почитателей. Но ошибается тот, кто, пристав к берегу благополучия, полагает, что навсегда избавился от невзгод. Не зря говорят: “Тяготы укрепляют, а благополучие глаза застилает”.

Как и Яиру, Геуле трудно жилось в родительском доме. Отчего же? Ведь тепло, сытно, весело: богатый дом, ученый дом. Стен свободных почти нет – книги на полках от пола до потолка. То-то и беда. Геула книг не любила. И гостей, что к отцу раввину приходили, таких же ученых, как он сам, тоже

не любила. Вот помочь служанке простыни да наволочки пересчитать да в комод уложить – это другое дело! Хорошо на кухне с кухаркой о том о сем посудачить да заодно присмотреть, как бы та кусок не унесла. А уж торговаться на рынке успешнее юной Геулы никто не умел. Дочкина простота ужасно огорчала ученого отца. Мучил он бедняжку, книги читать заставлял, да еще требовал рассказывать, что прочитала и что поняла. “Куда глаза глядят готова я из дому сбежать, хоть бы замуж поскорее выйти!” – все думала Геула и часто, часто плакала. “Я плохой воспитатель. Вот выдам дочку за ученого парня, пусть у мужа ума набирается”, – говорил себе отец.

Женившись, Яир по достоинству оценил преимущества нового положения. И не придирчивым взглядом отца, но глазами молодого мужа смотрел он на свою Геулу и с наслаждением пил из родника, и чистой и прозрачной казалась ему вода, и не замечал он песка, который видел строгий тесть его. Когда же горячий вихрь пустыни с неизбежностью сменился теплым, а затем и прохладным морским ветерком, Яир не по возрасту мудро не стал ставить супруге на вид недостатки ее.

Муж с книгами в синагоге сидит, а жена дома по хозяйству хлопочет. Духовность мужнину Геула не впитывала. От служанки отказалась. Все сама делала, лишь бы от книг подальше, лишь бы к простому и понятному поближе. “О многом можно на рынке с торговкой рыбы поговорить, да и водовоз, если прислушаться к речам его, покажется вовсе не

глуп. Отчего это Яир от простых людей прочь бежит, а те ему вслед смеются?” – думает Геула. Всегда довольный невежда и ни в чем неуверенный книжник не выносят друг друга.

“Несчастливая моя доля”, – горюет Геула, – “Вот уходит Яир утром, и нет его целый день дома, книги читает да за отцом моим поспеть хочет. Придет, и давай мне что-нибудь умное толковать, что вычитал. А любовь? Совсем, сухарь, о молодой жене не думает”. Поплачет, повздыхает Геула и выйдет во двор с людьми поговорить. Бывало, спросит у водовоза, что у мужа давеча не поняла, а тот простыми словами объяснит и все на свои места поставит. “Ой, не гоже это замужней женщине разговаривать так долго с чужим, да еще холостым мужчиной”, – говорит себе Геула и убегает домой. А вечером явится Яир, поужинает и опять к великой досаде супруги то за книгу возьмется, то с глупой ученостью пристает. “Правильно этот дьявол водовоз над моим книжником потешается!” – мстительно думает Геула.

Болезненным человеком был Яир. Частенько прихварывал. Видно, нелегко сидеть денно и ночью над книгами. Как-то раз заболел и долго-долго не поправлялся. Верная жена его Геула от постели больного не отходит. Ухаживает. Все предписания доктора аккуратно выполняет. В глубине души надеется, вот, выздоровеет муж, образумится, размягчится

душой, проще станет и ее, Геулу, как прежде любить будет.

К худу ли, к добру ли, но вновь не сбылись ее надежды. Донесли Яиру злую сплетню, и сломила эта новость и без того слабый дух его. Стал бедняга таять день ото дня и сошел в могилу, так и не успев осуществить мечту тестя.

Осиротели детишки, одна осталась Геула. И хоть бедность вдове не грозит, но пустынно и сухо в молодом женском сердце. Прошло время, и забывать стала Геула своего покойного мудреца. О чужих по духу долго не скорбят. А бойкий на язык водовоз все чаще и чаще попадался ей на пути. Отец начал присматривать для дочери другого мужа. Тут восстала Геула, не убоялась отцовского гнева, и сделала то, против чего устоять не могла.

И вот уж Геула – жена водовоза. И хоть пусто у весельчака в карманах, но хорошо у нее на сердце: способствует счастью веселый нрав.

И жизнь стала понятной и простой, и спасена душа.

Батистовый платок

В некотором царстве правил добрый и справедливый Царь. Впрочем, это так принято говорить, что царь правит. А наш Царь, о котором будет рассказ, почти и не правил. Ибо у доброго и справедливого царя непременно служат умные и дальновидные министры. Они все предвидят, все взвешивают, все учитывают, повседневно обсуждают государственные дела, и, не обременяя Царя излишними подробностями и непременно придя к общему согласию, подают Царю испи-

санный каллиграфическими буквами пергамент. Царь подписывает указ, вникнув в существо дела, а впрочем, и без того вполне доверяя своим достойнейшим министрам. Разумеется, когда дела в государстве ведутся столь рачительно, когда власть и справедливость идут рука об руку, то лучшего правления для подданных и придумать нельзя, простой народ не бунтует и царя любит. И у монарха душа на месте, и вдоволь времени для воспитания достойных наследников престола.

Наследников же у Царя четверо: три сына – три Царевича и дочь – Царевна. Дети пошли в отца: добры друг к другу, добры и к людям. Царевна – младшая в семье. Как долго ждал Царь рождения дочери, как хотелось старшим братьям заботиться о младшей сестре! И вот появилась на свет малютка. Тяжелую, однако, цену заплатил Царь за свою мечту. Верная супруга его скончалась после родов. Чего больше, горя или радости, было в монаршей семье – как знать и какой мерой измерить? Потекли дни, полетели годы, и ясно стало со временем, какое из двух чувств одержало верх.

Ах, как любил, как нежил Царь дочку! Души в ней не чаял. Все, что ни попросит – все получает обожаемое дитя. А уж братья-то, братья спорили друг с другом, чья очередь забавлять сестренку. Царевна росла и хорошела с годами. По мнению Царя, Царевичей, а также царских министров и всей свиты придворных, она была самой красивой девицей во всем царстве. Вырастая, балованное дитя требует слиш-

ком много жертв. Но не всегда любовь и лесть губят нежную душу: юная Царевна была сама скромность и доброта. Немало помогала она простым людям, а скольким бедным невестам справила свадебный наряд, а как ухаживала за больными ребятишками, пока родители их трудились в поле – не перечесть благих дел. Разумеется, из одного лишь милосердия, а не выгоды ради она творила добро, ибо какая корысть царской дочери от простых подданных, да еще и бедняков!

Казалось, всем хороша жизнь Царя. В государстве – законность и порядок. Наследники удались на славу, будет на кого опереться в старости, в надежные руки перейдет престол. Даже старая рана – смерть любимой супруги – затянулась с годами. Но скучает вдовец по женской ласке. И задумал монарх взять себе другую жену. Богоугодное дело.

Сосватали Царю подобающую его положению невесту – достойная партия. Сыграли скромную свадьбу во дворце, и поселились новобрачные в прежних личных царских покоях. Вторая супруга Царя и Мачеха его детям была женщина тонкой и чувствительной души. Безошибочное чутье подсказало ей: чтобы найти путь к мужниной любви, необходимо завоевать расположение Царевичей и Царевны. Быстро удалось Мачехе подобрать ключи к мужским сердцам. Кротостью и простотой взяла. А вот Царевна...

Что случилось с бедной девушкой? Где ее веселый нрав, куда подевались доброта и милосердие? Ни отец, ни братья не узнают прежней Царевны. Замкнулась в себе, помрачнела, не выходит на люди, не кажет носу из своей девичьей палаты.

– Не болеешь ли ты, дочь моя? – спрашивает в тревоге Царь.

– Я здорова, батюшка, будь спокоен, – отвечает Царевна, и чудится отцу в ее ровном голосе что-то чужое, недоброе как будто.

– Хватит грустить, сестрица, – кричат Царевичи, стучась в окно к Царевне, – пойдем, представление смотреть, отец пригласил бродячих артистов, развеселить тебя хочет!

– Благодарствую за приглашение, – сквозь зубы процедила Царевна, чуть приоткрыв ставню, – что-то не здоровится мне. Смотрите представление без меня, коли весело вам.

Велика была обида Мачехи. Ни драгоценные дары, ни льстивые речи, ни молящие взгляды не могли растопить лед в душе царской дочери. А ведь сердце мачехи, порой, бездонно, как и сердце матери, и всегда в нем найдется прощение.

Похоже, недоброе задумала младшая наследница престола. По целым дням шепчется со своей верной служанкой. Хитрая старуха то пропадает, то вновь появляется. Заносит к Царевне узлы, да мешки. Как-то ночью послышались Царю какие-то шорохи, тихие голоса на крыльце девичьей. «Долж-

но быть, сон это» – пробормотал он и повернулся на другой бок. Однако на утро не увидел Царь дыма из трубы царевниных палат. Заподозрил неладное, бросился к дочери – а девичья пуста. Исчезла царевна, а с ней и служанка. В отчаянии обыскал Царь дочкины покои, но прощального письма не нашел. Только мокрый от слез батистовый платок подобрал он с нетронутой постели. Разложил платок на столе – пусть себе сохнет. Покинула отчий дом любимая дочь. Без письма все понятно Царю.

Итак, беда пришла во дворец. Горюет Царь. В тревоге Царевичи. Не унимается, плачет о горькой судьбе своей несчастная Мачеха. Нет ей спасения от полных немого укора взглядов. Не вынесла холодного отчуждения, занемогла и умерла бедняжка с тоски. Схоронил Царь вторую жену, так и не успев полюбить. Видно, на роду ему написано окончить жизнь вдовцом.

Где Царевна, жива ли, здорова ли, и как найти и вернуть ее – только об этом все мысли отца и братьев. Прослышал Царь, что где-то на окраине его обширных владений живет мудрый хасид, который среди евреев слывет цадиком, праведником другим словом. «Не обратиться ли мне к нему за советом?» – подумал государь и попросил своего казначея-еврея, бывшего ученика этого раби, представить его цадику. Радуюсь слу-

чаю услужить господину, казначей мигом доставил Царя к учителю.

Маленький седой старичок встретил высокого гостя у ворот своего бедного дома. Царь почтительно склонил голову перед мудрецом. Хозяин и гость прошли в горницу.

– Царь, я все знаю о твоей беде, – без предисловия начал цадик.

– А я наслышан о твоей мудрости, раби. Помоги советом. Награжу по-царски.

– Только Господь Бог наградит меня, если усмотрит, – отрезал хасид.

– Твоя воля, раби, – кротко сказал монарх и во второй раз смиренно поклонился старику.

– Царь, твоя дочь покинула тебя оттого, что нестерпимы ей муки ревности, – продолжил цадик, – Отправь своих молодых и сильных сыновей на поиски Царевны, а сам молись Богу и проси для себя снисхождения. Может быть, весть о смерти Мачехи смягчит сердце девушки, или страх за себя, а то и тоска по дому заглушат злое чувство. Помни, если и вернется беглянка, то не скоро. Дойдут до Господа твои молитвы – и доживешь до счастливой встречи, но нет тут моего поручительства. И еще учти, на опасное это предприятие не отправляй всех сыновей разом, но только по очереди. Ибо если случится с тобой беда, Царь, то будет кому наследовать трон и корону, – закончил свою речь цадик.

– Благодарю тебя, раби, – сказал Царь. Он в третий раз

склонил голову, прощаясь с хасидом, и отправился назад во дворец.

Из слов цадика Царь усвоил важную вещь: задуманное дело опасно, а значит ему, как монарху, в первую голову следует побеспокоиться о преемственности династии. Вот почему прибыв во дворец, он немедленно объявил Царевичам, что женит их в ближайшее же время, не откладывая, а подходящая невеста найдется для каждого. Сыграли во дворце тройную свадьбу.

По прошествии месяца-двух Царь от верных людей точно узнал, что чрева его снох полны. Вот тогда-то на семейном совете решено было, что первым попытает счастья старший Царевич. Собрал Царь небольшую дружину отважных и умелых воинов, и Царевич, помолясь, двинулся в путь. Хотя, по правде говоря, уверенности в успехе у Царя не было: ведь от зерна на току до пирога в печи путь не короток.

Вышел отряд во главе с Царевичем из ворот государства. Короткая дорога – самая трудная, а длинная – не легче. Густые леса и топкие болота, холодные дожди и ледяные ветра, дикие звери и хищные птицы. Да разве остановишь царских витязей! Наконец, через полгода пути по безлюдным просторам, смельчаки впервые встретили человеческое жилье. Небольшая деревенька, мужики стоят кучкою у дороги

и во все глаза глядят на диво: никогда прежде не видывали царских дружинников в этих глухих местах.

Мужики поведали Царевичу, что вон там, за теми горами в трех днях пути обосновались лесные разбойники. Много их, и добра у них много – все награбленное – и избы богатые, а у главаря разбойничьего высокие палаты, словно княжеские. И еще мужики сказали, что с некоторых пор поселилась в этих палатах прекрасная царевна, а вот как она туда попала – это им не известно.

Выслушав мужиков, Царевич с войском проверили исправность оружия и доспехов и бесстрашно двинулись вперед. Через три дня дружинники перевалили через горы и увидели перед собой разбойничий лагерь – избы добротные, укрепленные, а на пригорке возвышается дворец. Завидев вооруженный отряд, обитатели лагеря высыпали на площадь перед дворцом. Лица жестокие, покрыты шрамами, на головах черные повязки, у кого зубов не хватает, у кого глаза одного нет, на боку у каждого сверкает отточенный кинжал, а у кого и тяжелая дубинка в руках – одним словом, любого устршат. Но только не Царевича и его верных воинов.

«Бедная, бедная сестрица» – мелькнуло в голове брата. «Каково ей несчастной в этом страшном логове. Отобьем ее у злодеев и вернем домой», – подумал Царевич.

– Кто вы такие и что вам здесь нужно? – прозвучал грозный разбойничий окрик.

– Я – Царевич, наследник царского престола. А это – мои

верные солдаты. Мы прибыли, чтобы освободить Царевну из плена и увезти ее домой. Но если вы, негодяи, станете задерживать девушку, отобьем ее силой, а мертвые тела ваши достанутся лесным хищникам, – прозвенел в воздухе страшный ответ, и смелый витязь дал знак воинам приготовиться к бою.

– Пойдите, обождите, спрячьте мечи! – раздался из окна дворца отчаянный девический крик. Через мгновение на высоком крыльце послышались быстрые шаги Царевны.

– Братец мой любезный! Как ждала я этого часа, как тосковала! – продолжала сквозь слезы Царевна, мчась через площадь навстречу брату. Разбойники не препятствовали. Крепко обнялись брат с сестрой.

– Говори же, дорогая сестрица, как очутилась тут, – прервал молчание Царевич.

И он услышал повесть о том, как вездесущая служанка Царевны прибилась к одному из разбойников, с которым дружна была в молодости, как тайными короткими путями добрались все трое до этого лагеря, и как увидел девушку главарь лесных пиратов. Он влюбился в Царевну с первого взгляда и тот же час просил ее руки. Насмерть перепуганная девица молчала в ответ. И тогда гроза больших дорог преподнес бледной от страха Царевне золотое колечко с изумрудом редкой красоты. Взяв в руки сияющее чудо, она подняла глаза и получше разглядела хоть и не вполне молодого, но красивого видом, стройного телом и бесстрашного лицом мужчину. Он

сообщил ей, что отправляется в плавание. Там, за морями, в прекрасной стране, он возведет для них обоих роскошный дворец, они поженятся и счастливо заживут в роскошных палатах. Сам он оставит нынешнее свое ремесло, ибо награбленного хватит им до конца жизни, да еще детям и внукам останется. “Вернусь же я через три года, когда будет готов дворец, и увезу тебя. Здесь под охраной моих верных друзей тебя никто не посмеет обидеть”, – так сказал рыцарь лесного разбоя, поднялся на корабль и уплыл в прекрасную страну.

– Тоскую я здесь, братец. И страшусь будущего. А что расскажешь об отчем доме? – спросила Царевна, и быстрая тень промелькнула по ее лицу.

– Все мы женаты, три твоих брата. У каждого – любимая супруга. Отец без тебя горюет. Дом словно осиротел. Садись на коня, сестрица, поедем домой, – сказал Царевич и заглянул сестре в глаза. Царевна опустила голову и не говорит ни слова.

– И вот еще что, – добавил Царевич, видя нерешительность, – Мачеха умерла.

– Умерла? – повторила Царевна и порывисто схватила коня за повод. Через мгновение молча убрала руку.

– Так что же? – нетерпеливо спросил Царевич.

– Право, не знаю, братец... – вымолвила, наконец, сестра.

Гордо подняв голову, брат сел в седло, развернул коня, подал команду воинам, и дружина двинулась в обратный путь. Понурившись, Царевна осталась стоять у обочины. Разбой-

ники с самодовольными лицами стали расходиться по своим жилищам, а один из них, с повязкой вместо глаза, галантно подал Царевне руку, предлагая проводить ее до дворца.

“Сбежала. Думала обрести мир и покой в душе. Похоже, не вышло”, – размышлял Царевич обратной дорогой.

С печальной новостью вернулся домой старший Царевич. Но братья встретили его известием еще горше. Скончался Царь-батюшка. Так и не увидел любимую младшую дочь свою, позднего поскребыша. Умирая, завещал государь не делить царство, а править всем Царевичам вместе. Так и сделали.

Кончились дни траура, и засобирался в дорогу средний Царевич. Теперь уже, впрочем, не Царевич, а Царь, вернее, один из трех Царей. Привычки ради оставим за братьями их прежние имена. Полгода старший Царевич возвращался домой, полгода средний Царевич шел тем же путем в разбойничий лагерь. Через год увидела сестра своего среднего брата.

Как и год назад обнялись брат с сестрой. Как и год назад поведала сестра брату о своих страхах: каково ей будет жить в чужой стране, да ведь и разбойник он, избранник ее – страшно все-таки.

Услыхав о смерти батюшки, дочь горько заплакала, вце-

пилаась в конскую гриву и не убирает рук.

– Мы едем домой, сестрица? – Спросил, пристально глядя на сестру, Царевич.

– Право, не знаю, братец... – Сказала Царевна и отступила на шаг от коня.

Не вернул сестры средний Царевич. А еще через год обнял ее за плечи младший брат. На этот раз льет Царевна горькие слезы.

– Скоро вернется из заморских стран мой суженый. Какие дорогие подарки он мне шлет, какие письма пишет, как клянется в вечной любви! А до меня дошел слух, что в тех заморских странах богатые мужчины имеют по нескольку жен. Что же это, я буду одна из многих, не единственная? Братец, милый, как мне быть? – с плачем бросилась она на шею брату.

– Не знаю, что присоветовать тебе, любезная моя сестрица. Скажу лишь, что народились у тебя племянники и племянницы. Чудные детки, старшие уже лопочут. Помнится мне, ты, кажется, любила малых детей, – сказал Царевич, предчувствуя перемену.

– Ах, детки! Племянники и племянницы, – вновь залилась слезами Царевна, – своих покинуть можно, а от себя не убежишь. Едем домой, братец, едем!

И вот, возвращается домой царская дружина. Впереди брат и сестра. Да и верную служанку не забыли. За три дня до прибытия Царевич отправил впереди дружины быстрых гонцов с радостной вестью: встречать Царевну, готовить пир.

Погоревав на могиле батюшки, Царевна поднялась в свою девическую. Все на привычных местах. Все, как было в день ее бегства. А вот и забытый платочек на столе. Аккуратно сложив отороченный кружевом лоскуток батиста, Царевна вернула его на привычное место – за кушак.

А потом был пир. Вино лилось рекой. Перемены блюд без конца. Приглашены все министры и придворные.

– Я думаю, теперь самое время искать жениха для Царевны, – говорит один министр другому.

– Вы правы, мой дорогой, выдадим замуж Царевну, и счастье царствующего дома будет полным, – вторит его товарищ.

– Боюсь, братцы, вы опоздали, – возражает первым двум министрам третий министр, – Гляньте-ка, вон там, во главе стола хитроумный казначей шепчется с Их Величествами. Он вас опередил, нашел жениха. Сейчас они обсуждают сватовство с молодым и богатым наследником из соседнего царства.

– М-дааа, – разочарованно протянул один из собеседников, – Ну что ж, пожелаем счастья Царевне, – вздохнул он, и министры выпили по чарке.

А тем временем, Царевна знакомится со своими невест-

ками. Какие милые, какие любезные царицы! Царевна полюбила всех юных жен. Нет сомнения, она с ними подружится. Затем няни принесли малюток. Тут уж Царевна не сдержала восторга, а с ним и слез умиления. Такие славные чада! Ах, зачем только она бежала из дома, как много прошло мимо нее.

Кончился пир. Царевна вернулась к себе в девическую. Села на стул, задумалась. Спohватившись, достала из-за кушака платок и разложила его на столе – пусть себе сохнет.

Узенький мостик, широкая дорога

Имеется в Добровской волости одно небольшое еврейское местечко. С трех сторон обступают его густые леса, а с четвертой – течет река. От местечка до города Добров – всего несколько верст, если бы ехать напрямик. Если бы был через реку хоть самый узенький мостик. Но его нет. Вот и приходится жителям колесить целые сутки, добираясь до дальнего каменного моста, чтобы попасть в местную столицу.

В городе Добров, как все отлично знают, проживает известный цадик раби Меир-Ицхак, который дружен с раби Яковом из города Божин. У добровского цадика есть хасиды и в том самом местечке, о котором идет речь. Вот только видеть своего раби так часто, как хотелось бы, хасиды не имеют никакой возможности. А почему? Да потому, что нет моста через реку. Вот и почел раби за благо назначить самого толкового из хасидов старостой, дабы лучше знать, чем дышат питомцы, и держать туго натянутой нить, его с ними связы-

вающую. Староста часто ездит по делам в Добров и вполне оправдывает доверие раби. Зовут старосту Сасон. Кстати, хасиды местечка известны своим веселым и неунывающим нравом и безграничным оптимизмом.

Случилось как-то Сасону быть в Божине. Он навестил раби Якова и передал ему привет от друга раби Меира-Ицхака. Божинский раби пригласил Сасона остаться на субботу, на что последний согласился с готовностью, ибо ни один весельчак и жизнелюб не отказывается от предложенного гостеприимства.

На исходе субботы Сасон сидит за столом с божинскими хасидами, на почетном месте для гостей – по правую руку от раби Якова – и дожидается, когда цадик уgomонит учеников и обратится к нему с просьбой рассказать какую-нибудь сказку или историю. Дождавшись, Сасон начал рассказ.

Несколько лет назад умер раввин в нашем местечке. Своих знатоков Писания у нас, можно сказать, нет, вот и пришлось пригласить на вакансию человека со стороны. Отзывы о нем были самые лестные. “Вековая мудрость древности уживается в его голове с неизбежным духом новизны, не отторгая его”, – с такой рекомендацией с предыдущего своего места вступил в должность новый раввин. О нем мой рассказ.

Местечко наше бедное до чрезвычайности. Но есть несколько зажиточных и даже богатых домов. Мы, бедняки то есть, – все, как один, хасиды. А богачи к нам не примкнули. Наш дорогой раби Меир-Ицхак учит нас никогда не унывать, всегда надеяться на лучшее и радоваться своей доле. Скажу вам откровенно, друзья, совсем нестерпима была бы наша скудная жизнь без наставлений любимого учителя.

Не подумайте, братья мои, божинские хасиды, что мы у себя в местечке безропотно сложили крылья, ползаем в пыли и прахе и не мечтаем рвануться в небеса. Нет и нет! Мы воюем за лучшую долю, смело глядим в глаза судьбе. Как только новый раввин вступил в должность, мы, хасиды-бедняки, тотчас направили к нему нашу депутацию с моим, разумеется, участием.

Начиная беседу, мы благодарим новичка за обещание увеличить помощь беднякам из общественной кассы. Купить муку к Пасхе по дешевой цене или получить бесплатно бутылку вина на праздник Пурим – это кое-что значит. Затем переходим к главному. Мы просим содействия общинными деньгами на постройку моста через реку. Пусть этот мост будет узеньким мостиком. Нам хватит. Цель наша – заполучить короткий и быстрый путь в город Добров. Тогда, во-первых, и в главных, мы сможем часто посещать, видеть и слышать нашего любимого цадика раби Меира-Ицхака, а, во-вторых, и тоже в главных, сыновья наши овладеют в Доброве разными ремеслами, станут мастерами и уж не будут бедствовать,

как их отцы. Да еще и поддержат родителей своих в старости. Все ж лучше надеяться на родное дитя, нежели на общину, не в обиду будет сказано нашему раввину. Как говорится, не принимай благодеяние, без которого ты можешь обойтись.

Новый раввин слушал наши речи со вниманием. Благоклонно отнесся к благодарности за помощь беднякам. О нашем рвении чаще видеться с цади́ком ничего не сказал, зато горячо поддержал желание выучить сыновей и вывести их в люди. Обещал хорошенько все обдумать, посоветоваться с отцами города, точнее местечка, и решить дело в нашу пользу. Образованного человека видно сразу.

Шурин мой женат на дочери одного из наших богачей и живет в его доме. Через него дошло до меня, что вслед за миссией бедняков богачи отрядили к новому раввину своих послов, и тоже с просьбой. Хотят они, чтобы раввин помог им на общественный счет проложить широкую дорогу от местечка до леса. Тогда они сильно увеличат вырубку деревьев, и барыши их вырастут самым решительным образом. А раввин ответил просителям, что уже пообещал хасидам-беднякам помощь в постройке моста через реку и менять своего благородного решения не собирается. И без того жизнь бедняков не сладкая. А богатые смеются, говорят, ты, мол, человек новый, не знаешь еще наш народец. Не верь этим

бездельникам. Им работать не хочется, им бы только с цадиком песни петь и хоровод водить. По словам шурина, новый раввин осадил лгунов и очернителей, чуть было на дверь им не указал. А те уверяют, что дорогу проложить – это для дела, а мост построить – деньги на ветер выбросить. И при этих словах богачи вручают раввину щедрое пожертвование на ремонт синагоги. Это, дескать, наш аргумент. Тогда раввин спрашивает, что же, по их мнению, ему хасидам сказать. А богачи, прощаясь, говорят, что на то он и ученый раввин, чтобы знать, как с народом разговаривать.

А раби Яков подумал: “Послушаем, что будет дальше. Образование делает хорошего человека лучше, а плохого – хуже”.

Призывает раввин к себе нас, бедняков, и говорит так: “Друзья, я много думал, как помочь вам, самым лучшим жителям местечка и самым верным членам общины. Вы просили навести мост через реку, и это отличная идея. Но у меня родилась мысль получше. Что вы скажете, к примеру, если мы построим широкую дорогу от местечка до леса?” А мы отвечаем, что это выгодно не нам, а богачам. Нам дорога не нужна, нам мост подавай. Как говорится, не уступай и стремись получить, что любишь, а не то придется полюбить, что получишь.

Но зря мы зароптали раньше времени. Не такой он человек, наш новый раввин, чтобы заботиться о сильных в ущерб слабым. Вот послушайте, что сказал он нам в ответ, светлая голова, еврейский ум: “Пусть тешатся своим неправедным золотом эти алчные богачи. Главный выигрыш – ваш. Станут рубить много леса, перевозить и сплавливать его, торговать им. У кого, как ни у вас и сыновей ваших будет занятие и хороший заработок? Станете на ноги, заживете от трудов своих, а не от благодеяний скудной общинной казны. Так уж, друзья, мир устроен. Чтобы бедняку хорошо жилось, богач должен богатеть. Помогая богачу, помогаете себе”.

– О, да этот раввин действительно прекрасно образован и понимает новую европейскую науку экономии. Вашему местечку повезло, Сасон! – прервал рассказчика Шломо, любимый ученик раби Якова, долго живший в Европе и многому там учившийся.

– Все новые науки говорят то, что известно и без них, – заметил раби Яков.

– И все же, учитель, в словах раввина – новизна. Правда, новое не может сразу стать совершенным, – осмелев, возразил Шломо.

– Вот-вот, дорогой ученик, кто ищет новых путей, пусть ожидает новых бед, – оставил за собой последнее слово цадик.

Гость, однако, не разделял пессимизма раби Якова.

– Воистину повезло нам, аминь, – сказал Сасон и продол-

жал рассказ.

Евреи долго ждать не любят. Вот мы и спрашиваем раввина, а не можем ли мы приблизить счастливые времена. Он задумался, а потом говорит: “Ускорить можно, но для этого придется уменьшить помощь беднякам, а я не хочу этого делать, дорогие мои друзья!” Тогда мы, как один, дружно закричали: “Зато мы хотим! Подумаешь, обойдемся и без бесплатного вина на праздник Пурим, эка важность! Мы понимаем, ради большого жертвуем малым”. На том и порешили мы с нашим новым раввином, дай Бог ему здоровья.

Прошло два года. Широкая дорога проложена. Помощь беднякам урезана. Работают у богачей не наши хасиды, а крестьяне из соседней деревни. Вот мы пришли к раввину, за объяснением нового положения, а заодно просим помощи в постройке моста через реку и напоминаем ему, для чего нам этот мост нужен.

“Ох уж мне эти евреи, нетерпеливый народ. Подавай им все сразу. Чуть заминка – сразу пятятся назад. За один раз ничего не появляется, а только чуть-чуть продвигается. Есть у нас теперь, с Божьей помощью, дорога в лес. Дровесины в местечке полно. Почему раньше вы за вязанку дров платили? А почему платите сейчас? То-то же! Прошлой зимой даже в самых бедных домах никто не мерз. Правильно я говорю, ха-

сиды?” – обращается к нам раввин. Ну, мы и отвечаем: “Твоя правда, раби.” А раввин продолжает: “А вот праздник Кущей на носу. И потребуются всем вам ветки для шалашей. Все получите бесплатно. Разве это не здорово?” Мы, конечно, подхватываем: “Здорово, здорово, раби! Дай Бог тебе долгой жизни до ста двадцати лет!” Видя нашу поддержку, раввин воодушевляется: “Еврей должен радоваться своей доле. Кажется, так вам говорит ваш цадик? Главное, не терять надежду. Благодарю вас за доброе пожелание, хасиды. Вы знаете, я все для вас сделаю”.

Таков наш новый раввин. Умная голова, золотое сердце.

На этом Сасон закончил свой рассказ. Кое-кому из слушателей история понравилась. Раби Яков не в их числе. Больше всех довольна Голда, жена раби Якова.

– Наконец-то я услышала простую историю и с хорошим концом. Это я люблю, – сказала Голда.

– Я рад, Голда, что тебе угодили. А тебе, Сасон, спасибо. И передавай от меня привет моему другу Меиру-Ицхаку, – сказал раби Яков, пожимая гостю руку.

Чудесная шкатулка

– Друзья, история, которую я намерен вам рассказать в этот поздний зимний вечер, имеет одно несомненное достоинство: она абсолютно правдива. А если кто-либо усомнится в ее достоверности, пусть пеняет на свое маловерие. Воображение – вот путь постижения истины, – с такими словами обратился раби Яков, цадик из города Божин, к своим вер-

ным ученикам. Убедившись, что слушатели полны внимания и готовы впитывать каждое слово учителя, раби продолжил рассказ. И вот какую историю услышали хасиды, собравшиеся за знаменитым гигантским столом в доме цадика.

Все знают небольшую еврейскую деревню, что расположена на берегу реки в нескольких верстах от Божина. Многие дивятся плодоносным садам и огородам и чистой песчаной дороге, ведущей к аккуратным колодцам в конце ее. Городские завидуют жителям благословенной деревни и не прочь бы иметь в своем городе бейт-мидраш, то есть дом учения, не хуже деревенского.

Давным-давно на месте деревни стоял одинокий хутор: бедный дом, грядки, несколько деревьев у дома, да лес вокруг. Жил в доме старый вдовый еврей со своими тремя сыновьями. Трудились все четверо от зари до зари, но едва кормились от сада и огорода – не родила земля. Отец плохо знал грамоту. Сыновья не лучше. До ближайшего города, где еврею можно учиться, идти длинной дорогой через лес, а в те времена окрестные места кишели разбойниками – того и гляди, что ограбят и убьют. А ведь если не учиться, то и охота к учению не появится. Даже в синагоге отец с сыновьями бывали не более двух-трех раз в году. Так и прозябали они в нищете и невежестве. Была у старика мечта: разбогатеть, женить сыновей и порадоваться внукам на склоне лет. Да где уж там!

То ли от старости, то ли от непосильной работы, то ли от

разочарований несбывшейся мечты, а может быть от всего этого вместе, отец занемог, и вот уж он на смертном одре. Бедный, как слабый, повержен будет всегда.

– Послушайте, что я скажу вам, дети мои, – тихим голосом вымолвил старик, обращаясь к окружившим его постель сыновьям, – Пробил мой смертный час. Не довелось мне увидеть вас богатыми и счастливыми. Все, что есть у меня – дом и сад – остается вам. А еще вон там за молитвенником спрятана шкатулка. Не помню, как она оказалась у меня. На дне ее лежат три предмета, но для чего они нужны – мне невдомек. Если случится в доме гость из образованных или цадик, покажите ему шкатулку, послушайте, что он скажет. Авось, она вам сослужит службу, – закончил старик.

А к утру осиротели братья. Схоронили отца. Идет время, забывается утрата. Будни теснят печаль. Трудятся втроем, а об отцовской шкатулке позабыли.

Как-то вечером собрались братья в доме после дневных трудов. Горшки в печи, готовится ужин. Раздался стук в дверь. Открыли. На пороге стоит человек. Одет просто. За плечом холщовый дорожный мешок. Глаза умные, видят насквозь. Хозяева сразу поняли: перед ними цадик, праведник. Ему Бог защита. Другой бы не решился ходить по опасным окрестным дорогам, да еще на ночь глядя.

Впустили странника в дом, усадили за стол. Тут как раз и ужин поспел. Завершили трапезу, и гость стал расспрашивать хозяев об их житье-бытье.

– Да, обделила вас судьба, но примите в расчет, что быть обездоленным – глупо, – сказал цадик, выслушав рассказ братьев.

– Может и так, – вздохнул старший брат, – А вот взгляните на эту вещь, раби, не кроется ли в ней какая-нибудь тайна, – сказал он, вспомнив о шкатулке.

– Все вещи таят в себе загадку, – ответил цадик, открыв крышку и внимательно рассмотрев содержимое шкатулки, – попытайтесь дойти своим умом.

Старший брат достал первый предмет. Стеклянная наглухо закупоренная бутылка, наполовину наполненная водой. Средний вынул вторую вещь – кожаный мешочек, а в нем песок. А у младшего брата в руках оказался круглый почти прозрачный граненый камень с надписью мелкими буквами.

– Пусть каждый из вас догадается, что означает его предмет, – сказал гость.

– Должно быть, это вода из нашего заброшенного колодца, что вдалеке от дома. Вроде цвет такой же, – сказал старший брат, поднеся бутылку к свету.

– Песок этот с тропинки, что ведет к тому колодцу, – догадался средний брат, перебирая пальцами желтые песчинки из кожаного мешочка.

Младший брат долго вертел в руках самоцвет, разглядывал грани. Старший и средний пытались помочь, но ни кому в голову ничего не пришло. И надпись прочесть не могут: грамоты не хватает.

– А теперь, труженики мои, я хочу услышать от вас, что подсказывают вам эти предметы.

Хозяева молча развели руками: не знаем, мол.

– Я помогу вам. Откуда вы берете воду, чтобы поливать сад и огород?

– Черпаем из реки, благо она совсем рядом.

– Начиная с завтрашнего дня, носите воду из колодца, хоть он и далеко от дома. Увидите, как расцветут ваши сад и огород. Вот вам и бутылка с колодезной водой. А ходить по воду вы будете по песчаной тропинке, что ведет к колодцу. Об этом говорит мешочек с песком. В самом же песке этом заключена большая сила: чьи ноги ступают по нему, в том пробуждается тяга к учению. Раскроете книги и вспомните грамоту. Сами прочтете надпись на камне. Вот тогда-то, с Божьей помощью, осуществится мечта вашего покойного родителя, мир праху его.

Братья снова взяли в руки камень, поднесли к свету.

– Раби, а почему... – хотел спросить о чем-то один из них, но, оглянувшись, увидел, что дверь дома открыта, а гость исчез.

Утром с восходом солнца все трое первым делом очистили песчаную тропинку от травы и камней. Подновили колодец, починили тачку и стали возить на ней бочонок с колодезной водой. Солнце делает свое дело, а вода – свое. Цветут деревья и грядки, как никогда прежде. А песчаная тропа производит чудеса. Прав был цадик – потянулись работни-

ки к книге и стали помаленьку читать. В один прекрасный день открыли братья шкатулку и разобрали надпись на камне: “Зажми сей камень в кулаке, согрей его, и он засветится. Направь луч света на злоумышляющего против тебя и обратишь его в бегство”.

– Вот здорово-то, – воскликнул младший брат, – Теперь нам никакие разбойники не страшны!

Осенью собрали небывалый урожай. Нужно строить амбар. Братья отправились в город покупать бревна и доски. Камень взяли с собой. Отошли от дома на две-три версты, а грабители тут как тут. Требуют денег, грозятся убить. Младший брат зажал в кулаке камень, согрел его своим теплом, и самоцвет засветился. Страшно братьям: а вдруг камень не подействует. Один из злодеев подступил совсем близко, потянулся за ножом. Но яркий свет ослепил его, и тот пустился наутек. И минуты не прошло, как чудо-камень обратил в бегство головорезов.

Выстроен амбар, за ним другой. Братья стали ездить на ярмарку продавать урожай. И ни какие грабители им теперь не страшны. И не только на лесных разбойников действует камень. Если, скажем, задумает лихой торговец на ярмарке обмануть деньгами или товаром, братья тот же час направят ему в лицо карающий луч. Обманщик хоть и не бежит прочь из лавки, но и не мошенничает более.

Разбогатев, братья построили каждый для себя новый просторный дом. Городской сват побеспокоился о невестах.

И вот сыграли три свадьбы враз. За свадебным столом городской раввин внимательно выслушал рассказ женихов, правдивую историю превращения бедняков в благополучных домохозяев.

– Догадались ли вы, кем был ваш гость, – спросил раввин счастливых молодоженов.

– Ясно, раби, что это некий цадик наставил нас на новый путь, – ответили братья.

– Вы удостоились огромного благодеяния. Этот «некий цадик» был никто иной, как сам Илья-пророк! Живите же и благоденствуйте, дети мои, – сказал раввин.

У братьев народились дети, а у детей – их дети, и так далее до наших дней. Чудесная шкатулка передавалась от отца к сыну. Деревня расцвела, и жители ее гордятся своими неисчерпаемыми колодцами, широкой песчаной дорогой, ведущей к ним, и своим бейт-мидрашем.

Этими словами закончил сказку раби Яков. Хасиды молчат. Молчит и лучший ученик Шломо, тот самый, что прожил несколько лет в Европе, и вынес оттуда свои вечные сомнения. Вот и сейчас цадик приготовился обороняться, предчувствуя какое-нибудь колкое замечание Шломо, о сомнительной правдивости этой истории, например. Но нет, Шломо погружен в свои мысли. “Скептицизм, как ржа разъедает душу хасида”, – пробормотал раби, употребив словцо из лексикона ученика. Наконец хасиды заговорили.

– Вот бы и нам такой камень, – вздохнул один.

– Или такой же колодец вторит ему другой.

– Песчаная тропа важнее всего, – постановил раби Яков, цадик из города Божин.

Ювелир и портной

“Метель метет, ветер воет – Боже сохрани!” – сказал хозяин постоялого двора, покрепче запирая дверь своего заведения и обращаясь к двум постояльцам, сидящим в общей комнате у печи. “Благодарите Бога, друзья, что буря не застигла вас в пути, и вы в тепле и под крышей, и есть у вас ночлег, ужин, да еще и выпивка вдобавок. Переждете непогоду у меня, а завтра, с Божьей помощью, тронетесь в путь”, – закончил трактирщик утешительную речь, обращенную к обескураженным непредвиденной задержкой путникам.

Повинуясь неотвратимому, гости вздохнули, уселись за стол и стали друг друга разглядывать – преддверие знакомства. Два еврея с бородами, оба по внешнему виду ремесленники, едут каждый по своим делам. Один – хасид, веселый, все улыбается, ему не терпится высказаться. Другой – хмурый, должно быть, неразговорчив. Представились друг другу. Хасида зовут Симха, а имя его нового товарища – Лодай. Омыли руки перед едой. Произнесли благословение, как положено, и выпили за жизнь. Отменно поужинав и отдав должное настойке, которую готовит жена трактирщика, постояльцы принялись рассказывать каждый свою историю. Первым начал весельчак.

Симха родился в состоятельной семье торговца. Отец его был хасид, и сын пошел по стопам отца. “Хасид всегда должен быть весел и радоваться жизни при любых обстоятельствах”, – всякий раз говаривал раби. И отец Симхи следовал наставлению цадика. Раби хвалил его за то, что он всегда доволен своей долей, не ропщет на судьбу и не слишком умничает. А отчего же простоватому, но удачливому торговцу не радоваться, если барыши на славу? Симха смолоду весел, весь в родителя, но сметки отцовской ему не доставало.

В хедере парнишка в лучших учениках не ходил, зато товарищи любили его за добрый нрав, а меламед, учитель в хедере, никогда на Симху не сердился и уж если порол за нерадение, то выбирал хворостину послабее. Меламед посоветовал отцу Симхи отдать сына учиться ремеслу – так надежнее. И выучился юный Симха на портного.

Отец, когда ездил к раби, брал с собой сына. Цадик не нарадуется на хасидскую династию. Пришло время, и женили Симху с Божьей помощью. Невеста, как говорили, девица некрасивая, да еще и бесприданница. Зато брак по любви. Ну, что поделаешь с этим непутевым Симхой, если нет на всем белом свете молодожена счастливее его?

Заболел отец и умер, а вскоре за ним сошла в могилу и мать. Симха получил наследство. Деньги припрятал на черный день, а кормиться стал от портновской работы. Беда в

том, что мастера хорошего из Симхи не вышло. Местечко, где он живет – захолустное, народ к одежде невзыскательный. Получит заказчик готовые брюки, примерит, вздохнет да и станет носить, как есть: “Мы люди простые, не в столицах живем, на балы-приемы не ходим”. Если кто и хвалит симхину работу, так это сам Симха. И не оттого, что хочет заманить новых клиентов, а оттого, что работа своя ему нравится. И никто не выведет из заблуждения человека, убежденного в собственных достоинствах, никто не хочет оказать ему худую услугу. А что платят ему меньше, чем другим портным, так это не беда, Симха не завистлив. Он всегда рад своей доле и благодарит за нее Создателя, а большего не алчет.

Годы идут, дети взрослеют, расходы растут, денежки про черный день понемногу тают. Старшая дочь уродилась некрасивой, похожа на мать. Пора ее замуж выдавать, вот Симха и отправился к раби за талисманом: коробочка, а в ней пергамент, на котором написано благословение цадики. А сейчас, возвращаясь от раби, Симха сидит у печи на постоялом дворе, довольный, что в кармане у него талисман, и глядит на своего нового друга Лодая: как понравился ему рассказ? Лодай слушал внимательно, иногда покачивал головой, а когда собеседник умолк, сказал: “А теперь слушай мою историю”.

Лодаю посчастливилось родиться в семье бедняка. Отец скоро забрал его из хедера: пусть мальчик работает и семье помогает. Парень подрос и скоро заскучал в своем маленьком городке, и захотелось ему посмотреть большой мир, а, главное, выучиться стоящему ремеслу, чтобы выбиться из гнетущей бедности.

Изрядно побродил Лодай по белу свету, пока ни пристроился учеником к ювелиру. Ученик оказался способным, научился и драгоценные камни гранить, и оправы из серебра и золота выделывать, и камни в эти оправы крепить. “Ты теперь самостоятельный мастер, я что умел, тебе отдал”, – сказал ювелир ученику. А Лодай подумал про себя: “Я-то знаю, что работа моя несовершенна, хоть и неплоха. Должно быть, я стал мешать учителю. Буду оттачивать мастерство сам”. И вернулся молодой ювелир на родину.

Лодай открыл в родном городке маленькую мастерскую и стал делать кольца и серьги, браслеты и бусы. Подолгу ждали заказчики. Однако ради красоты и потерпеть не грех. Лодай – самый строгий судья своей работе: вроде уж готово, ан нет, здесь надо подправить, там улучшить. Никогда мастер не бывал доволен до конца, однако каждое следующее изделие выходило лучше предыдущего. “А то, что лучше, то дороже стоит”, – говорил Лодай и повышал цену.

Заказчиков в маленьком городке мало, да и настоящих ценителей почти нет. Ни красота, ни мастерство ничего не

стоят, если некому ими восхищаться. Вот и приходится ездить Лодаю в большой город к своему богатому родственнику и просить его, чтобы помог найти знатоков и заказчиков. Мало-помалу Лодай выбился из бедности, стал на ноги. Дети учатся, жене служанка помогает в домашних делах. Но неугомонному Лодаю все не хватает, и уж очень он мечтает продавать свою работу в самой столице. Вот и сейчас возвращается он от своего богача в родной городок с новыми заказами, озабочен, как всегда. Он задержался в пути из-за ненастья, сидит у печи напротив Симхи и гадает, что скажет тот, выслушав его историю.

– Дружище Лодай, приезжай ко мне со всем твоим семейством, – сказал Симха, обнимая друга за плечи, – увидишь, какой у меня гостеприимный дом.

– Приеду, Симха, – ответил Лодай, улыбнувшись впервые за вечер, – а потом, с Божьей помощью, и вы к нам.

К утру кончилась непогода, и новые друзья разъехались по домам.

Лодай с семейством получил наисердечнейший прием в гостях у Симхи. Хозяин снял мерку со своих гостей и обещал пошить для всех обновы: кому брюки, кому юбку. Ювелир получше присмотрелся к старшей симхиной дочери, девице на выданье, которую отец считал некрасивой. Опытный глаз

мастера подсказал очертания и грани серег в ушах юной девы и цвет ожерелья на ее шее – магические вещи, способные превратить дурнушку в красавицу.

Возвращаясь, Лодай с завистью думал о жизнерадостном семействе: “Пусть порядку мало, зато довольство на каждом лице. Ни забот, ни тревог. Радость и благолепие. Вот так и надо жить! Эх, кабы и мне такое счастье! Да вот, не получается”.

Симха с семейством явился к другу с ответным визитом. Не с пустыми руками, разумеется. Распаковал коробки и вручил Лодаю и чадам его и домочадцам приготовленные для каждого подарки. Хозяева переоделись во все новое. “Спасибо, Симха. Какая красивая одежда!” – слышится дружный благодарный хор. Лодай, в свою очередь, открывает ящик комода и достает из него резную шкатулку. “Примерь-ка это на свою старшую”, – говорит он, протягивая Симхе изящные вещицы. Искусно сработанные украшения творят чудеса. Девица взглянула в зеркало, и слезы радости брызнули у нее из глаз.

“Какие дружелюбные и приятные люди! Однако обновы эти мы лучше уберем поглубже в комод, не возражаешь, мой дорогой?” – спросила Лодая его жена, когда гости отбыли восвояси. В пути Симха был непривычно задумчив: “Какой порядок в этом доме. И у каждого есть занятие с утра до вечера. А впрочем, скучно они живут. У нас лучше!”

Следующей зимой наши друзья вновь встретились на том же постоялом дворе. На сей раз ехали они не домой, а из дому. Симха направлялся к своему раби поблагодарить за талисман: дочь сосватана и скоро выходит замуж, и по этой причине ярче обычного сияло отцовское лицо. Контраст ему составляла унылая физиономия Лодая – мало заказов, и ювелир вновь держит путь к богатому родственнику с неизменной своей просьбой.

– Такая радость, Лодай! Пристроил, наконец, старшую. Жду тебя на свадьбу. Вот, что значит талисман нашего цадика! – сказал Симха.

– От всего сердца поздравляю, друг! Обязательно буду на свадьбе. Ты уверен, однако, что дело решилось благодаря талисману твоего раби? – спросил Лодай, имея в виду другую причину.

– Без сомнения, Лодаюшка! – воскликнул счастливый отец и обнял и облобызал Лодая. Ты – малOVER. Ну, чем тебя убедить? А знаешь, поедем-ка со мной к раби. Познакомлю тебя с цадиком. Он помогает всем и тебе, без сомнения, поможет.

– Так ведь я же малOVER, Симха, – возразил Лодай.

– Увидишь этого святого человека – непременно поверишь в его силу, – убежденно сказал Симха.

Лодай уступил, и настойчивый Симха представил своего

друга цадику. Тот первым делом поздравил ликующего родителя. Затем стал сверлить пронизательными глазами Лодая. “Это крепкий орешек, не просто такого в хасиды обратить. Кто многого добивается, тому многого недостает”, – подумал раби. Цадик искушен в беседе. Все печали выложил ему кандидат в хасиды. Закончив долгий разговор, раби вручил ему талисман – для успеха в делах.

“Какая удача, что ты задержался на несколько дней и явился именно сейчас. Совершенно неожиданно ко мне приехал мой знакомый – важный вельможа из столицы. Он здесь проездом и пробудет у меня всего несколько часов. Оказывается, он большой знаток твоего ремесла. Я познакомлю тебя с ним”, – такими словами встретил Лодая его благодетель.

Добрых два часа проговорили между собой провинциальный ремесленник и столичный вельможа. Разговор мастера с ценителем.

– Мне понравилась твоя работа, Лодай, а твоя взыскательность к ней восхитила меня. Сознать свое несовершенство – это путь к высшему мастерству, – сказал вельможа.

– Я счастлив слышать такие слова, мой господин, – сказал взволнованный ювелир.

– Твое настоящее место не в глуши, а в столице. Я предлагаю тебе занять должность смотрителя музея, и ты смо-

жешь при этом выполнять самые дорогие заказы или продавать свою работу в лучших магазинах. Ты согласен?

– О, мой господин! Это – мечта моей жизни. Я не нахожу слов благодарности! – воскликнул ошастливленный Лодай.

Несколько лет друзья не встречались, казалось, дружба угасла. Но вот чудо – случай вновь свел их всё на том же постоялом дворе. Разглядывают друг друга старые товарищи. Симха, как всегда, доволен и весел, Лодай – серьезен. Наряженный в одежду собственного пошива, да еще и изрядно поношенную, Симха выглядит незавидно. Лодай же одет в дорогой сюртук.

– Дела мои могли бы быть и получше, – вздохнул портной, – деньги про черный день давно иссякли, а портновское ремесло приносит слишком скудный доход. Я умею шить только один фасон, а мода с годами меняется. Даже наши местечковые обыватели стали морщить нос. Ой, что это я в самом деле – начинаю сетовать на судьбу? – спохватился Симха, – ты не смотри, брат, что я одет бедно, кто сжился с бедностью – тот богат. Зато еда у меня всегда самая лучшая!

– Интересно, расскажи, – просит Лодай.

– Захочется мне хлеба поесть, попрошу я жену подать мне свежесыпеченного хлебца, и она несет мне ароматную краюху. Взбредет мне в голову фантазия отведать хорошего мяса, жена дает мне краюху хлеба, я жую и чувствую вкус мяса. Соскучусь я по первосортной рыбе, получу от жены краюху хлеба, жую и ощущаю аромат отменной рыбы, – с тор-

жеством в голосе закончил довольный своей находчивостью Симха.

“Счастливец, кто одарен воображением” – подумал Лодай. Он с гордостью поведал другу о своем новом положении: о почетной доходной должности, о многочисленных дорогих заказах, об известности среди столичных ювелиров.

– Я, кажется, становлюсь довольным собой, – суммировал он свой рассказ.

– Зачем в нашей быстротечной жизни добиваться столь многого, дружище? А ведь успех-то пришел к тебе благодаря талисману нашего раби, – заметил Симха.

– Куда ты держишь путь? – спросил Лодай, не оспаривая последнего замечания Симхи.

– Что за вопрос? Конечно я еду к цадику!

– Стало быть, нам по пути, – сказал Лодай.

Страна мошенников и воров

На постоялом дворе, что расположился на перекрестке больших дорог, собрались как-то хасиды-торговцы. Расселись по лавкам. На столе – мясо и рыба, хлеб и овощи, пироги и фрукты, лимонад и вино. Один едет на ярмарку, другой – с ярмарки. Кто уже с барышом, а кто лишь надеется на него. Тот покупает в розницу, а тот торгует оптом. Этот богач, а этот середняк. Бедных за столом нет. Сидят, едят, пьют, оглаживают бороды, рассказывают каждый свою историю: кто он такой и откуда и куда направляется.

Вот зашел разговор о некоей стране, где живут одни лишь

мошенники и воры. И кто бы ни пытал там счастья, все оставались в убытке. Заплатит, скажем, покупатель за хороший товар, а ему обманом вручат негодную вещь, а пожалуешься судьбе – тот взятку возьмет, а сам исчезнет, будто ничего и не брал. С такими жуликами дела не делают – с этим все согласны.

Тут вступил в разговор человек, доселе скромно молчавший. Одет он был просто, но хасиды знали этого чернобородого купца, как большого богача и удачливого торговца. И всем было весьма любопытно, откуда у него нажива.

– Я отлично знаком с этим местом. Вот послушайте-ка, любезные хасиды, мою историю, – сказал купец, и за столом воцарилась тишина: когда говорит богач – все внемлют.

Город, в котором я живу, прилегает к этой самой стране. Дурная слава о ней удерживала наших городских, и никто там не торговал. А я не испугался. Меня, думаю, там не обманут. Стали надо мной смеяться, и я предложил насмешникам побиться об заклад, что тамошним мошенникам я провести себя не дам. Был я в то время молод и не богат, и поэтому самым азартным спорщикам пришлось сложиться между собой и снабдить меня изрядной суммой денег, ибо с ворами и плутами без тугой мошны не совладать. Рано утром подошел я в сопровождении всей честной компании к воротам жульнической страны. Я говорю своим товарищам: “Ждите меня, к заходу солнца я вернусь”. Я вошел в ворота и скрылся за ними, а хасиды расположились на траве неподалеку и

стали ждать.

Вот вступил я впервые на землю страны мошенников и воров и сразу же очутился в ее столице. Первым делом я направил свои стопы на рынок. Присматриваюсь к прилавкам – отличные товары. Приглядываюсь к продавцам – лица у всех честные, благонамеренные. И покупатели, как будто, всем довольны. Торговля солидная и пристойная. Дай, думаю, куплю петуха. Дошел до птичьего ряда, выбрал себе петуха – любо посмотреть: крупный, жирный, горластый. “Последнее достоинство, впрочем, ни ему, ни мне уже не пригодится” – подумал я с сожалением. Как водится, стал я с продавцом торговаться, пока не сошлись в цене. Приказчик вынес мне корзину, затянутую сверху тряпицей. Я дошел до конца ряда, снял тряпку, а в корзине сидит не облюбованный мной красавец с пестрыми крыльями, а какой-то слабый тощий цыпленок. Я бросился назад в лавку, а дверь на замке. И соседи ничего не ведают, ничего не видали, ничего не слышали. Отлично, думаю. Подам жалобу надзирателю рынка. Прихожу к надзирателю, рассказываю про петуха, показываю цыпленка. Вижу, человек слушает меня рассеянно, лицо каменное. Я смекнул, в чем загвоздка. Подхожу к надзирателю поближе, незаметно опускаю золотой в его оттопыренный карман и замечаю благоприятную перемену в лице вершителя правосудия. Он говорит: “Жди меня у двери снаружи. Через минуту вернусь к тебе с петухом”. Сказал это и был таков. Не вернулся ни через минуту, ни через час.

“Возле дурака всегда найдется жулик”, – заметил я самокритично.

Хорошо, думаю, пойду-ка я на ярмарку, присмотрю себе барана. Выбрал самого большого, самого чистого, самого кудрявого. Уплатил хорошую цену и зашел в кабачок напротив выпить рюмочку вина. Дожидаюсь, когда прибудет мой товар. “Эй, забирай свое приобретение!” – кричит слуга в дверях. Я выхожу и вижу, что вместо облюбованного мной барана стоит жалкая тощая коза. Наученный опытом на рынке, я не стал искать продавца мелкого скота или ярмарочного надзирателя, а двинулся к мировому судье. Тот принял меня учтиво, выслушал с сочувствием. Видно, я ему понравился. Чтобы закрепить хорошее впечатление, я ловко вложил сторублевый билет в книгу посетителей, которую ему подал писарь. “Подыши свежим воздухом в приусадебном саду, любезный. И получаса не пройдет, как твое дело решится” – сказал мировой судья, выходя из двери и пропуская меня впереди себя. Вы, конечно, догадались, дорогие хасиды, что пропал мой баран, и пропал мировой судья вместе с моими деньгами.

“И рынок, и ярмарку нарочно придумали, чтобы обманывать и обкрадывать друг друга. Лучше попытаю-ка я счастья в большом деле”, – сказал я себе после второй неудачи и отправился в царские конюшни покупать коня. Ах, какие кони передо мной! Один другого лучше. Цены на них, конечно, изрядные. Хорошо, что у меня кошелек полон. Сторговал во-

роного красавца. Но когда конюх привел мне вместо благородного коня старую выработанную клячу, я взорвался: “Нет правосудия в этой плутовской стране. Буду искать справедливости у самого царя”.

Как чужестранца, меня провели в царский дворец без проволочек. Двое высших придворных проводили меня в приемную Его Величества, доложили обо мне, а затем торжественно ввели в тронный зал самого монарха. Ах, дорогие хасиды, красота и роскошь предстали предо мной! Золото, мрамор, хрусталь, картины, статуи, мозаика. Но я не оробел.

Царь благосклонно выслушал мой рассказ. Расспросил о моей стране, рассказал о своей. Оказывается, у него при дворе живет еврей-мудрец. Его обязанность придумывать всевозможные притчи и загадки. “Твой соплеменник поможет нам решить дело о петухе, баране и коне”, – сказал царь и указал мне на седого благообразного старца, – “Он загадает тебе три загадки. Если ты их отгадаешь, получишь назад свое добро. Так у нас вершится истинное правосудие, и торжествует высшая царская справедливость”, – многозначительно заключил властитель.

– Слушай, хасид мою первую загадку, – сказал, обращаясь ко мне, седобородый старец. – Что это за человек, о котором можно сказать: “Не кружит голову почет, и нега славы не влечет?”

– Этот человек – попросту скромник! – выпалил я в ответ.

– Отлично, первую загадку ты отгадал, – сказал доволь-

ный мудрец.

– Первую загадку он отгадал, – повторил за мудрецом царь. – Привести мне немедленно торговца птицей, а с ним и надзирателя рынка! – прозвучал грозный голос царя.

Ввели в тронный зал торговца и надзирателя.

– Слышишь, ты, хитрец, доставишь нашему гостю петуха и вернешь его цену. Петух будет в подарок от тебя. А ты, взяточник, возвратишь человеку его деньги вдвойне. Ступайте и выполняйте мой указ! – распорядился царь, и двое мошенников поспешно удалились.

– Продолжайте, мудрец, – обратился царь к белобородому старцу.

– Вторая загадка потруднее первой, – сказал старик. – “Что это за слова такие, что говорящий их смеется, а слушающий – плачет?”

Я призадумался. Наконец меня осенило.

– Эти слова – слова насмешки, – воскликнул я.

– Молодец, ты и вторую загадку отгадал, – поощрил меня похвалой мудрец.

– Он и вторую загадку отгадал, – повторил царь. – Доставить ко мне торговца мелким скотом и мирового судью!

Вошли эти двое в зал.

– Ах вы бестии! Так-то вы встречаете гостя нашей славной страны? Один из вас вернет хасиду барана и цену его, а второй – вдвойне возвратит незаконный свой доход. Прочь с глаз, и выполняйте мою волю! – прогремел голос царя.

– Продолжайте, мудрейший, – снова обратился царь к старцу.

– А теперь, хасид, внимательно слушай третью и самую трудную загадку. На земле нашей множество стран. И есть среди них такая страна, что вмещает в себя все страны. Это – особая страна. Страны делятся на города. В особой стране имеется такой город, который вмещает в себя все города особой страны. Это – особый город. Города состоят из домов. В особом городе особой страны существует такой дом, который вмещает в себя все дома особого города особой страны. Это – особый дом. В домах живут люди. В особом доме особого города особой страны живет такой человек, который вмещает в себя всех людей особого дома особого города особой страны. Это – особый человек. А теперь, почтенный, скажи нам, что все это означает? – закончил еврей.

Третья загадка показалась мне легче первых двух, но из уважения к мудрецу я глубоко задумался.

– Я отвечу – сказал я после долгого размышления, – как купец, привыкший выбирать из множества товаров самый лучший и подходящий. Если какая-то вещь имеется во множестве: дома ли, города ли, товар ли какой, то всегда среди этого множества ты найдешь такую вещь, которая соединяет в себе все черты своих родичей.

– Bravo, bravo, – закричал старец и захлопал в ладоши. – Это великолепный ответ. Я и сам еще не нашел окончательного решения этой загадки. Я загадывал ее многим, и каж-

дый удачный ответ приближает меня к разгадке. Мой учитель, мир праху его, всегда говорил мне: “Все, что теперь сокрыто, когда-нибудь раскроет время”. Твой ответ, хасид, – лучший!

– Твой ответ – лучший, – снова повторил царь. – А подать сюда моего конюха!

Вошел конюх.

– Как смел ты, прохвост, обмануть моего почетного гостя? – Затопал ногами царь, обращаясь к дрожащему от страха конюху. – Вернешь хасиду коня, а плату, что получил за коня, вернешь в придачу. И запомни: вор – не тот, кто крадет, а тот, кого поймали. А теперь поторопись, каналья!

Отправив конюха, монарх угостил меня настоящим царским обедом. Затем распрощался со мной весьма дружелюбно и отпустил восвояси.

А перед заходом солнца хасиды, которые с раннего утра ждали меня, с изумлением увидели, как открылись ворота страны мошенников и воров, и из ворот вышел я сам собственной персоной целый и невредимый. Одной рукой я держал под уздцы красавца-коня, другой рукой вел на веревке чудесного барана, а на спине коня возвышалась плетеная корзина, с торчащем из нее красным петушиным гребнем. Еще больше удивились мои друзья и незадачливые спорщики, когда я вернул им деньги, да и себе оставил столько же. А потом я рассказал им историю, которую вы сейчас слышали. С тех пор мои дела пошли в гору, ибо торговать я стал только

лишь с этой страной. Я отгадал загадки тамошнего еврея, но на один вопрос ответа пока не знаю: “Страна-то эта, особая она, или нет?”

Клятва

Эту сказку сочинил и поведал своим хасидам раби Яков, цадик из города Божин. Начал он издалека и с непривычного вступления.

Разнятся меж собой обычные слова и слова клятвы. Обычное слово – во власти человека: захотел – изменил, захотел – отрекся, захотел – другое слово сказал вместо прежнего. Не то – клятва. Единожды сорвавшись с уст, она уж теперь не в воле ее произнесшего. Она живет сама по себе, и есть у нее цель, и цель эта – воплощение. Судьба человека во власти всесильного и непостижимого демона клятвы. Возьмем, к примеру, историю хасида по имени Акар.

Реб Акар человек простой, а ум его остер. И практической сметки ему не занимать. Потому-то и стал реб Акар одним из самых богатых домохозяев города. Хорошо иметь дело с таким торговцем, как реб Акар. Слово его – закон: сказано – сделано, обещано – выполнено. Известно всем: удача в торговле – награда за надежность, честность и прямоту.

Все есть у этого еврея, а счастья нет. Потому, что Бог не дал ему детей. Уж больше десяти лет прошло со дня свадьбы, а чрево его возлюбленной супруги бесплодно, как пустыня, по которой скитались их древние предки. “Разводись”, – твердит ему родня, но Акар отвергает негодный совет.

Реб Акар – преданный хасид. Твердо и беззаветно верит он своему цадику раби Зееву. Слушает его советы. Внемлет его речам. А в последние годы все чаще и чаще обращается он к раби с одной и той же просьбой – помолиться за него и за жену его, дабы заметил Господь муку их, и тревогу их, и беду их, и сжалился бы над ними, и снизошел бы до бесконечной тоски простого хасида, и дал бы им дитя и новую надежду в жизни.

А раби Зеев все уходит от прямого ответа, и не говорит своему верному почитателю “Да”, и не говорит “Нет”. Акар возносит молитвы и с корыстью обрекает себя на бескомпромиссную праведность. И жена его молится, и родня его молится, но тщетно все. Да оно и понятно: Небо ждет голоса цадика, а тот молчит. И испытанный хасид начинает сомневаться в раби и роптать на него в душе своей.

Все настойчивее становится реб Акар, и раби Зеев прячет глаза от него.

– Я объясню тебе, дорогой мой Акар, что мешает мне обратиться к Богу с бедой твоей. Постарайся понять меня. Я ближе тебя к Небесам. Я знаю, ныне большие опасности грозят всему народу нашему. И, если можешь, возьми в толк – в такие времена я не имею права растрчивать влияние свое в высших сферах на помощь одному в ущерб благу многих. И альтернативы у меня нет. Ты не лучше других и не более ценен, нежели они. Знаю, нелегко такое понять, и, поверь, нелегко мне признаваться в этом. И не беспокой меня более

своей просьбой, пока не решу я, что дошла твоя очередь, – такими словами отвечал цадик Зеев хасиду своему Акару.

Разговор с цадиком хасид пересказал жене слово в слово. Заплакала она.

– Не поняла я, чего у него нет? – спросила женщина.

– Альтернативы у него нет, – ответил простоватый Акар и недоуменно пожал плечами.

– Попытайся в последний раз, – твердо сказала жена.

Набрался смелости Акар, и вновь подступился к раби со своим делом, когда тот сидел в синагоге над Святой книгой. Вот Акар стоит напротив раби, но тот не замечает хасида, ибо отрешен он от сиюминутного, и помыслы его высоко-высоко на Небесах. Цадик вострепнулся, вернулся в этот мир, вновь увидел несчастное и испуганное лицо бездетного богача и пришел в неопиcуемый гнев.

– Ты преследуешь меня! Я не сделаю того, что ты просишь. Ты ничего не понял, невежда. Клянусь, не воспитывать тебе детей! И прочь с глаз моих! Прочь! Прочь! – кричал, забывшись, раби Зеев. Впрочем, тут же и пожалел о сказанном: “Нельзя горячиться. Гнев – оружие бессилия. Хотя, если хорошенько подумать, добр лишь тот, у кого достает твердости иной раз быть злым”.

Поблелел Акар, вышел из синагоги и уж никогда более не разговаривал с раби Зеевом.

Как-то на постоялом дворе по дороге на ярмарку подружился Акар с таким же, как он сам, торговцем и хасидом, и тот зазвал его к себе в гости. Навестил Акар нового друга, и познакомился у него дома с цади́ком раби Ионой.

Легкий и веселый нрав у раби Ионы. Оттого, должно быть, многие не сразу и верили, что перед ними мудрый цадик – все шутит да смеется. Хасиды любят его безоглядно. Хорошо людям с ним – кто похвалы заслужил – получит ее, у кого камень на сердце – для того есть слово утешения, а кто провинился в чем – тот ничего от раби не услышит.

Как почувствовал Акар, что цадик проникся к нему доверием, так и рассказал ему о своей беде. И о прежнем раби своем не умолчал. Цадик внимательно выслушал своего нового хасида.

– Повтори, дружище, чего нет у раби Зеева? – спросил цадик.

– Альтернативы у него нет, – ответил Акар.

– И у меня ее нет, – сказал цадик, тепло обняв за плечи собеседника.

– Это значит... – запинаясь, начал Акар, но цадик не дал ему договорить.

– Это значит, что я употреблю всю мою силу, что есть у меня на Небесах, дабы осчастливить тебя и жену твою. Клянусь, дорогой Акар, родится у тебя сын! Я твердо знаю, где кончается благо одного, кончается благо всех. Я помогу од-

ному несчастному, и тем хоть на самую малость облегчу общее бремя, – сказал раби Иона.

Не помня себя от счастья, примчался хасид домой. Да, что там примчался – на крыльях прилетел! И, захлебываясь от восторга, с порога рассказал жене о великой новости и о своем новом раби. Доброе сердце лечит рану, нанесенную трезвым умом. Нет меры радости, когда отступает беда.

– Вот будет у нас наследник, и стану его учить всякой премудрости, – мечтает Акар.

– Как ты, муженек, его учить станешь, коли сам ты неуч! – смеется жена.

– Права, женушка, права! Родится с Божьей помощью сын, и, клянусь, засяду за книги и с головой уйду в Святое писание. А ко времени, что подрастет дитя, достанет знаний в моей голове поделиться с ним.

И прошло время. Год ли, два ли, три ли, а только настал срок, и родился у Акара сын. Утихли подобающие случаю торжества, и преисполненный благодарности к цадику и к самому Господу Богу, уселся богач реб Акар за книгу Торы и окунулся в учение.

Страшно коротко было счастье богача и жены его. Младенец заболел и вскоре умер. И много лет томимые одиночеством бездетные супруги познали горе вдесятеро больше

прежнего. А Акар хоть и малограмотен был, но умен от природы. И пристрастился к учению. Искал и находил в Святом писании утешение и забытие. А у женщины этого спасения не было.

Реб Акар читает денно и ночью Святые книги. Заброшены дела, чахнет торговля. Сам не заметил богач, как разорился. А когда последняя вещь из дома была продана, и ни еды, ни денег совсем не осталось, оделись в рубище реб Акар и жена его, заколотили двери и окна дома и отправились пешком бродить по белу свету и просить подаяние.

Горе и невзгоды сломили женщину, и Акар овдовел. И скитался несчастный в одиночку и все корил себя: “Вот, не клялся бы я прилепиться к книге на старости лет, хоть и несчастный был бы, но не вдовый и не нищий”. А раби Иона горюет и говорит своим хасидам: “Моя это вина, и нет мне прощения. Зачем дал клятву этому хасиду? Лучше не знать счастья, чем узнать на миг и потерять навсегда”. А еще горше раби Зеву: “Ненавистен мне мой язык. Это я своей страшной клятвой погубил Акара и несчастную жену его”.

Нет хуже наказания, чем раскаяние, когда не можешь оправдаться перед собственным судом.

Вопрос Государя Императора

– Весьма прискорбно начало истории, которую вы, дорогие мои хасиды, сегодня услышите от меня, – полным печали голосом произнес раби Яков, цадик из города Божин, обращаясь к ученикам, собравшимся в его доме на исходе суб-

боты. Слушатели насторожились.

– Представьте себе, друзья, – продолжал раби Яков, – что и среди нас, евреев, встречаются завистники, недоброжелатели, и, что более всего достойно сожаления, доносчики.

Видя, что столь необычайным вступлением он вполне завладел вниманием слушателей, раби начал рассказ.

Великий мудрец и подлинный праведник стал жертвой злого наговора. Завидуя добродетели, люди приписывают ей преступления. Враги цадика и ненавистники хасидов, наши же евреи, подали ложный донос властям. Обвинили его в измене Империи и в злоумышлении против Императора, в подстрекательстве евреев к бунту и в сочинении пасквилей на неевреев. Могут ли быть в глазах властей преступления тяжелее этих?

В городке, где жил мудрец, появились царские осведомители и тайные агенты. Следят за каждым шагом цадика, составляют доклады и шлют их в столицу. А вскоре по улицам города прогремела арестантская карета черного цвета, а в ней – жандармы. Вывели они за ворота маленького седого старика, посадили промеж себя и скомандовали кучеру ехать. Умчалась в царскую столицу черная карета, и увезла мудреца на суд и, кто знает, может быть и на расправу на радость врагам и на горе честным людям.

Заточили невинного старика в крепость, куда сажают злодеев и убийц, врагов царя и отечества. Однако, царским законникам известно, что это узник другого рода. Слухи о мудрости цадика дошли до столицы, достигли ушей Государя Императора и его высших сановников. Умнейшим из них было доверено разбирать деяния раби и судить его. Ежедневно являлись судьи в каменный каземат, задавали цадику каверзные вопросы, но неизменно получали на них простые и мудрые ответы.

Воочию видят важные хранители закона, что волны лжи рассыпаются в мелкие брызги, ударяясь о камень истины. Кто может доказать, тому нечего бояться. Мудрец достойно отвел от себя клевету недругов. Но тут настала трудная минута для цадика.

– Отчего это, почтенный раби, – обратился к цадику старший из судей, – ты пишешь в сочиненных тобой книгах, что душа всякого еврея непременно содержит хоть малую частицу добра, а вот душа нееврея никакого добра в себе не несет? Выходит, ни я сам, ни судьи твои напротив тебя сидящие, ни жены и ни дети их, ни Государь Император – никто из нас, грешных, не удостоивается твоей милостивой похвалы за доброту? – спросил он.

– Наговор не ополчается против непогрешимости, он

лишь преувеличивает, но не возникает на пустом месте, – заметил сановник в черной рясе, но старший судья остановил его.

– Сказанное тобой до сих пор поразило нас безошибочностью мудрых твоих суждений, поэтому мы с тревогой ожидаем ответа на этот вопрос. Объясняй, мудрец, в простых словах, чтобы мы поняли тебя, – закончил судья.

Цадик задумался. Разве можно просто и понятно раскрыть несведущим глубины тончайшей мудрости? А если бы даже такое было возможно, какой смельчак решится возносить себя перед своими судьями? А если кто и отважится на такое безрассудство, то ни заслужит ли безумец более порицания, нежели похвалы?

Долго думает цадик, очень долго. И тут замечает он, как разом просветлели тревожные лица высоких сановников. Заулыбались судьи, засмеялись, заговорили между собой.

– Мудрейший раби, – снова обратился к цадикю старший из судей, – наша вера отнюдь не говорит нам, что наш народ менее добр, чем твой, да и по простому здравому размышлению мы сами это понимаем. Ты промолчал, и от того не поколебал нашу уверенность. Боюсь, на сей раз ты ошибаешься, мудрейший раби, – сказал судья.

Вздых облегчения вырвался из груди старика, и он засмеялся вслед за судьями.

А уж потом, когда цадик вновь оказался на свободе и частенько рассказывал хасидам о страшных днях, проведен-

ных им в застенках, он любил вспоминать, как спросили его о добрых и недобрых душах, и как ловко он выскользнул из рук своих судей.

– Я не назвал никаких оснований того, что написал в книгах, я просто промолчал. Но все, что я говорил прежде, убедило судей, что правда на моей стороне, и умно поступили эти вельможи, что не стали настаивать на ответе, – так говорил мудрец своим хасидам.

Заседание судей подходило к концу, когда открылась дверь, и в каземат вошел человек в скромной гражданской одежде. Сановники побледнели от страха, узнав самого Государя Императора, который подал им знак молчать. Раби встал со своей скамьи навстречу вошедшему и поклонился уважительно и с достоинством.

– Почему, раби, ты приветствуешь меня, как царя? Разве моя одежда не говорит тебе о том, что я простой гражданин? Люди узнают своего Императора по блестящему мундиру, по золоченым каретам, по окружающей его свите генералов и министров, – сказал царь.

– Я знаю, передо мной стоит царь, ибо сердцу моему дано ощутить тот особый трепет, какой лишь помазанник Божий может вызвать в душе.

– Я много слышан о твоей мудрости и святости, раби.

Знаю, что возвели на тебя напраслину. Я бы хотел услышать от тебя ответ на один вопрос.

– Я весь внимание, Ваше Величество.

– Как доказать, мудрец, что существует в мире Бог?

– Ваше Величество, назовите и опишите мне вещь, которой не существует в мире.

– Как же я могу назвать несуществующую вещь? – изумился царь.

– Вот это и есть лучшее и яснейшее доказательство существования Бога в мире! – с торжеством провозгласил цадик.

– Сколь кратко твое слово! Воистину, очевидность лишь умалется доказательством, – заметил царь.

– Кто доказывает слишком много, тот ничего не доказывает, – сказал раби.

Весьма удовлетворенный беседой, Государь Император распорядился немедленно отпустить цадика на волю.

– Вот какую историю я хотел рассказать вам, любезные мои хасиды, – сказал раби Яков и стал внимательно всматриваться в лица сидящих за столом. Жена его Голда скучала. Да и хасиды не все прониклись пафосом этой истории. Раби Яков был несколько обижен. “Жизнь мудреца скучна для скучных людей”, – мстительно подумал он. Только Шломо, лучший и любимый ученик раби Якова, испытывал явное

нетерпение, дожидаясь, когда учитель поинтересуется его, Шломо, мнением. Не забывая, что ученик его получил европейское образование, а также памятуя о том, что этот самый начитанный хасид не раз уж ставил его в неловкое положение своими чрезмерными познаниями, раби Яков колебался, спросить ли у Шломо, по какой такой причине тот столь сильно возбужден. Заговорив первым, Шломо помог цадику выйти из затруднения.

– Учитель, мне известно, что весьма похожее доказательство существования Бога было сделано задолго до того, как герой твоего рассказа беседовал с самим Государем Императором.

– И кем же оно было сделано, любезный Шломо? – с внешним ехидством, но внутренним страхом спросил раби Яков.

– Одним мудрецом, жившим в городе Амстердаме, имя которого я называть не хочу, боясь вызвать твой гнев, раби.

– Ты уже вызвал его, Шломо, – громко воскликнул цадик, – я знаю, кого ты имеешь в виду. Не зря раввины отлучили этого вероотступника от общины и прокляли его. Не может быть, чтобы хасидский мудрец повторял слова безбожника. Должно быть, ты в своей Европе плохо читал эти вредные книги. Читай получше, дружок. То есть я не то хотел сказать! Читай книги цадика, дорогой Шломо! – успокаиваясь, поучительно заметил раби Яков и спросил, не желает ли кто-нибудь еще рассказать историю.

Двенадцать субботних хал

В одном еврейском городе умер глава местных хасидов, почитаемый цадик и мудрец. Из родных оплакивали кончину раби вдова и дети – сын Мордехай и дочь Лея – вот и вся его семья. Как часто бывает, место хасидского раби занял сын. Резон такой: во-первых, по мнению большинства хасидов, Мордехай вполне достоин этой чести, во-вторых, таково было желание покойного, а в-третьих, другого кандидата не искали.

Незадолго до смерти отца Лея обручилась с простым парнем по имени Цви. Простак – не партия для дочери цадика. В зятя наставнику хасидов годится подающий надежды знаток Торы или сын крупного богача. Однако проницательный раби разглядел в Цви незаурядный ум. Да и не мог он разбить сердце горячо любимой дочери, ибо знал, что Лея готова следовать за Цви хоть на край света.

Не столь прозорливый, как отец, Мордехай не узрел за скромностью и простотой жениха задатков будущего мудреца. Приняв на себя бремя ответственности за семью и дорожа ее репутацией, он поначалу пытался расстроить помолвку. “Если есть в тебе хоть капля любви к сестре, ты не делаешь этого, любезный мой брат”, – чуть не плача сказала девушка, и Мордехай отступился.

Молодожены зажили своим домом, уехав в маленькое местечко. Укрывшись в захолустье от доброжелательных и сострадательных взглядов, молодые лишь после свадьбы вступили в романтическую пору любви, посрамив стереотип.

На все на свете хватает у молодости сил, а любовь удесятеряет их. С восходом солнца встает Цви. Любая тяжелая работа ему по плечу. Мозоли на руках. “Когда ешь ты от плодов труда рук твоих, счастлив ты”, – вспоминает он кое-что из Торы, радостно трудясь. Но вот приходит время полудня. “Все труды человека для рта его, но душа не насыщается”, – апеллируя к тому же источнику, говорит себе Цви, заканчивая работу и принимаясь за учение. Нет жизненных положений, хотя бы даже противоположных, для толкования которых глубокий знаток не нашел бы основания в Священном писании. А сказать по правде, книги, а не работа до мозолей, есть настоящее призвание Цви.

Лея обожает супруга, и любовь наполняет душу ее до краев. Вот Цви сидит за книгой. Лея подходит сзади и кладет руки на широкие мужнины плечи. Не сразу он почувствует нежное тепло, не тотчас встрепенется. Он растворился в книжной мудрости, слился с ней. Очень, очень немногим дано погружаться в глубины и воспарять до высот Божественного откровения. Цви наделен счастливым даром. Не от робости его скромность, а от уверенности превосходства. Подлинно сильный не выставляет свою силу напоказ.

Текут безоблачные дни. Появилась в доме колыбель, за ней – другая. В синагоге все чаще люди задают Цви вопросы, просят растолковать что-нибудь из Торы, и тот делает это охотно и просто.

Случилось как-то одному известному раввину из большого города быть проездом в местечке. Остановился в доме у Цви и Леи. Раввин собирался провести субботу у старого своего друга Мордехая, к которому держал путь. Гость обратил внимание на занятия хозяина. “Что читает молодой человек, что записывает?” – прозвучал снисходительный вопрос. “Да так, все больше известные вещи”, – скромно ответил провинциал. Раввин торопился в дорогу, чтобы поспеть к другу до наступления субботы. Только отъехал – сломалась ось у повозки. Цви починил. Гость снова тронулся в путь, и снова поломка. Раввин понял, что судьба ему провести субботу в глуши.

Лея накрывала стол к субботней трапезе. Из печи доносился вкусный запах пекущегося хлеба. Она поставила на белую скатерть огромную корзину с двенадцатью свежими плетеными халами.

– О, как много хал! Должно быть, раби Цви ожидает учеников? – спросил раввин.

– Так любил мой отец, – уловив иронию, заметила Лея.

– Учеников у меня пока нет, но завтра в синагоге после молитвы за разговором с друзьями халы пригодятся, – невозмутимо сказал Цви.

– Весьма похвально, – оставил за собой последнее слово раввин.

Во время трапезы, не надеясь услышать умные речи из уст простоватого хозяина, гость без умолку говорил сам, выбирая, впрочем, вещи попроще, доступные пониманию местечкового самоучки. Окончилась суббота, и утром следующего дня раввин отбыл. Он был в отличном расположении духа. “Я, кажется, неплохо просветил этих милых и простых людей. Не каждому дано стать раввином. Проживет не худо и тот, кто родится и умрет в неизвестности”, – умиротворенно размышлял он в пути. Раввину не терпелось поговорить с Мордехаем о его сестре и зяте.

Прошло несколько лет, и судьба вновь занесла нашего раввина в дом Цви и Леи. Канун субботы. Хозяин закрыл книгу. Хозяйка выставляет на стол двенадцать ароматных хал.

– О, как много хал! Должно быть, раби Цви ожидает учеников? – слово в слово повторил свой прежний вопрос раввин.

– Так любил мой отец, – повторила Лея ответ.

– На сей раз раби не ошибся: соберутся ученики, и одного из них раби хорошо знает, – пообещал Цви.

– Весьма похвально, – сказал раввин, несколько встревожившись.

Суббота еще не наступила, а в доме уже собрались гости – молодые, шумливые. Много шутят, смеются. “Вот они, уче-

ники!” – подумал раввин. Почитая своим долгом придать духовность субботе, он, как и в прошлый раз, принялся рассказывать простые нравоучительные истории. Недоуменные взгляды гостей были наградой раввину за красноречие. Тут появился последний гость – тот самый ученик, который раввину знаком. Взглянув на вошедшего, он изумился необычайно: перед ним стоял Мордехай. И опять кольнула тревога.

За трапезой заговорил, наконец, сам хозяин. Ученики подхватили. Не часто прежде приходилось раввину слышать столь глубокие мысли. Цви и ученики смело брались за труднейшие вещи из Торы. Раввин старался следить за беседой, но почувствовал, что отстаёт. Он молчал. Он привык завершать дискуссию, а тут не решался даже вступить в разговор. Он был бледен. Его знаний доставало, чтобы оценить говорунов по праву, а чуткий нюх на страже самолюбия удерживал язык. Он знал о своей ординарности и выбирал окружение. “В посредственности нет надежды”, – думал он, не щадя себя. Чужая незаурядность больно жгла. Хотелось сбежать, остаться одному. Но впереди ещё ночь, день субботы, затем исход субботы, затем снова ночь, и только на утро следующего дня можно будет, наконец, уехать.

А Мордехая, казалось, не смущала роль ученика. Он был боек и весел, как все. Раввин избегал его. Страшился вопросов, не знал ответов. На исходе субботы пришлось слушать сказки. Раввин не одобрял это хасидское нововведение, да делать нечего.

Пришло долгожданное время прощаться. Женским чутьем Лея поняла настроение раввина. “Вот видите, раби, все халы до крошки съедены. Вам понравились ученики моего Цви? Становитесь нашим постоянным гостем, дорогой раби!” – скороговоркой выпалила Лея. Она не давала спуску никому, кто подсмеивался над мужем.

На беду раввина вновь случилась поломка в повозке, и поневоле пришлось мученику принять предложение Мордехая и разделить с ним и карету и его и обратный путь. “Поверь, друг, мне было нелегко”, – сказал без всякой подготовки Мордехай. “Я считал себя знатоком Торы, но простой и неизвестный парень легко обошел меня. Слава Богу, самолюбие отступило перед благоразумием. Я счастлив быть его учеником”, – закончил он. “Хваля других – хвалишь себя”, – подумал раввин. Рискаю показаться невежливым, он не промолвил ни слова за все время пути. Приехали. Сухо распрощались и разошлись. Мордехай обернулся и долго смотрел другу вслед.

Семья

“Как жаль, что сын мой столь мало впитал моего рвения к знаниям и праведности”, – с грустью размышляет цадик раби Барух, – “Должно быть я сам виноват в этом. Он не невежда, он изучал Святое Писание, но без огня, без запала, как это делал я в молодости. Хотя суетное и мирское и уживаются в его душе со святым и благородным, богатство – вот что всего ближе его сердцу. А уж сын его, внук то есть мой, и вовсе

не знает, что есть вещи подороже золота. Одинокая выпала мне старость”.

Раби являл собой воплощение многих достоинств, был беспощадно строг с самому себе, да и ближним своим спуска не давал. Две добродетели ставил он в первую голову: это скромность и благотворительность. “И пропитание, и платье, и жилище – все, что есть у нас – все это из кармана хасидской общины. Ни я, ни семья моя не имеем права тратить и гроша лишнего: ведь это общественные средства. Только так слуги общества удержат доверие своих поручителей”, – говорил раби Барух, не опасаясь показаться отстающим от века в глазах самых чутких к переменам хасидов. И, как говорил, так и поступал, утверждая скромность – первую важную добродетель. Вторая добродетель, благотворительность, в аргументах не нуждалась вовсе. Не голова, а сострадательное и бескорыстное сердце подвигали цадика на помощь слабым и бедным. “Добродетель – мое орудие, которое никто не в силах у меня отнять”, – думает раби.

Внук раби Баруха – жених, обручен с девицей из богатой семьи. Он надеется, что хорошее приданое за невестой станет началом его пути к большому богатству. Золото множит золото. Деньгам надо дать ход.

Как-то раби Барух призвал к себе внука, чтобы спросить, в каком бейт-мидраше собирается тот продолжать учить Тору после женитьбы и какие Святые книги мечтает получить от деда в подарок на свадьбу. Погруженный с головой в при-

ятные хлопоты и упоенный сладостными грезами о медовом месяце, жених и будущий богач явился на зов, забыв сменить новый богатый вышитый капот на старый поношенный. Вошел к деду, спохватился, да уж поздно было. Вид неуместной роскоши опрокинул радостный настрой цадика.

– Каково твое приданое, дражайший мой внук, – сердито задал раби совсем не тот вопрос, который приготовил заранее.

– Тысяча золотых, – прозвучал унылый ответ.

– И какое же употребление деньгам думаете вы дать, ты и твой отец?

– Мы решили, что я вложу эти деньги в торговлю мануфактурой моего дяди, матушкиного брата, – ответил внук, предчувствуя дурное.

Раби Барух не любил брата своей снохи – гордеца, щеголя и скупца, который гроша нищему не подаст.

– Слушай меня внимательно, юнец, – сказал совершенно раздосадованный раби, – слушай, что говорит тебе твой дед, всей общиной почитаемый цадик. Где поклоняются богатству, там презирают все честное. Деньги потратить на помощь неимущим. А войдешь в долю к корыстолюбивому дядюшке своему – пропадет капитал. Да и пора, тебе, наконец, богоугодные дела вершить! А сейчас ступай, жених! – Сказал сердито цадик и уткнул нос в книгу, давая понять, что беседа окончена. “Воспитание тяжелее каторжных работ”, – подумал он.

Понурившись, внук ушел, а раби Барух стал размышлять о том, не слишком ли сурово он обошелся с парнем накануне свадьбы.

“Строже, тверже следовало мне вести себя с ними” – негодуя, думал раби Барух о сыне и внуке. Да и впрямь: месяца не прошло после свадьбы, а уж забыли они наставления старца, а скорее всего, и не думали им следовать. А тут еще выяснилось, что деньги юного мужа пришлись кстати, и его совместная с дядюшкой торговля расцвела и приносит изрядный барыш.

“Как вынести такое?” – терзается раби, – “Вся община чтит меня, любой хасид внемлет мне и не смеет прекословить, лишь наследники мои не слушают слова цадика! Это ли не позор моим сединам!? Такова моя награда в старости!?” – горюет раби Барух.

Не в силах раби побороть горечь, обиду и гнев. Обиды вдвойне тяжелее от тех, от кого мы не в праве ожидать их. Все реже призывает он к себе сына и внука. Не навещает процветающих своих отпрысков, а посему не видит и не радуется правнукам, появляющимся на свет один за другим. Причины размолвки множатся на глазах. Холодные ветры охладили сердца. “Выходит, даже самая прочная семья не прочнее картонного домика”, – говорят соседи.

К несчастью, а может и к счастью, истинным оказалось пророчество раби Баруха. Пропали у внука деньги, а с ними и барыши. Темной зимней ночью нагрянули разбойники и разграбили кладовую, где хранились шелк и парча, бархат и батист, сукно и плюш – все материи, какие были. Погрузили добро на подводу и были таковы. Не скоро, да и не до конца оправился внук от такого удара. Сознание правоты смягчило душу старика. Сознание правоты старика пробудило трепет, почтение и благоговейный страх в душах отца и сына. Лекарство от всех обид – в забвении. Зажглись маяки на пути сближения.

Время неумолимо, и престарелый раби слабеет. Телом, но не духом. В судьбе старейшины семьи заключены ее гибель и спасение. Сердца сына и внука не каменные. Сын поселил отца в своем доме. Живет себе цадик на старости лет в тепле и уюте, в довольстве и в достатке. Беды бывшего раздора поднимают цену согласия. Добродетелям своим раби, Боже сохрани, не изменил. Ведь всему есть толкования, могут быть оттенки, а выручают оттенки толкований.

Вот собралась вся дружная семья за субботним столом.

Среди своих и гость присутствует, дальний родственник. Свечи догорают. Трапеза подошла к концу. Все благословения сказаны. Зашел разговор о мирском и обыденном.

– До сих пор вспоминаю, дед, мудрое твое предостережение. Как знал ты наперед, что деньги мои пропадут? – спросил внук, а гость насторожился.

– Оставим это, мой мальчик, ведь беды столь обыденны, что предсказатель мало рискует, – сказал раби.

– Позволь, раби, какие деньги пропали? – спросил родственник.

– Расскажи, внучек, нашему дорогому гостю, пусть послушает.

И внук огласил печальную повесть об украденных товарах, и тем поверг слушателя в неподдельное изумление.

– А теперь внимайте тому, что я вам скажу, дорогие мои хлебосольные хозяева, – сказал гость, – начало этой истории мне доподлинно известно. Как-то, сидя в трактире, я случайно подслушал разговор за соседним столом. То совещались разбойники, обсуждая план грабежа. Я сразу смекнул, на чей товар покушаются злодеи, и тотчас отправил старого и верного своего слугу предупредить торговцев. Наутро слуга вернулся и сказал, что не нашел, кого искал, и посему явился к тебе, раби Барух, и тебе же все и рассказал, – закончил гость, вопросительно глядя на цадика.

– Ко мне не приходил твой слуга, – сказал раби нахмурившись.

– Такой верный, такой честный слуга, – пробормотал смущенный рассказчик.

– Необходимо разрешить это дело, призовем слугу и спросим его самого, – решительно заявил раби.

– Бог с тобой, раби, разве забыл ты, что бедняга умер, и ты сам собирал среди своих хасидов пожертвования для вдовы? – вновь изумился гость.

– Ах, да разве я отрицаю или противоречу? Я лишь иногда забываю. Сейчас припоминаю, слуга умер. Как жаль. Мир праху его. Простой и честный был человек, – вздохнул цадик.

– Самая нужная наука – забывать ненужное, – сказал внук, ни к кому не обращаясь. Воцарилась напряженная тишина.

– Давайте споем что-нибудь, евреи, – прервал раби общее молчание и первым затянул хасидскую песню. К старческому дрожащему голосу один за другим стали присоединяться голоса помоложе.

Горничная и цадик

Сочинитель считает своим долгом с первой же строки сказки заявить читателям, привлеченным ее названием, что между горничной и цадиком отсутствует что-либо общее, и эти второстепенные персонажи связаны по ходу сюжета лишь с главными героями, но, Боже сохрани, никак не друг с другом. Сочинитель имеет целью остановить начавший было закипать праведный гнев одних читателей и весьма сожалеет о возможном разочаровании других. Законы жанра превыше

всего.

Рая и Дод поженились по любви. Оба происходят из семей простых ремесленников, поэтому свадьба у них была скромная, и подарки тоже небогатые. Дод по профессии переплетчик книг. Трудясь до женитьбы в мастерской отца, Дод освоил все тайны ремесла. И даже более того – он мечтал расширить дело и знал, как к этому подступиться. Под стать ему была молодая супруга его Рая. Хваткая и ловкая, она, мигом переделав всю женскую домашнюю работу, спешила к мужу в переплетную – учиться и помогать.

Вкусив высочайших наслаждений сладостного медового месяца, молодые, сами того не замечая, все больше прилеплялись к своей мастерской. Дела отнюдь не заслонили для них любовь, но все ж потеснили ее. Времена благоприятствовали переплетному делу. Люди тянулись к книге, и заказов было хоть отбавляй. Дод и Рая повели дело с размахом и смело. Маленькая мастерская была превращена в контору, зато книги переплетались в огромном специально выстроенном здании. Молодые супруги уж не держат в руках ни клей, ни бумагу, ни коленкор – рабочие трудятся за столами и прессами. Дод и Рая принимают заказы, ведут бухгалтерские книги, считают барыши. Что в этом дурного? Нет занятия более невинного, чем зарабатывать деньги. А какой дом у них! Богатство и благополучие. Слуга, повар, горничная. Всем хватает дела. Рая любит свою горничную – умная, многоопытная женщина. Нет-нет, да присоветует хозяйке что-нибудь

дельное.

Дод – хасид. Частый гость у своего цадика. И не просто гость. Очень щедро жертвует он из своих прибылей на дела общины. Цадик, сам человек в высшей степени праведный, прежде всего ценит в учениках добродетельность, а если хасид к тому же умен и удачлив в делах, да еще и примерно щедр, то в таком человеке он и вовсе души не чает. Раби частенько навещает радушный дом Раи и Дода. Как образцово встречают хозяева святую субботу! Радуетя душа раби за счастливую чету. Об одном лишь вздыхает про себя цадик: вот уж несколько лет прошло, как поженились молодые, а детей все нет. А ведь брак без детей, как день без солнца. Но коли сами они к нему не обращаются, он и молчит. В водвороте дел Рая и Дод редко вспоминают о детях. Подумают и загрустят. Но тужат недолго – блеск успехов ослепляет.

Время радоваться и время горевать. Мир меняется к худшему, и люди меняются вместе с миром. Все меньше и меньше читают книг. Все меньше и меньше работы переплетчику. Одного за другим рассчитывает рабочих Дод. Отпущены повар и слуга. Лишь умная горничная удерживает свои позиции, хотя жалование теперь не то, что прежде. А подходит суббота, и слезы наворачиваются на глаза обедневших хозяев. Цадик сам приносит свечи в дом в пятницу вечером, не надеясь, что у Раи найдутся деньги купить их. Теперь годы проходят в борьбе за кусок хлеба. Детей у супругов по-прежнему нет. Но горевать или радоваться? Ведь такая бедность

в доме!

Незаметно пролетели десять лет супружества. На носу годовщина. Тут впервые Рая и Дод вполне осознали свое положение и ужаснулись. Если дом не наполняется детскими голосами, тревога и обреченность поселяются в нем. Развод? Ни за что! Пришли к цадику: “Помоги, раби!” Выслушал раби своих лучших хасидов и говорит: “Как долго я ждал вашей просьбы. Вот вы и спохватились. Не теряйте надежду. Я буду молиться за вас Господу, со всем жаром, на какой способен. Я употреблю все мое влияние на Небесах, дабы помочь вам. Не сомневаюсь, Бог услышит мой голос”.

Нужда в доме не знает пощады. Как ни любила Рая свою верную горничную, пришло время расстаться и с ней. Прощаясь, вся в слезах, Рая спросила, есть ли у той совет, как справиться с бедой. И так ответила горничная: “Жаль мне тебя, страдалицу, но нет на свете никакого средства от вашего с мужем горя. Лишь одно осталось – вернуть молодую вашу любовь, тогда и народятся дети. А иного не дано”.

Рая передала эти слова Доду, и крепко задумались муж с женой – каждый про себя. Как вернуть былое? Если очень захотеть, минувшее станет нынешним. “Десять лет миновали, а за делами и заботами я ни разу не вспомнил о дне нашей свадьбы и не подарил подарка моей любимой”, – так подумал Дод, и вот уж он знает, как поступить. По счастливому совпадению те же самые слова сказала себе Рая.

Итак, план созрел у обоих, но как привести его в испол-

нение без денег, да еще при этом сохранить все втайне, чтобы сделать сюрприз к годовщине? Коли денег взять неоткуда, значит надо что-то продать. Порылся Дод в своих старых вещах и нашел портсигар. “Штука хоть и простецкая, но по нынешним нашим временам выручки за нее хватит на подарок Рае. Не цена главное”, – решил Дод и снес вещицу скупщику. Рая нашла в своем сундучке старые забытые бусы и поступила с ними так же, как Дод поступил с портсигаром.

А накануне годовщины Дод и Рая купили подарки – по секрету один от другого, разумеется. Гостей не пригласили, праздновали вдвоем. “Я приготовил тебе сюрприз, Рая”, – сказал Дод и положил на стол коробочку. “И у меня есть для тебя кое-что, Дод”, – добавила Рая и сделала то же самое. Она с нетерпением развязала ленточку и увидела те самые бусы, что продала скупщику. Нечего удивляться тому, что Дод, развернув сверток, обнаружил знакомый портсигар. Тут Рая повнимательнее пригляделась к бусам, и слезы выступили у нее на глазах: “Да ведь эти бусы, Дод, ты подарил мне ко дню нашей свадьбы. Я забыла о них. Как стыдно!” – воскликнула Рая. И Дод, получше взглянув на портсигар, узнал свадебный подарок и произнес похожие слова. Пристыженные и счастливые, супруги бросились друг другу в объятия.

“Коли свадебные подарки вернулись к нам, значит и молодая любовь вернулась”, – сказал Дод.

Через год у Раи и Дода родился сын. Первый среди поздравляющих, разумеется, – цадик. “Вот видите, дорогие,

Господь услышал мои молитвы. Как я рад, что помог вам!»
– промолвил счастливый раби.

А горничная служит теперь в другой семье. Встретив случайно Раю, она обещала зайти по старому адресу, поглядеть на малыша.

Сирота, сын сироты

– Друзья мои, – обратился к своим хасидам раби Яков, цадик из города Божин, – на минувшей неделе у нас в Божине гостил необычайный человек, посланец Святой Земли, простой и честный еврей, взявший на себя нелегкий труд – собирать пожертвования на постройку новой синагоги в Цфате. Без усталости ходит он из города в город. Неспроста обратился он к нам, хасидам, в первую голову: мы – его верные единомышленники. Он побывал во всех домах, и, я не сомневаюсь, каждый из вас пожертвовал по мере сил.

– Верно, верно, раби! – закричали хасиды.

– А хотите услышать историю, которая имеет к нему отношение?

– Рассказывай, раби!

Цадик не заставил себя упрашивать. И, как всегда, на исходе субботы, хасиды, собравшиеся в доме раби, а вместе с ними и жена его Голда, услышали достойный внимания рассказ.

Неподалеку от одного небольшого города на отдельно стоящем хуторе жил себе хасид с женой и дочерью. Скромная эта семья арендовала у ближайшего помещика молочное хозяйство – несколько дойных коров. Летели годы, и все было хорошо. Но пришел день беды, и случилось несчастье. В одночасье заболели хасид и жена его и в одночасье умерли. И осталась девушка по имени Мерав сиротой в шестнадцать лет.

Помещик забирает своих коров. А что делать Мерав? Упросила его, и оставил он ей одну корову. Но не бескорыстно. Низкий был человек. Воспользовался бедой, и начал домогаться юного создания, и запугал несчастную, и стал бывать у нее на хуторе, и принудил к дурному, и вот уж нет прежней Мерав.

– Каков негодяй! – воскликнула Голда, – однако, отчего хасиды не вмешались? – гневно выкрикнула она и окинула тяжелым взглядом присутствующих мужчин.

– Наберись терпения, дорогая Голда, – остановил раби Яков гневную супругу и продолжил.

Цадик, хасидом которого был покойный арендатор, жил далеко от того места. Покуда вести дошли до него, было уж поздно спасать сироту и случилось с ней то, что случилось. Когда же приехал он в те края, то подыскал для Мерав место служанки в одном богатом и приличном еврейском доме в ближайшем городе. Утром Мерав уходит на службу, а вечером возвращается домой. Успевает и за коровой ходить и на

господ работать. А помещик не забывает раз проложенную им дорогу на хутор и нет-нет, да и уделит сироте долю своего барского внимания.

Тут хасиды переглянулись, и кое-кто уж открыл рот, приготавливаясь высказать суждение, но цадик протестующе поднял вверх руку – мол, молчите и слушайте дальше.

Семья, в которой служила Мерав, не только богатством, но и любовью к книге слыла среди лучших еврейских семей губернии. И сам хозяин, и три его старших сына, что теперь женаты и живут своими домами, все известны, как большие знатоки Священного Писания. Младший сын – холостой, живет в родительском гнезде и, в полном согласии с семейной традицией, сидит день-деньской за книгами Торы.

Но вот появилась в доме новая служанка, и утратил юноша душевный покой. А Мерав и глаза не поднимает в присутствии хозяйского сына. Только щеки ее загораются ярким огнем. Но украдкой пытается на него взглянуть. И тот тоже глядит на нее украдкой.

Если уж страсть поселилась в молодых душах, то шагает она крупными шагами и без оглядки на опасность. Хозяин дома погружен в дела да в Святые книги. Разве знает мужчина, что дома творится? Счастье, что супруга его другого склада. И однажды бдительная хозяйка совершенно случайно стала свидетельницей такого, чему в ее доме не должно быть места. Однако спасти положение всегда можно: потеряна добродетель – является приличие. Для начала она

призвала к себе Мерав. Служанка стоит перед хозяйкой ни жива, ни мертва от страха. А умудренная жизнью матрона пристально-пристально разглядывает трепещущую пташку, и подозрения зарождаются в прозорливом мозгу. Проницательность видит невидимое другим. Не вынесла Мерав тяжких, как камни, вопросов, и призналась в непоправимом.

– О, Боже, что делать с этой сироткой? Любить или бить? Миловать или казнить? – не сдержавшись, воскликнула пораженная неожиданным поворотом Голда.

– Не суди, Голда! Жизнь рассудит, – сказал раби Яков.

Хозяин был быстр и крут: изгнал служанку и надавал пощечин рано созревшему отроку. “Хочешь семью опозорить, балбес?” – вскричал разгневанный родитель. Сын не хотел позорить семью и пристыжено удалился к своим книгам, предоставляя спасти положение знающему жизнь отцу.

К кому идти за советом? Конечно, к раввину. Раби весьма заинтересовался откровенным рассказом просвещенного еврея и решил обязательно помочь щедрому на пожертвования богачу.

– Значит, она призналась? – уточнил раввин.

– Да раби, – тяжело вздохнул в ответ гость.

– Но виновником не обязательно должен быть твой сын.

– Увы, это – он.

– Послушай, почтенный, ты явился ко мне для покаяния, или за советом, как предотвратить беду, пока не пришла?

– Я начинаю понимать тебя, раби.

– Вот и отлично. Как известно, знанию предшествует предположение. Итак, сделаем предположение, что виноват вовсе не твой сын, а кто-то другой. Если оно верно, то ему должны быть подтверждения. Значит, дело это надо хорошенько проверить. Ведь наша цель – найти истину, не так ли?

– Как мудр ты, раби! Аминь.

– Не стоит похвалы. Ведь раввин – лишь толкователь, не более, – скромно заметил раби.

И отправились богач с раввином на хутор к Мерав. Страшно оробела бедняжка, при виде двух почтенных мужчин в своем доме. А те без лишних слов уселись за стол, выложили ей свое дело, а сами внимательно оглядывают комнату.

– Чье это ружье там стоит в углу, голубушка? – строго спросил раввин.

– Это барин оставил, завтра по дороге на охоту заберет, – простодушно отвечает Мерав.

– Выходит, барин – твой постоянный гость! – воскликнул раввин, – а мы-то невинного парнишку в дурном заподозрили.

Раввин встал из-за стола, взял ружье и передал его богачу.

– Имей в виду, блудница, когда придет твой срок, и раз-

решишься от бремени, не вздумай обронить невзначай, что дитя прижила в приличном доме, – сказал раввин и кивнул в сторону своего спутника, – иначе не одобровать тебе. Разгласим, кто у тебя в гостях бывал, дойдет это до жены помещика, и – конец твоей молодой жизни. А ружье – доказательство, останется у него, – указал он на богача.

С тем и ушли гости, добавив хозяйке еще одну беду.

Пришел помещик к Мерав, спросил, где ружье, и получил сбивчивый, вперемежку со слезами правдивый ответ. И впервые призадумался: а не кроется ли здесь какая опасность, и куда все это приведет? Признался во всем старшему брату, тоже помещику, а тот, не долго думая, отправился за советом к священнику.

Выслушал священник интересную историю, уточнил детали, и подумал про себя, что его христианский долг не допустить появления пятна на непорочной репутации аристократической фамилии.

– Итак, дорогой мой гость, брат твой опасается огласки? – спросил священник.

– Совершенно верно, батюшка.

– Но, возможно, и нет его вины.

– Увы, батюшка, есть.

– Дорогой мой, разве ты пришел исповедоваться за брата?

Торопись, в беде уже поздно о совете спрашивать.

– Я, кажется, начинаю понимать тебя, батюшка.

– И слава Богу. Мы ищем истину, не правда ли? А тому,

кто ее ищет, она в награду обернет свой добрый лик. Истина существует всегда, а коли так, то существует и ее подтверждение. Найдем подтверждение, найдем и истину. Ведь как просто!

– Сколь мудр, ты, батюшка! Аминь.

– Полноте. Человек в рясе не придумывает новое, а лишь трактует известное, – скромно заметил священник.

И отправились священник с братом помещика на хутор к Мерав.

– Здравствуй, красна девица, здравствуй, благонравная, – сказал священник, широко улыбаясь.

– Здравствуйте, почтенные господа, – прошептала бедная Мерав, предчувствуя новое несчастье. Порой простодушие видит плутни насквозь.

Брат помещика уселся за стол, а священник принялся рассказывать вдоль стен, точно высматривая что-то.

– А что это за ключ тут на полке лежит? – спросил священник.

– Это ключ от кабинета их братца, ответила хозяйка, повернувшись в сторону сидящего за столом гостя, – они иной раз у меня его оставляют, чтобы не потерять.

– А известно ли тебе, негодная, что у помещика пропало дорогое ружье, и находится оно у еврея-богача? А у тебя в доме ключ от кабинета, где хранилось ружье! Стало быть, ты украла его, воровка!

– Почтенный господин, позвольте, но ведь..., – только и

успела вымолвить бледная, как мел, Мерав.

– Не позволю! – не дал ей продолжить поп и в гневе хватил кулаком по столу, – и учти,

блудница, как родишь дитя, не дерзни сказать, что оно у тебя от благородного барина. А не то – мы пойдем к судье и уличим тебя, и будешь сидеть в тюрьме много-много лет. Ключ же этот – доказательство, и будет храниться у него, – сказал священник и передал ключ брату помещика.

Тут гости повернулись и ушли, не обманув хозяйку в ее худших ожиданиях.

Господь не оставил своей милостью несчастную сироту. Не обрек ее на бесконечно долгие муки жизни и на людской произвол. Родив сына, Мерав умерла. Кто рассудит, что есть несчастье, а что – счастье? Случилось, в те дни пришла к цадику за благословением супружеская чета, что направляла свои стопы в Святую Землю. Надеялись быть ближе к Богу и вымолить себе дитя. Рассказал им цадик, что, вот, родился на днях еврейский младенец и тут же осиротел. И бездетные супруги взяли малютку с собой, и цадик благословил их самым проникновенным своим благословением.

– И, конечно, вы догадались, дорогие хасиды, что еврей со Святой земли, собиравший здесь пожертвования, – и есть сын Мерав, – закончил раби Яков.

Рассказчик огляделся по сторонам и пришел к заключению, что история его имела успех: во-первых, хасиды принялись горячо обсуждать перипетии минувших дней, во-вторых, любимый ученик раби, образованный на европейский манер хасид Шломо, молчит и воздерживается от едких замечаний, а в-третьих, у Голды глаза полны слез.

Скелет в шкафу

– Хасиды, сегодня у нас в гостях находится реб Гирш, наш единомышленник из города Кобринска. Как и заведено, гость будет рассказчиком, и его сказку нам предстоит послушать. Не возражаешь порадовать нас, реб Гирш? – обратился с таким вопросом раби Яков, цадик из города Божин, к своему гостю, а затем окинул взглядом хасидов, собравшихся за традиционным столом в горнице его дома, откушавших не менее традиционного борща на исходе субботы и приготовившихся слушать сказку во славу хасидской традиции.

– Дорогой раби Яков, – начал реб Гирш, – я приготовил историю, которая, надеюсь, понравится и собравшимся здесь хасидам, и тебе, и супруге твоей Голде, попотчевавшей всех нас незабываемым борщом. Эта история из жизни нашего кобринского цадика раби Эфраима.

– Большинство сидящих за этим столом отлично знают раби Эфраима. Начинай, реб Гирш, – сказал раби Яков, и все присутствующие обратились в слух.

Лет этак десять назад появился у нас в Кобринске незванный гость – молодой христианский священник. Незванный он в том смысле, что евреи его появлению радовались весьма мало. Умный, красивый, с русой бородой, улыбается доброжелательно, приветливый, уважительный, одним словом – прохвост. А, главное, говорит он всегда мягким голосом: знает, дьявол, что нет стрелы ядовитее этой. Цель у него гнусная: находить малOVERов из наших и свращать их в христианство. И хоть почти никто с ним в разговор и не вступал, но он надеялся, что рыба попадется на такой глубине, где меньше всего ожидаешь ее встретить. Гореть бы ему в аду, и, надеюсь, так и будет.

Живет в нашем городе богатый хасид. Нескупой, справедливый, людям простым помогает. Раби Эфраим очень его любит, и по праву. Господь наградил богача необыкновенным сыном. Зовут сына Лейзер. Парень в своем роде исключительный. Главное в нем – отвергает ординарность, бежит от обыденности, ищет свою стезю. Походить на окружающих, на отца в особенности, – ни за что. Хасидом он, разумеется, не был. Сколько уж книг перечитал, святых и далеко не святых, со сколькими проезжими знаменитостями беседовал, раввинами и отнюдь не раввинами, а сколько отцовских попыток выгодного сватовства отклонил наш Лейзер! “Женитьба – это не сделка двух семей, женитьба – это продолжение бескорыстной любви”, – вот слова этого вольно-

думца.

Неподалеку от нового, крепкого, бревенчатого дома хасида, на соседней улице, где селится городская беднота, стоит жалкий дощатый домик, в котором живет бедная вдова. У этой женщины есть дочь Мирьям. Девушка умная и собой недурна. Глаза большие, мечтательные. Не довелось Мирьям много учиться в детстве, но любознательности и воображения ей не занимать. И, как для всех юных и чистых существ ее пола, сутью мироздания для Мирьям является, конечно, любовь.

Новые идеи и новые сомнения, сменяя друг друга, переполняют мятежный ум Лейзера. Такому человеку необходим благодарный слушатель. Лукавая судьба свела вместе язык Лейзера и уши Мирьям. Один без усталости говорил, другая завороченно слушала. Трудно сказать, много ли понимала простая девушка из вдохновенных речей искушенного книжника, но только внимала она ему самозабвенно. Разговоры этой парочки, хоть и вращались вокруг предметов духовных, но слишком походили на воркование двух влюбленных. Гуляя за городом, Лейзер и Мирьям держались за руки.

Быстро и умело проник молодой священник в неустанно ищущую новизны голову Лейзера. Озадачивал вопросами. Не торопился с ответами: думай сам, сравнивай, сопоставляй. На чьей стороне правда, чья вера человечнее – на все у молодого попа есть резон. Лейзер про себя, а иной раз и вслух, любил перечить отцу и раби Эфраиму. А тут столько свежих

мыслей! Русобородый так и раздувает паруса духа противоречия нашего Лейзера. Попутный ветер дует в эти паруса. Неизведанное – верная приманка совратителя.

В один злосчастный день из Кобринска исчезли три его молодых обитателя: Лейзер, Мирьям и христианский священник. Легко понять тревогу и страх отца и матери Лейзера, а еще легче представить горе и ужас бедной вдовы – ведь пропала-то дочь, девица. Исчезновение попа не заставило никого из горожан утереть слезу. События последнего времени подсказали хасиду и несчастной вдове причину отсутствия их чад: дети попросту сбежали. Как горю помочь? Богатый хасид, как сильная, ответственная, а, точнее, виноватая сторона, взял розыски на себя. “Пусть люди говорят, что хотят, моя спокойная совесть важнее мне, чем все пересуды”, – подумал хасид. Но все тщетно. В какой бы город он ни приехал, нигде и ничего о беглецах не слышали. Жена хасида, плача, выпроваживает супруга из дома: “Иди к своему цадику и без мудрого совета не возвращайся”.

Раби Эфраим дал быстрый и точный ответ: “Беглецов найдешь в столице. Они там. А станет умник твой упрямым, не захочет возвращаться, вручи ему этот вот конверт с запиской от меня. Кто бежит от своих, тому бежать до скончания дней его. Ступай и не трать времени даром. Так и поте-

рять парня можно, а девицу – тем паче”.

Как разыскать в большом столичном городе молодого еврея и его спутницу, о которых известны только их имена и ничего более? Беда. Неделя, другая проходит – ни каких следов. “Что жене сказать? Как смотреть в глаза несчастной вдове?” – горько думает хасид. А ведь позор его седой бороде тоже чего-то стоит. Да и за сына болит душа!

Вот как-то зашел хасид в трактир выпить рюмку водки, закусить и отдохнуть. Кругом все столичные евреи. Солидные, бородатые, ермолки на головах. Говорят о делах, о деньгах. Как водится, жалуются друг другу на тяготы жизни, о бедствиях своих нескончаемых рассказывают, Бога благодарят. “Вот счастливые люди, все у них исправно, живи да радуйся. Когда-то и я был таким же везучим. Не замечал своего благополучия, а как свалилось горе, оценил потерянное”, – думает хасид. Кто знает, что нам легче: пересиливать беды или забыть преуспеяние?

Сел за стол к хасиду купец, возвращавшийся с ярмарки. Человек воспитанный, увидел, что напротив сидит еврей, и, обращаясь к тому, говорит, что вот, мол, хоть сам он и не еврей, но пища еврейская ему очень даже подходит, а водка тут отменная. И высказался в том смысле, что среди племен этого встречаются честные люди. “Чтобы завоевать лю-

бовь всякого еврея, нужна одна и та же тонкая лесьть”, – подумал. Хасид слушал рассеянно и глядел на купца стеклянными глазами. Слишком уж велика была печаль его, чтоб оценить по достоинству благонамеренность собеседника. Тут купец прибег к самому сильному аргументу в пользу инородца, сказав, что даже в самом слабом своем пункте – вере – евреи стали обнаруживать признаки просветления ума. Его друг, молодой священник, сумел убедить образованного еврейского парня принять христианскую веру. С парнем и невеста его. Скоро окрестят и обвенчают счастливую пару.

Хасид встрепенулся, понял: кажется, попал на след. Любезный собеседник его без утайки рассказал все, что знает. Беглецы скрываются в монастыре, под охраной сторожей и защитой истинной веры.

Итак, хасид отправляется в монастырь. “Врагам моим влезть бы в эту шкуру”, – думает несчастный, с трудом передвигая непослушные ноги. И чем ближе подходит он к кирпичным стенам и башням, тем труднее идти.

Строгий и неподкупный страж никак не возьмет в толк, для какой такой надобности еврей хочет проникнуть в монастырь. Не видя иного средства добраться до цели, хасид, приведя универсальный и безотказный довод, вошел вовнутрь, вернул кошелек в карман, и принялся разыскивать пропажу.

На удивление быстро и просто нашел хасид Лейзера, сына своего блудного. Сидит себе Лейзер в беседке неподалеку от входа в монастырь, погружен в мысли. “Сынок! – вскричал хасид, завидев беглое дитя, – слава Богу, жив. Здоров ли?” На лице Лейзера на мгновение засветилась радость, но на смену ей тотчас пришел испуг. “Зачем ты здесь, отец? Хочешь вернуть меня? Мое решение непреклонно. Наше решение. Я по-прежнему люблю тебя и мать, а Мирьям плачет о своей бедной матушке, но мы не отступимся. Завтра крещение, а вскоре венчание. Прощай отец”, – выпалил единым духом сын и повернулся к отцу спиной. “Роковой шаг еще не сделан. Значит, я не опоздал. Значит, есть надежда”, – смекнул хасид. “Будь по-твоему. Я ухожу. Возьми этот конверт. В нем записка для тебя от нашего цадика”, – вымолвил хасид и направился к выходу.

Тут рассказчик сделал паузу и осмотрелся по сторонам. “Как вы думаете, хасиды, что написал раби Эфраим? – задал вопрос реб Гирш, обращаясь к затаившей дыхание аудитории. Поднялся шум. Предположениям и версиям не было конца. Когда раби Яков восстановил порядок и передал слово рассказчику, тот торжествующе провозгласил, что всего лишь полстрочки было в письме: “Лейзер, помни Бога своего и народ свой. Эфраим, хасид”.

– Увы, не перевелись такие евреи, которые не верят в очевидную вещь: подлинный-то цадик творит чудеса! – продолжил реб Гирш.

– Таких маловеров называют скептиками, – вставил свое слово Шломо, любимый ученик раби Якова, получивший, как известно, европейское образование. Удостоившись осуждающего взгляда учителя, Шломо притих и не мешал более рассказчику, который продолжал.

Скупые слова цадика в мгновение ока перевернули душу отступника. Чем проще сказанные слова мудреца, тем глубже смысл несказанных им слов. Перед мысленным взором Лейзера промелькнули картины детства, хедер и меламед, синагога и раввин, праздники пасха и пурим. Неужели покончено с этим? Чудесное сияние святости цадика превратило бессильного и бесплодного скептика в правоверного. Лейзер бросился прочь из монастыря. Догнал отца, обнял его.

– Я вновь с тобой, отец, – высокопарно изрек сын и уронил голову ему на грудь.

– Мы с матерью не сомневались, что раби Эфраим вернет нам сына. Но где же Мирьям? Ее надо спасать, нельзя медлить, ведь она же девица! – Воскликнул хасид, глядя в глаза сыну. Лейзер отвел взгляд, и краска залила его лицо.

– Отчего ты медлишь?

– Я боюсь возвращаться в монастырь, как бы меня ни удержали силой, – ответил Лейзер потупившись.

Хасид отважно ринулся к тяжелым железным воротам и

вывел Мирьям на волю.

Лейзер спасен и вернулся к родному очагу. А озабоченный богач вновь сидит у раби Эфраима. “Дети возвращены, но история не окончена. Ты знаешь, раби, что я имею в виду. Каков твой совет?” – спрашивает богач. Цадик задумался. Затем тяжело вздохнул и развел руками. “Деньгами поправишь дело. Другого не дано”, – ответил он. Подумавши еще, просиял лицом и добавил: “Не горюй, хасид. Невинность граничит с глупостью. Познание через грех почетнее праведного невежества”.

Лейзер пошел по стопам отца. Стал завсегдатаем в доме у раби Эфраима, слушал слово цадика. Теперь он хасид, лучший ученик нашего раби. Женился с Божьей помощью, и детишки есть. Раби Эфраим не шутя пророчит ему чудесное будущее, уверен, что Лейзер станет большим знатоком Торы, умножит свою мудрость и обретет собственных учеников. Кобринск уже сейчас гордится будущим мудрецом.

– Вот и вся история, дорогие хасиды, – закончил реб Гирш.

– Нет не вся! – разорвал тишину отчаянный возглас Голды. Лицо ее горело от гнева, – Я поняла лишь, что вы у себя в Кобринске растите нового праведника. А позволь узнать, реб Гирш, что случилось с бедной вдовой и ее доверчивой и

несчастной дочерью Мирьям? – сурово спросила жена раби Якова.

Сколько ни урезонивали сердитую Голду ее муж и реб Гирш, та упрямо стояла на своем, требовала ответа. Наконец, нехотя и иносказательно рассказчик дал понять неумной Голде, что и на долю бедных женщин выпала частица счастья. Они уехали далеко-далеко, в другой город, неизвестно в какой. И есть слухи, что мальчик вырос умный. Учится в хедере, радуется мать и бабушку. “Однако, – возвысил голос реб Гирш, – у нас в Кобринске об этом не говорят, тем паче с Лейзером. Да и от меня вы ничего не слыхали, – многозначительно закончил рассказчик.

– В Европе это называется “скелет в шкафу” – вновь не удержался вставить слово разносторонний Шломо.

– Шломо! Я прошу прекратить кощунственные речи! Не хочу слышать в своем доме ни о каких скелетах! – воскликнул и без того раздраженный раби Яков и гневно хватил рукой об стол.

Голда молча и сердито гремела посудой у печи. “Молвы боятся, а не совести”, – думала. Реб Гирш растерянно молчал. Гости тихо расходились. На сей раз, нехарактерно и на фальшивой ноте закончились проводы субботы в доме раби Якова, цадика из города Божин.

Недовольных нет, все довольны

Эта история приключилась неподалеку от города Кобринска. В ту пору главой тамошних хасидов был цадик раби

Эфраим. Когда раби Эфраим гостил в городе Божине у раби Якова, он из скромности не захотел говорить об этих событиях во всеуслышание, а поведал о них раби Якову с глаза на глаз, ибо полагал, что похвальнее всего те добрые дела, что остаются в тени. А уж раби Яков в свою очередь передал рассказ друга своим хасидам. Вот что они услышали.

У одного богатого помещика служил еврей в должности арендатора. В работе он был прилежен, а, главное, слыл в своем местечке, что расположено совсем рядом с Кобринском, знатоком Торы, и много времени отдавал учению. Жена его держалась того мнения, что неплохо бы ему иной раз сделать исключение и заглянуть в книгу прихода и расхода, а не в Святую книгу, но не будем осуждать женщину за неразумность, а лучше оценим по достоинству ее умение держать при себе такие странные мысли, и не высказывать их вслух и не огорчать мужа.

Случилось однажды, что задолжал арендатор своему хозяину изрядную сумму денег. Год, к несчастью, выдался неурожайный, и нечем было вернуть долг. Помещик же, который и без того не любил евреев и терпел их только за умение прибыльно управлять его хозяйством, не собирался откладывать уплату долга. Он не на шутку пригрозил своему еврею, что если тот просрочит время уплаты, то неминуемо сядет в тюрьму, да еще жена и дети пострадают.

Неподалеку, в городе Кобринске, жил один хасид, известный своей праведностью цадик раби Эфраим. Он помогал всем попавшим в беду, и простые люди верили, что он творит чудеса.

Вот жена арендатора и говорит мужу: “Иди к хасиду, расскажи ему про нашу беду, он нам поможет”. Но муж и слушать не хочет легковверную женщину, да и ни в какие чудеса он не верит. “Хасиды твои специально проповедуют простоту, чтобы мнимые чудотворцы могли людей обманывать, дорогая женушка!” – сказал арендатор. “Глупо выказывать недоверие, попробуй-ка лучше проявить доверие, дорогой муженек!” – не осталась в долгу его супруга. Наконец, ей удалось уговорить скептического своего мужа, и, нехотя, арендатор отправился в путь, ведь все равно ничего другого он придумать не мог.

Раби Эфраим встретил посетителя радушно, выслушал его и с радостью вызвался помочь. “Отправляйся завтра утром на рынок, и как предложит тебе крестьянин купить у него какую-либо вещь, покупай, не задумываясь, и о цене не торгуйся, а покупку свою вези ко мне, и тогда я растолкую тебе, что делать дальше”, – сказал цадик арендатору и, провозжая его, весело прибавил: “Бог тебе в помощь и не забывай, что хасид своего брата еврея в беде не оставит”.

Хоть уверенная речь цадика и приободрила арендатора, сомнений в душе должника не убавилось. Жена же его вос-

пряла духом и, закрепляя первую победу над упрямым неверием мужа, твердо сказала ему: “Делай все, как говорит тебе раби, и увидишь, беда обойдет нас стороной”.

И поступил еврей по совету раби и по настоянию жены, то есть отправился на следующий день с утра на рынок, и, как и предсказал раби, встретился ему крестьянин и предложил свой товар – овечью шкуру, и цена ей – один золотой. Оторопел арендатор: зачем ему овечья шкура, да еще по такой неслыханной цене? Вспомнив, однако, наставления раби, не стал торговаться, а достал из кармана последний золотой и вернулся с покупкой домой. Досаду свою выместил на жене: “Последние деньги отдал за этот товар, а что прикажешь с ним теперь делать, дорогая женушка?” А жена ему в ответ: “Дорогой муженек! Вот сказал тебе цадик, что придешь утром на рынок, и непременно встретится тебе крестьянин-продавец. Так и вышло. Разве сам не видишь, что все исполняется по слову раби? И дальше так будет. Завтра же отправляйся к нему”.

“Отличная покупка”, – сказал хасид арендатору, когда тот расправил на столе овечью шкуру, – “Помещик скоро празднует свой день рожденья, соберутся у него богачи и вельможи со всей губернии, и каждый со своим подарком. Вот и ты придешь поздравлять своего хозяина и подаришь ему эту самую шкуру, и все будет хорошо. А сейчас ступай по своим делам, и к вечеру зайдешь ко мне и заберешь свою овчину. Я же тем временем помолюсь за тебя, произнесу кое-какие

благословения, да и вообще надо немного потрудиться над этой чудной вещью”, – закончил хасид наставляя совершенно сбитого с толку должника и дружески похлопал его по плечу на прощание.

Вернувшись вечером домой, арендатор в гневе швырнул на стол злополучный сверток и, как

всегда, обрушился на жену: “Твой праведник велит мне идти на день рождения к нашему душегубу-хозяину и нести ему в подарок эту грошовую крестьянскую овчину. Соберутся у помещика богачи и вельможи, преподнесут ему охотничьи ружья, лучшие ковры, породистых щенков и прочие барские подарки. И среди этой знати появится еврей с овечьей шкурой под мышкой. Да барин просто скажет, что я издеваюсь над ним, и на месте убьет меня за испорченный праздник!” – сердится арендатор.

Горячая речь мужа ничуть не поколебала женщину, и та опять за свое: “Хасид творит чудеса. Если ты сделал первый шаг, делай и второй. Я верю, мы на пути к спасению”. Что ж, твердый характер смягчает судьбу. Арендатор остыл и послушал жену: как говорится, гнев любящих не долог.

Сердце сжималось от страха у бедного арендатора, когда приближался он к роскошному дому помещика. На тяжком этом пути то и дело мелькала в понурой его голове мысль:

“Не повернуть ли назад, пока не поздно?” Но всякий раз из-за этой мысли выглядывала другая: “А что если и вправду раби творит чудеса?” Чтоб спастись, и маловер поверит в чудо.

В доме помещика слышна была музыка, громкие голоса гостей. Праздник начался. Слуга вышел на робкий стук в дверь, выслушал сбивчивую речь еврея, и, поняв, наконец, что перед ним стоит еще один гость с подарком, он принял из дрожащих рук жалкий сверток и исчез в глубине дома, оставив еврея на почетном месте у порога. Несчастный должник молился про себя.

“Уважаемые господа, давайте-ка посмотрим, какой такой подарок принес мне на день рождения мой почтенный арендатор. Хитер, небось, как все его соплеменники и думает, что я долг ему прощу”, – обратился к гостям виновник торжества, который не хотел упустить случай показать силу и власть над своим евреем. Благородные вельможи собрались вокруг стола, помещик развернул овечью шкуру, и все увидели подарок еврея.

Лицо помещика побагровело от гнева и, сотрясая стены дома страшным криком, он дико возопил: “Слуги, немедленно ведите сюда этого грязного жида! Каков наглец! Он насмеяется надо мной. Вместо долга несет мне какую-то убогую шкуру. Дорогие гости! Сейчас вы увидите, как я застрелю на месте негодяя!” Гости воодушевились в предвкушении зрелища. Зачастую люди, собираясь вместе, готовы на

жестокость, которой нет у каждого в отдельности.

Двое дюжих молодцов охотно бросились исполнять приказание. До передней, где стоял и дрожал бедный даритель, донесся из зала грозный рык хозяина. Несчастный услышал бойкие приближающиеся шаги слуг и понял, что судьба его решена. “Вот какие чудеса творит наш хасид праведник”, – только и успел с горечью подумать арендатор, а уж крепкие руки подхватили с двух сторон онемевшее от ужаса тело и поволокли бедного должника на суд и расправу.

То ли по счастливой случайности, то ли по чьему-то неодолимому замыслу, находился среди гостей маленький мальчик, сын помещика. В гимназию он еще не поступил, но грамоту уже знал. Воспользовавшись общим замешательством, любопытный парнишка стал разглядывать подарок и вдруг воскликнул: “Поглядите, батюшка, тут какие-то буквы!”

Помещик, спохватившись, что малолетний сын его все видел и слышал и, желая оградить

дителя от созерцания предстоящей жестокой сцены, велел домашнему учителю немедленно увести отрока. Сам же хозяин принялся внимательно разглядывать завитки на овечьей шкуре и с изумлением узрел, что из различных оттенков шерсти складываются слова – его имя и фамилия и год, когда он родился. Благородные вельможи сгрудились вокруг стола и охали и поздравляли хозяина с редким даром.

“ Я прикажу сшить себе из этой шкуры меховую шапку и

буду надевать ее каждый год в день своего рождения. Она принесет мне удачу!” – воскликнул помещик. “Ура, ура! Богатство и счастье этому дому!” – раздался дружный хор присутствующих.

“Ах, где же мой дорогой арендатор? Я хочу видеть его здесь в зале среди своих гостей!” – вскричал помещик, забыв о своем недавнем жестоком намерении.

“Да вот же он перед тобой, хозяин” – сказал один из подерживавших несчастного еврея слуг.

“Отчего ты так бледен, любезный? Будь добр, голубчик, расскажи всем нам, как досталась тебе это необычайная овечья шкура”, – обратился помещик к своему еврею. И тот, чуть дыша и заикаясь на каждом слове, еще не вполне веря своему спасению, выложил без утайки грозному, но справедливому повелителю всю историю.

“Твой раби – настоящий чудотворец. Может быть, он и меня когда-нибудь удостоит советом или благословением”, – заметил помещик и с важностью изрек: “Бог-то у всех у нас один!”

Желая загладить свою вину, помещик примирительно обратился к арендатору: “Уж ты, голубчик, зла на меня не держи и гнев мой напрасный мне прости, а я прощаю тебе твой долг.” И он распорядился с почетом доставить еврея домой.

Пережитое потрясение не прошло даром для арендатора: с несчастным сделался удар и, скованный параличом и лишенный дара речи, он слег. Со временем, поправляясь, больной начал понемногу ходить, тяжело опираясь на палку, и язык чуть-чуть стал его слушаться, хоть и остался бедняга косноязычным. Его обязанности в поле взял на себя старший сын, а книгами прихода и расхода занялась жена. Зато теперь арендатор мог целыми днями читать Святые книги. Он теперь хасид, и раби Эфраим считает его способным учеником.

Как-то раз, в доме бывшего арендатора сидели за столом и беседовали он сам, его жена и их частый гость раби Эфраим. Вспоминали былое. Жена помогала косноязычному мужу изъясняться.

“Раби, меня ты спас от тюрьмы, а жену и детей – от нищеты и страданий. Как жаль, что я не поверил тебе сразу, как поверила тебе моя жена”, – обратился хозяин к цадику. “Меня погубили мои вечные сомнения. Будь во мне больше веры, я бы проник в твой замысел и понял, что не страшная кара, а избавление ждет меня. Я бы не натерпелся смертельного страху, не случился бы со мной удар, и был бы я сейчас здоров, как бык. Получив от тебя совет, раби, я хоть и долго думал над ним, но не распознал в нем чуда”, – с сожалением сказал бывший арендатор. “Чудо понимают не умом, а сердцем”, – вставила свое слово жена.

Раби Эфраим одобрительно посмотрел на женщину и ска-

зал: “Порой мы должны твердо верить, и даже в чудо верить необходимо, но иной раз мы обязаны сомневаться”. При этих словах он перевел взгляд на мужа. “Но истина ведома только Богу” – многозначительно закончил цадик свою речь, воздев глаза кверху.

Мирную застольную беседу прервал шум на улице. Выглянули в окно. У ворот остановилась барская карета, из которой вышел помещик собственной персоной и неверным шагом направился к двери. Ему с трепетом открыла жена арендатора. На голове у барина надета шапка, сшитая из подаренной арендатором овчины. В руке – штоф водки. Барин навеселе. С порога он громогласно заявил: “Я рад, что здоровье моего бывшего арендатора поправляется. Сегодня мой день рождения, и поэтому вы видите на мне эту шапку, которая бережет меня от всяких напастей. Я предлагаю всем присутствующим здесь осушить по чарке водки за полное и скорейшее исцеление моего верного работника, за здоровье его заботливой супруги и за великого чудотворца Эфраима! Ура!” – одним духом выпалил помещик.

Женщина быстро-быстро постлала на стол белую скатерть, водрузила на нее плетеную тарелку с солеными бубличками и со словами “Отведайте нашей водки, почтенный господин” достала из шкафа стеклянный зеленого цвета графин, а за ним зеленые же стопки. Раби наполнил три из них доверху, а больному налил чуть-чуть. Хозяева выпили за здоровье именинника, а он сам – за то, что провозгласил

прежде.

“Отныне и навеки я назначаю моему верному арендатору пожизненный пенсион!” – торжественно и с расстановкой произнес помещик. “За щедростью прячется либо тщеславие, либо расчет”, – подумал про себя раби и сказал вслух. “Богатство щедрого неисчерпаемо”. Все возликовали. Затем задумались: как много добра и счастливых перемен принесли каждому события последнего года. Жена арендатора счастлива тем, что муж остался жив, что долг прощен, и пенсион назначен. Помещик горд своим бескорыстным благородством, которым рассчитывает расположить к себе еврейского чудотворца. Раби Эфраим несказанно и по праву доволен свершенным им чудом. Но самая большая награда выпала, разумеется, на долю арендатора: наконец-то он может целиком отдаться любимому занятию.

Помещик не стал засиживаться в гостях. Откланялся и уехал, сердечно попрощавшись со своими новыми друзьями.

Хана и Ханох

Раби Яков, цадик из города Божин, рассказал сию историю своим хасидам со слов жены Голды, которая знала эти события не понаслышке, а была их свидетельницей пока жила в доме отца и матери, мир их праху. Голде очень хотелось держать речь самой, и раби Яков готов был потрафить супруге и уж было заколебался, но соображения строгости, осторожности, праведности, верности традициям – всего, чего угодно – взяли верх, и цадик не дерзнул дать слово женщине

в мужской аудитории. Люди предпочитают старые истины и неохотно привыкают к новым. Итак, на исходе субботы, раби Яков поведал собравшимся за огромным столом в горнице его дома хасидам следующую повесть.

Хана – девица прелестная лицом, мягкая нравом, мечтательная и вовсе не практичная. И нет ей нужды обременять нежную головку прозой заботы о будущем. Почему? Да потому, что Хане повезло родиться в богатом, даже очень богатом доме. Отец нашел ей достойного жениха и жаждет породниться с его семьей, соединить капиталы, сделаться еще богаче и, конечно, дать счастье любимой дочке. А Хана вовсе и не ищет выгодной партии, мысли ее все только о любви. Хана любит Ханоха, высокого и плечистого красавца с черными кудрями и карими глазами. Хана вполне уверена, что отец не выдаст ее замуж против воли, ведь она как-никак – единственное дитя.

Ханох, возлюбленный Ханы, живет далеко от нее, в другом городе. Бедняга рано осиротел и кормился от щедрот общины. А подрос – и отдали его в помощники к местному торговцу. Ханох парень хваткий. Торговец заметил таланты ученика и вскоре произвел его в приказчики, а затем и в старшие приказчики. Ханох сделался незаменим на службе. Большим стал мастером: завлечь покупателя, расхвалить до небес торговый дом, продать товар по хорошей цене – в этом старший приказчик превзошел хозяина. Ханох повсюду разъезжает по торговым делам. Так вот и повстречался с

Ханой, и, кажется, полюбил девицу.

– Яков, разве такими словами я говорила тебе о любви Хануха? Тебя послушать – он вовсе и не любит Хану! – с досадой прервала Голда самозваного рассказчика.

– Милая Голда, разве это беда, если я вижу дело несколько иначе и позволяю себе кое в чем сомневаться? – возразил раби Яков, отстаивая право на собственную интерпретацию.

– Всякий рассказчик – это интерпретатор, – словно читая мысли учителя, произнес хасид Шломо, получивший европейское образование и знающий много лишнего.

– Ты сомневаешься в очевидном, мудрец! Ну, будь по-твоему, – оставила Голда за собой последнее слово, а цадик продолжил.

Любовь Ханы и Хануха – все больше в письмах. Но и это неплохо для начала. Что приплыло в руки Хане само собой и без труда, того нет пока у Хануха, и того он алчет пуще всего – богатства. Уж много раз думал старший приказчик, что хорошо бы жениться на дочке богача: приданое, родня, любовь, наконец, – и все разом! Годы сиротства и ученичества, однако, не приучили его к легкой добыче. Знает Ханух, чтоб такая женитьба состоялась, требуются исключительные обстоятельства.

Отец Ханы не так-то прост, его вокруг пальца не обведешь. Знает богач: золото трудно приобрести, да легко потерять. За дочкой нужен глаз, не то уплывут из рук и дитя и приданое. Охотников много. А посему бдительный отец

вступил в тайный сговор с корыстным почтальоном. Письма в оба конца читаются прежде адресата. Все знает хитрец, но молчит до поры до времени.

Худая весть пришла к Ханоху: городской голова сговорился со своими приспешниками, и задумали злодеи изгнать из города всех евреев. И отцы города душевно понимают и поддерживают своего предводителя. Горюют городские евреи, горюет хозяин торгового дома, горюет Ханох. “Все, что трудом завоевано – все пойдет прахом. Хозяин мой стар, на другом месте нового дела не начнет. А моего капитала не хватит, чтоб торговлю открыть. Значит, нужно начинать карьеру сначала”, – тяжело думает Ханох и вспоминает о Хане. “Теперь уж забыть придется любимую мою Хану. За бездомного неудачника она не пойдет. Ах, впрочем, что за глупые мысли у меня в голове, ведь она так любит меня. Стоп! А не явились ли наконец-то нам с Ханой исключительные обстоятельства?” – размышляет Ханох.

И пишет старший приказчик своей возлюбленной чрезвычайное письмо. Сообщает о надвигающейся на него беде и излагает свой план. “Избранница моя! Сговоримся, когда и где встретиться, и убежим подальше от родительского дома. Я найду раввина, что согласится поженить нас. Отец твой – человек практический, пересилит горе и не бросит нас на

произвол судьбы. И станем мы счастливейшими людьми на свете. Решайся, Хана. Сейчас, или никогда!”

И прочитала Хана письмо, ихватило у нее дух от страха и восторга, и немедленно ответила она: “Да, мой милый, да, да, да!” А еще, подумавши, добавила, что о месте и времени встречи сообщит не письмом, а через верного человека, ибо великую тайну нельзя доверять бумаге, правда на чужой язык и уши полагаться тоже небезопасно, но выбора нет. Выходит, не такая уж и непрактичная она девица.

Посвященный в тайну заговора, богач погрузился в глубокую думу. Как отвести беду? Где путь к спасению от позора? Неужто золото уйдет в чужие руки и не умножит самое себя? И совета у людей не спросишь. Права эта ветренная чертовка, нельзя доверять тайну ни бумаге, ни языкам, ни ушам. Но супругу свою решил уведомить – не помешает матери получше знать, что на уме у непутевой дочки. Богач сообщил жене драматическую новость, привел ее в сознание после неизбежной потери чувств, но, к досаде своей, не встретил безоговорочной солидарности. Как-то раз довелось родительнице видеть этого стройного черноволосого красавца. Хоть и содрогнулось все нутро ее от страха, но, кажется, понимала она отчасти и никчемную дочь свою. Видя, что помощи ждать не приходится, изобретательный богач самостоятельно составил дьявольский план спасения и первым делом установил слежку за Ханой.

– Странно ты выражаешься, Яков. Похоже, мужчине не

дано внять мукам материнского сердца, – сказала Голда.

– Прости, женушка, я, кажется, увлекся, – виновато ответил раби Яков, пряча улыбку в усах.

– Не отвлекайся, раби! Рассказывай! – загомонили хасиды.

– Ну, слушайте дальше, друзья.

Быстро несутся кони. Летит коляска, уносит Хану и Хануха все дальше и дальше. Миновала опасность отцовской погони. Страх сменился нетерпением. Молодые сердца бьются в унисон. Любовь переполняет обоих. Мчатся влюбленные навстречу чуду, что случается в жизни лишь только раз. Уверены оба: верный слову раввин приведет их к воротам рая.

Подъезжают к станции. Время подкрепиться, отдохнуть, сменить лошадей. А там – снова в путь. Сидят за столом, смотрят друг на друга влюбленными глазами, говорят без умолку. О чем беседуют завтрашние молодожены? Мечтают, должно быть. А вокруг – еще столы. Едят и пьют люди. Кому завтрак несут, кому ужин. В дороге все смешалось.

Гости входят и выходят. Вот зашел рыжебородый еврей, черная ермолка на голове. Огляделся по сторонам, присмотрел себе место неподалеку от наших голубков и уселся за стол в компанию себе подобных. Вступил в общий разговор. Что обсуждают незнакомые евреи, встречаясь в пути? Жалу-

ются на беды и гонения. Хвастаются друг перед другом, кому солонее приходится.

Голос новичка громче других голосов, и можно разобрать слова в общем шуме. Ханох поневоле прислушался. Рыжебородый в черной ермолке рассказывает, как в соседней волости городской голова задумал выселить евреев, и отцы города были с ним заодно. И ясно стало сынам Израиля, что беды не миновать, и пришло время кончать дела, повыгоднее продавать имущество и бежать без оглядки из проклятого города. Но случилось непредвиденное: самый рьяный и неподкупный городской патриот подал свой голос против изгнания. А без единогласия в таком деле – нет и указа. Так устроены справедливые законы Империи. И замысел злодеев не осуществился, и евреи одурачены, и самые расторопные едут назад.

“Вот, значит, как дело-то повернулось, – думает Ханох, и лицо его бледнеет, – прежний путь наверх вернее нынешнего. Нельзя спешить. Я должен позаботиться о том, чтобы мой грош превратился в золотой, а уж золотой позаботится о себе сам. Тогда и жениться можно. А сейчас надо возвращаться”.

– Надо возвращаться, милая Хана! – горячо говорит Ханох.

– А как же... А как же все-все-все, что мы задумали? – шепчет Хана, губы дрожат, глаза полны слез.

– О, любимая, дай только на ноги встать. И мы поженимся, и не будет в мире никого счастливее нас! А про побег наш

ни одна живая душа не узнает.

И горят новой надеждой глаза Ханоха, и беззвучно плачет Хана.

– Я думаю, Ханох прав, предпочитая конвенциональную свадьбу, – вновь желая блеснуть, сказал образованный Шломо.

– Какая беспокойная публика у меня сегодня, – недовольно заметил раби Яков, – прошу не перебивать, я продолжаю.

Глубокая ночь. В доме богача никто не спит. Свечи горят повсюду. Хозяин расхаживает взад и вперед по большой зале. Нет в сердце его ни растерянности, ни страха за судьбу беглянки дочери. Он уверен в себе, он полководец, ждущий донесений с поля брани. Стук в дверь.

– О, это, верно, мой долгожданный слуга, открой ему, – командует хозяин своей неумно плачущей супруге.

Та послушно встает и открывает дверь. Входит слуга.

– Говори, быстрее, не томи! – рычит ему навстречу богач.

– Все отлично, хозяин, все – как ты задумал.

– Едут назад?

– Едут, хозяин.

– Молодец, дружище, отлично провернул дельце. Вот тебе за труды.

– Покорно благодарю, хозяин, – сказал слуга, отправляя в

карман горсть золотых монет и откланиваясь.

– Да сними ты эту рыжую бороду и усы, даже я тебя с трудом узнаю, – крикнул богач вслед слуге.

Богач просветлел лицом. Вновь заходил по зале, злорадно потирая руки.

– Если я не вижу средств достижения цели, я создаю их. Я был уверен: он захочет вернуться к своему корыту, как только угроза минует. Я вижу насквозь этого молодчика!

– Хвастун, что мне до твоего Хануха! Дитя наше верни домой, Хану мою ненаглядную!

– Не реви! Вернется Хана жива и невредима. И тут же выдам ее замуж. Довольно с меня ваших женских прихотей! И без того голова лопается от забот. Знала бы ты, женушка, сколь облегчил мою казну добродетельный христианин, пока согласился вступить за тамошних евреев, – в сердцах посетовал богач и подумал про себя: “Жажда золота иссушает души наших гонителей, хулящих нас за алчность. Какое счастливое сходство!”

Ханух и Хана держат обратный путь. Тихо и уныло в карете. Как может, Ханух утешает Хану. “Да, милый, ты прав, милый” – только и слышит он в ответ.

– Еще два-три часа дороги, и ты – дома. Ночь темна, соседи не увидят, – говорит Ханух.

– А ты, милый?

– Я продолжу путь, к утру доеду. Напишу письмо.

– Буду ждать, – почти беззвучно произнесла Хана, – Опять письмо... Сердце писем не пишет.

Как обещал богач жене своей, так и сделал – без промедления выдал своенравную дочь замуж и согласия ее не спросил. И довольны мать с отцом – гора с плеч. И прошли годы. Ханох хоть и шибко продвинулся в делах своих, но скромно полагает, что на ноги пока не встал. “Чтобы дойти – надо, прежде всего, идти”, – вот его слова. Зато жених он завидный. Присматривается. Для сватов – лакомый кусок. И совсем забыл свою Хану. А Хана помнит бывшего красавца и черные его кудри.

– Яков, ты снова сочиняешь. Разве ты слышал от меня такое? И поворачивается у тебя язык говорить так о замужней женщине? – прервала мужа Голда.

– Да я ничего плохого не имел в виду, Боже сохрани. Так, для красного словца присочинил. Хасиды, ведь правда, вы ничего дурного не подумали? – обратился раби

Яков за спасением к своим слушателям.

– Конечно, раби, не подумали. Продолжай!

– А на этом история кончается, друзья. Какое тут может быть продолжение?

На иную хитрость станет и простоты

Реб Арон – хасид из города Добров. Проездом оказался он в городе Божин. Местный цадик раби Яков уговорил его погостить в Божине в субботу, соблазнив сказками, о которых наслышана вся округа.

На исходе субботы реб Арон с немалым аппетитом съел тарелку борща – ложка в правой руке, ломоть халы в левой – и польстил Голде, хозяйке дома и жене раби Якова, попросив добавки. С гордостью поставила она перед гостем вновь наполненную тарелку. Почему с гордостью? А потому, что Голда по справедливости хотела, чтобы не только сказками, но и чудесным борщом, ею изготовляемым, славился бы их дом.

– Дорогой реб Арон, – обратился раби Яков к гостю, завершавшему трапезу в одиночестве, – ты польстился на наши традиционные сказки, а традиция этого дома требует, чтобы первая сказка звучала из уст новичка.

– Подчиняюсь неизбежному, раби, – сказал реб Арон, – ведь вся ткань нашей жизни соткана из нитей старых и новых традиций.

– Так вот, мой красноречивый друг, если ты чувствуешь, что достаточно подкрепил свои силы, – продолжил раби Яков, – то мы, божинские хасиды, будем рады выслушать историю, которую ты нам расскажешь. Отработывай борщ, любезный!

Хасиды за столом добродушно заулыбались, а реб Арон,

сбросив на скатерть крошки с бороды и усов, и, нимало не смущаясь новой аудитории и улыбкой ответив на шутку раби Якова, начал рассказ.

На перекрестке больших дорог стоял трактир. Хозяин начал в трактире еврей. Дела шли бойко. Во-первых, место выгодное во всех отношениях, во-вторых, хозяин – мастер торговать, а в-третьих, жена его отменно готовит, щедро на тарелки накладывает и до самого верху стопки наливает.

У хозяина была юная красавица-дочь по имени Оснат. Отец не позволял девице на выданье появляться в общей зале на виду у лихих гостей, и сидела Оснат, затворница поневоле, в своей девической комнате одна-одинешенька. Мать возражать не смела, а про себя думала: “В одиночестве и святой дьяволом станет”.

Найдя достойное сравнение для чудной красоты дочери, отец полагал, что от множества взглядов сияющие грани алмаза мутнеют, а если хранить драгоценный камень в бархатном футляре и подальше от глаз людских, а потом в нужный момент извлечь его на свет – он заблестит с нерастраченной силой. А что обо всем этом думала Оснат? Вот этого-то мы и не знаем!

Раз нездоровилось хозяйке, а гостей в трактире, как на грех, хоть отбавляй. И пришлось отцу призвать на помощь

невидимку Оснат. Оживление в публике было столь велико, что в голове трактирщика мелькнула предательская догадка о нераскрытом потенциале его заведения. Однако добронравный отец в гневе на самого себя изгнал из головы алчную мысль.

– Заходи, Гриша, не мешкай, – раздался голос у порога.

Двери широко распахнулись, и через минуту в зале шумела веселая братия богатых молодых людей, все купеческие да барские сынки. Гуляют в свое удовольствие. А вот и Гриша появился – сын помещика. Все навеселе. Уселись за столы. Хозяин тут как тут: “Чего изволите, господа?”

И вышло так, что Грише подавала кушанье Оснат.

– Ой, быть недоброму! – прервала рассказчика Голда.

– Не пророчествуй понапрасну, Голда, судьба смеется над предсказателями, – остановил жену раби Яков, – продолжай, реб Арон.

Уставился Григорий на Оснат, глаз оторвать не может. Видит перед собой чистой воды бриллиант, и в лучах его взгляда сверкают драгоценные грани и не тускнеют от горячего взора. Гриша ослеплен красотой Оснат. Полюбил ее с первого взгляда, и все смотрел на нее, а сердце его страшно колотилось в груди. А что чувствовала Оснат, нам, конечно, неизвестно, но для предположений основания есть, ибо не за-

метить его восхищенного взгляда она не могла.

Отпировали молодые баре, покинули трактир и уехали во-свояси. Григорий сам не свой, вся душа всколыхнулась, мысли в голове путаются. Явился домой и с порога выложил все отцу.

– Отец, я нашел свою суженую. Я полюбил и хочу жениться!

– Кто она, избранница твоего сердца, сын мой?

– Дочь трактирщика, отец.

– Но ведь трактирщик еврей! Ложись, Гриша, спать. Не иначе, переусердствовал ты сегодня с друзьями. И впрямь, пора мне тебя женить, оболтуса. Довольно уж погулял.

На утро, однако, когда мысли Григория, казалось, должны были бы проясниться, отец услышал от сына все тот же бред. Крутой отцовский отказ был ответом неразумному бездельнику.

Лишенный надежды, юный влюбленный слег и таял день ото дня. Вердикт доктора был жесток для страдающего отца: если не уступить сыну – умрет от любви.

Стал помещик думать, как горю помочь. “Дам сыну благословение. Но устрою так, чтобы решение мое заблаговременно и невзначай дошло до трактирщика. Тот, небось, еще меньше меня хочет такого брака. Евреи – народ хитрый и из-

воротливый. Узнает в чем дело, непременно изобретет трюк и расстроит свадьбу. Пусть воюют другие! Зато мой простак останется с отцовским благословением, и не солоно хлебавши. А мне того и надо”.

Гриша пирует с друзьями на радостях. Скоро, скоро явится он к отцу Оснат просить руки дочери. Да, что там просить – требовать, коли в руках у него письменное благословение всевластного родителя его, самого помещика. А тем временем, тайно подосланный барином человек доложил трактирщику о намерениях Григория.

– Господи, милосердный, за что такое горе мне!? – возопил хозяин трактира, узнав о беде, – жена, скорей сюда, послушай-ка, что нас ждет!

– Думай, думай, как выпутаться из беды, – сохраняя хладнокровие, отвечает супруга.

– Ведь как берегли, глаз не спускали с нее, и вот, поди ж ты...

– Будет причитать, давай думать вместе.

Думали, думали и придумали.

Вот приехал жених свататься. Во дворе трактира полно народу. Одни евреи кругом. Нарядные, веселые. Музыка играет.

– Заходи, молодой барин, уважь наш праздник, выпей

с нами чарку, – кричит трактирщик Григорию, а лукавую улыбку в усах прячет.

– Какой праздник сегодня у евреев? – спрашивает жених

– Свадьба у нас, дочку замуж выдал. Раздели нашу радость.

Побледнел Гриша. Отшатнулся. “Опоздал”, – подумал. И ушел прочь.

А трактирщик дождался, когда гости разойдутся, и призвал к себе в комнату новоиспеченного мужа.

– Спасибо тебе, дружище, – сказал трактирщик и, озираясь, сунул в карман зятя перевязанный крест-накрест маленький сверток.

Новым родственником хозяина трактира стал его давнишний друг – пожилой, вдовый и бедный меламед из соседнего города, за гроши учивший ребятишек Святому писанию.

– Мы с тобой берем грех на душу, приятель, – сказал меламед другу и тестю.

– А отдать дочь в жены христианину – не грех? Мы грешим оттого, что несчастны. Из двух грехов я выбираю меньший, – возразил трактирщик и значительно поднял вверх указательный палец.

– Поживешь у меня несколько дней. Отдельная комната для тебя приготовлена. А там, с Божьей помощью, раввин рассмотрит ваше с Оснат дело, и получите развод, – добавил хозяин трактира.

– Да, да, с Божьей помощью, – криво усмехаясь, заметил

меламед, имеющий репутацию человека праведного.

План трактирщика удался на славу. Живя в доме тестя, новобрачный ни разу не уединился со своей молодой красавицей женой. И не искал уединения, ибо уговор и деньги – дороже пустяков. А потом, как и было задумано, к делу притянули раввина. И тот, под давлением законных и диктующих недвусмысленное решение причин, развел молодоженов.

– Ай да трактирщик, ай да хитрец, еврейская голова! – радостно воскликнула Голда.

– Не торопись, Голда, послушаем лучше, что нам скажет реб Арон, – урезонил жену раби Яков.

И рассказчик продолжал.

Не долго торжествовали два отца, два хитреца. Неведомо как, но дошли до Григория все детали краткого супружества Оснат. И по справедливости и без предрассудков пришел он к счастливому выводу, что, в сущности, ничто не препятствует ему взять в жены возлюбленную им девицу. “Прочь сомнения! Осторожность в любви губит счастье”, – сказал Гриша своей избраннице.

И сговорились промеж собой Оснат и Григорий, и сбежали вместе, и поженились.

– Ой, Боже! – не удержалась от восклицания Голда и в ужасе закусила нижнюю губу, – наверное, мучил негодяй бедняжку, беспутную эту, а потом обманул и бросил!

– Нет, Голда, – сказал реб Арон, – от многих людей дохо-

дили вести, что поселились молодые в большом столичном городе, подальше от знакомых глаз, и жили в любви и счастье.

– Трудно поверить. Что их роднит, реб Арон? – возразила Голда и вытерла слезы, – да и живут они одни, а счастье в одиночестве – неполное счастье.

– Кто рассудит, Голда, что доставляет счастье в любви: то, что нам известно, или то, чего мы не знаем? – загадочно возразил реб Арон, рискуя нейтралитетом рассказчика. Затем продолжил.

Итак, Оснат сбежала. Пришла беда. Трактирщик разодрал на себе одежды, и объявил дочь свою умершей, и сидел дома положенные дни траура. Да и помещик горевал не меньше.

Со временем притупилось отцовское горе. Частенько заходит помещик в трактир. Усядется за стол. Трактирщик сядет напротив. Жена его, как прежде сказано, щедро наполнит тарелки отменной едой и доверху нальет водку в стопки. Мужчины пьют. Едят. Молчат. “Родственные души. Осел об осла трется”, – думает хозяйка.

– Есть новости? – спросит помещик.

– Никаких, – ответит трактирщик.

– Скажи жене, пусть снова нальет.

– Сам налью.

На этом реб Арон закончил рассказ. Хасиды сидят, задумавшись. Верить или не верить? Хорошо или плохо кончилась сказка? Вопрошающе смотрят на раби Якова. А тот бла-

годарит рассказчика и просит его передать привет своему другу раби Меиру-Ицхаку, цадику из города Добров.

На Бога надейся – не оплошаешь

В одном местечке евреи были поделены на две партии. Одна половина – хасиды, а вторая половина к хасидам пока не примкнула. Хасидов возглавлял, как положено, горячо любимый и почитаемый ими цадик, ответная любовь которого распространялась не на одних лишь его обожателей, но на всех евреев местечка (и не только местечка). Раби полагал, что хасидами неизбежно станут все его местные единоверцы, ибо притягательность правоты неодолима. Ну, а те евреи, что еще не открыли свои души чистому потоку новых идей, продолжали, как их отцы, деды и прадеды молиться в старой синагоге и весьма ценили и уважали своего мудрого раввина. Любопытно, что цадик и раввин были большими друзьями. Возможно, не принципы, а лишь различие темпераментов удерживало жизнелюбивого цадика и основательно-раввина на их неодинаковых позициях.

В пользу оптимистического прогноза цадика касательно прибавления полку хасидов говорил тот факт, что год от года раввин все больше завидовал другу и его питомцам, наблюдая всегда веселую и никогда не сомневающуюся в благополучном исходе любого дела братию. В жизни, однако, результат бывает противоположным прогнозу мудреца. Поживем – увидим.

– Больше простой веры, больше надежды на Бога, – гова-

ривал другу цадик.

– И это, милейший, ты говоришь мне, раввину, денно и ночью изучающему Святые книги! – с притворной обидой возражает раввин.

– Не кипятись, дружище! Есть у меня один хасид, что живет в селе на окраине нашей волости. Он – арендатор у помещика, и никогда не торопится отдавать долги хозяину, хоть и знает, какие кары грозят должнику. Ибо уверен он, что Бог не оставит его и поможет в самую последнюю минуту. Вот уж много лет надежда на Господа выручает его. Не хочешь ли познакомиться с ним?

– Много лет, говоришь? Это убеждает. Чем дальше мы смотрим назад, тем яснее видим, что ждет нас впереди. Непременно поеду и погляжу своими глазами на небывалое чудо – храброго арендатора, что не боится своего злодея-хозяина, – сказал на прощание раввин.

– Это ты и есть тот самый арендатор, вечный должник у своего хозяина и отчаянно смелый хасид, не страшщийся изверга помещика? – с такими словами обратился раввин к арендатору, входя в дом.

– Не знаю, что слышал ты обо мне, уважаемый раби. Сейчас ты мой гость, и прошу за стол. Ужин как раз поспел. Правда, женушка? – обратился хозяин к раввину и к жене,

хлопочущей у печи. Женщина приветливо улыбнулась гостю и, не отвечая на вопрос мужа, принялась накрывать на стол.

– Цадик рассказывал о тебе с восхищением, вот я и приехал познакомиться с исключительным представителем вашего хасидского товарищества, – сказал проголодавшийся в дороге гость и с довольным видом занял место у стола.

– Я – не исключение, я – как все наши. За ужином и поговорим. А тем временем, что ты совершаешь молитву и омываешь руки, дорогой раби, на белой скатерти появится все лучшее, что есть в доме.

Расселись за столом гость, хозяин, его жена и дети. За трапезой разговорчивый хасид рассказывал о своем житье-бытье и, наконец, подошел к настоящему моменту.

– Я должен хозяину две тысячи золотых. Вот продам собранный с арендуемых мною полей урожай зерна, что хранится в хозяйских амбарах, и отдам долг.

– Сколько же времени тебе осталось до уплаты? – спросил гость.

– В запасе у меня целая неделя – бездна времени.

– Всего неделя? И ты весел и спокоен? А если за неделю не найдется покупатель? Я слышал, помещик твой жесток чрезвычайно и не терпит ни дня просрочки. Может за долги и дом забрать и в тюрьму упрятать. Не лучше ли, чем ждать чуда, поискать покупателя самому? – сказал раввин и тут же пожалел о своих словах, видя, как побледнела женщина, и притихли детки.

– Я помещика не боюсь. Жестокость обручена со страхом, а во мне страха нет. Я надеюсь на Бога. Оставайся у меня, дорогой раби, поживи неделю и сам все увидишь. Спасение придет в последнюю минуту. Господь ни разу не оставлял меня на произвол лютого хозяина все те многие-многие годы, что мы здесь живем. Я не ошибаюсь, женушка?

– С радостью приму приглашение, – сказал раввин и покосился на упорно молчавшую женщину.

На утро арендатор отправился осматривать поля, а гость расположился с книгой в саду возле дома. Послышался стук лошадиных копыт на дороге. Всадник на коне остановился у ворот.

– Где хозяин? – зычно закричал разодетый по-лакейски наездник.

– Муж в поле, – сдавленным голосом тихо ответила жена арендатора.

– Эй, ты, любезная, передай своему Хаиму, что хозяин послал меня напомнить – срок уплаты долга через неделю ровно, до захода солнца. А просрочит хоть час – пусть пеняет на себя! – выпалил слуга и умчался, так что пыль столбом.

Тут расплакалась жена хасида, и дети заголосили, на мать глядя.

– Почтенный раби, вот уж третий год живем мы здесь и арендуем землю у помещика, – сквозь слезы обратилась она к раввину, вызвав его удивленный ответный взгляд.

– К несчастью, – продолжала она, – мне не передается

мужнино спокойствие. В позапрошлом году у мужа не было денег к сроку уплаты, да помещик как раз в это время выдавал замуж дочь. Пока они там гуляли в имении – о долге забыли. Тут нашелся покупатель зерна. Хоть и опоздали на неделю, но хозяин на радостях и не заметил. А в прошлом году хлынули проливные дожди, река разлилась, мост смыло, и помещик не добрался до нас. Тем временем, что вода спадала, и мост новый наводили – удалось продать зерно. Опоздали на полмесяца, да отговорились наводнением. Что нас в этом году ждет, раби? – спросила жена хасида, и на глаза ее вновь навернулись слезы.

– Надо надеяться на лучшее. Бог даст, все устроится, – успокаивает гость бедную хозяйку, сам не слишком уверенный в своих словах.

Вернулся домой хасид, и гость пытается пробудить в нем беспокойство: мол, надо искать покупателя, чрезмерная уверенность ведет к беде. Даже помощь свою предлагает. Но арендатор и слушать не хочет. “Бог не оставит меня. Чем крепче вера, тем счастливей судьба”, – отвечает.

За день до срока уплаты долга, когда покупателя все еще нет, а тревога в доме стала невыносимой, снова раздался топот копыт, и снова примчался на коне господский слуга.

- Где арендатор? – злорадно завопил все тот же лакей.
- Муж в поле, – со страхом произнесла женщина.
- Напомни своему Мойше, что последний срок уплаты

долга – завтра с заходом солнца – выкрикнул всадник и скрылся.

Настало утро, последний день. Стук в дверь. На пороге стоит мужчина. Это – проезжий купец, хочет купить зерно. Хасид многозначительно смотрит на жену и на раввина. Арендатор и покупатель торгуются. Купец дает одну тысячу золотых, арендатор требует две тысячи. Каждый стоит на своем. Ни один не уступает, и купец уходит. Арендатор, сохраняя спокойствие, как ни в чем ни бывало, отправляется в свой ежедневный сухопутный круиз по полям. На этот раз гость, не справляясь с волнением, следует за хозяином.

До захода солнца остался один час. Вдруг кто-то окликает наших героев. Оглянулись – их догоняет повозка, а в ней все тот же купец, держит в руках мешок.

– Эй, хасид, стой! Повезло тебе! – говорит купец, – бери свои две тысячи золотых, все арендаторы в округе зерно продали, кроме тебя покупать не у кого, – сказал купец, протягивая мешок с деньгами.

– Давай сюда золотые, купчина, да пойдем скорей к помещику – я долг ему отдам, а ты зерно заберешь, – промолвил арендатор, не обнаруживая ни радости, ни волнения.

– Ну, что я тебе говорил, почтенный раби!? Пойдем с нами, познакомишься со славным моим хозяином. До захода солнца успеем, если поторопимся, – продолжал хасид, обращаясь к раввину.

– Ты, хасид, в рубашке родился, да и я тоже. Не удрал бы

я давеча от разбойников – не вернуть бы тебе долга, а мне – головы не сносить, – сказал купец.

– Милости прошу! Я слышал, ты побывал в гостях у моего хасида? Рассказывай! – обратился цадик к своему старинному другу раввину, который, пройдя в горницу, уселся поудобнее на стуле.

– Ты прав был, друг. Воистину он удивил меня уверенностью и спокойствием, этот арендатор, – сказал раввин.

– Он расплатился с помещиком?

– Я чрезвычайно тревожился, бедная жена его была в панике. Казалось, не миновать беды. Покупатель явился в последний момент. Слава Богу, все кончилось хорошо. Твоему хасиду улыбнулось счастье, но он думает иначе. Воистину, удача сама слепа и любимцев своих ослепляет, – сказал раввин.

– Да пойми же, друг, что не в удаче здесь дело. Что удача? Случай, случайность. Хасид не на случайность надеется, а на Бога, и не ошибается. Урок многих лет подтверждает его правоту. Согласна со мной, женушка? – сказал цадик, обращаясь к раввину, а затем к жене, появившейся на пороге горницы.

Два взгляда на звезды

– Пора по домам, евреи! Кончились на сегодня сказки, –

сказал раби Яков, цадик из города Божин, своим хасидам, сидящим за знаменитым на всю округу огромным столом в горнице в его доме. И то верно: время к полночи близится, раби устал рассказывать, да и у жены его Голды уж глаза слипаются.

– Раби, ты сегодня в ударе, одна сказка лучше другой, не всякий раз на исходе субботы нам выпадает такая удача. Расскажи последнюю, хоть самую короткую сказку! – словно малые ребятишки запросили в один голос хасиды.

Раби Яков удовлетворенно улыбнулся: кто из нас не любит похвал?

– Ну, что ж, разве что самую короткую? Так и быть, слушайте. А тебе, Голда, я подам чаю – приободрить тебя, – сказал цадик, собственноручно налил чаю из самовара, поставил чашку перед утомленной своей супругой и принялся рассказывать.

Жила в еврейском местечке бедная и немолодая уже вдова. Сваты терпели неудачу за неудачей и никак не могли найти подходящую пару для одинокой женщины. Вот и получалось, что не на кого ей было опереться, кроме как на единственного сына.

Беда, однако, с этим парнем. Сверстники его женаты и детей имеют, а этот все над книгами сидит, из дома носу не

кажет. Людей боится, что ли? Два занятия у него: то Святое Писание читает, то мечтает. А ночью иной раз выходит во двор и смотрит на звезды, словно разговаривает с ними. Никакую работу делать не умеет, все из рук валится. В общем – ненормальный сын у вдовы. Соседи так и говорят о нем: сумасшедший. Имя его – Шмулик, хотя некоторые называют его Шломик, а кое-кто, не стесняясь, говорит Шломиэлик. Почета большого ему, понятно, не положено. Но Шмулик человек незлобивый, обижаться не умеет. “Это без имени человек – не человек. Какая разница, Шмулик ли, Шломик ли? И то и другое – имена”, – с мудрым спокойствием говорит себе юноша.

Может ли бедная вдова в старости на такого сына полагаться? А ведь вдовы – самые незащищенные существа на свете.

Не с кем Шмулику поговорить – ни одной родственной души в местечке. Люди с утра до вечера заняты тем, что добывают хлеб насущный. Или ссорятся, или завидуют, или козни друг другу строят. В крайнем случае – любят. И никому нет охоты слушать, что вычитал Шмулик, и как объяснил необъяснимое и как истолковал неистолкованное. Не любят люди мечтателей. И оставалось ему, безумному, глядеть на звезды и разговаривать с ними.

– Вот, скажем, задумал бы Господь заново создать человека. И пусть бы поселил его вон на той звезде, – рассуждает Шмулик, – На земле люди грешны. А на звезде этой Господь

не сотворил бы соблазнов, и жили бы все праведной жизнью. Интересно, какой может быть жизнь без греха? Богата или бедна событиями? Брат не убил бы брата. А как выглядели бы десять заповедей? Что было бы в Торе о той звезде написано? С утра начну все это обдумывать, а потом запишу, – воодушевился Шмулик.

– Пойдем, Шмулик, к раввину нашему посоветуемся, как из тебя человека сделать, – сказала сыну вдова.

– С удовольствием, матушка. Раввин, должно быть, человек умный, интересно будет с ним поговорить, – ответил Шмулик.

У раввина гостил его старший брат, большой богач.

– Раби, ты мою беду знаешь. Вот привела к тебе сына. Поговори с ним, послушай его речи, авось присоветуешь что-нибудь, – сказала вдова.

– Давно я ждал, что придешь ко мне за советом, почтенная женщина. Постараюсь помочь тебе, сделаю, что могу, – ответил раввин.

Пока вдова была занята беседой с женой раввина, трое мужчин уселись в комнате раби. Он расспрашивал, Шмулик отвечал, а брат раввина слушал. Пока Шмулик излагал свой замысел изобразить жизнь людей на звезде, раввину казалось, что он слышит бред. Но вот неисчерпаемый на выдум-

ки мечтатель заговорил о своих талмудических новациях, и раби сперва насторожился, затем поразился пронзительной глубине мысли, и, наконец, бледный, прервал юношу, с трудом скрывая испуг. Он поспешно вернул вдове ее чадо, попрощался с гостями, пообещав помочь, и уединился для беседы с братом.

– Я невеликий знаток Святого Писания, но, мне кажется, в голове у этого блаженного бродят глубокие мысли. Не думаешь ли ты, что если люди раскусят парнишку, то станут ходить за советом не к тебе, а к нему? Не от того ли ты побледнел, брат мой? – ехидно спросил богач. Но раввин лишь сосредоточенно молчал в ответ.

– Я думаю, – прервал, наконец, молчание встревоженный раби, – мечты о звездах и глубины Писания – это материя не для сына бедной вдовы. Его уделом должны быть приземленные занятия.

– Но у парня необычайной силы ум! – возразил богач.

– А нельзя ли этот ум приложить к чему-нибудь иному, более земному? – задался вопросом раввин.

– Кажется, я кое-что придумал, брат. Пусть твой мечтатель приходит ко мне в контору, – сказал богач и подмигнул раввину.

Как сказано, брат раввина был чрезвычайно богат. А день-

ги требуют счет. Пять счетоводов корпят день-деньской в его конторе: что купили, что продали, сколько дохода, сколько убытка – только и слышно, как щелкают костяшки счет, да как скрипят перья по бумаге.

Вот сидит владыка мамоны в своей рабочей комнате. Ковер персидский. Стол дубовый. Кресло плюшевое. Чернильница хрустальная. Перо золотое.

– Бери стул, юноша, усаживайся напротив, – говорит богач вошедшему Шмулику, – и расскажи, что ты умеешь делать.

– Ничего не умею делать, – добродушно ответил посетитель, нимало не смущаясь ни роскошью обстановки, ни своей бедной одеждой, ни своим ответом.

– А счету ты обучен? – полюбопытствовал богач.

– Пожалуй, нет.

– Многообещающее начало, – заметил хозяин, – я сам дам тебе несколько уроков.

Быстро-быстро овладел Шмулик искусством обращаться с цифрами, и занятие это так ему понравилось, что он потянулся к книжным полкам в комнате богача в надежде проникнуть вглубь темных наук о величинах, кругах и линиях. Таков уж он, Шмулик: если что придется по душе – отдается этому до конца. Если задача трудна для острого ума – тем лучше: значит, это интересно. Ушел с головой Шмулик в новые книги и позабыл о Святом писании. Наши увлечения не в нашей власти.

– Ты совсем забросил учение Торы, так хоть молитвой не пренебрегай, – сказал богач своему одаренному ученику, – Это, во-первых, а во-вторых, пожалуй, вернемся на землю. Жить фантазиями – прозевать жизнь. Начнем-ка изучать счетоводство.

И снова Шмулик преуспел и поразил учителя своим талантом.

А вскоре в комнате, где прежде усердно трудились пять важных, многоопытных и искусных счетоводов, незаметно и скромно приютился в уголке за маленьким столом бедно одетый парнишка и выполнял с легкостью работу пятерых. Остерегаясь поранить юную душу своего нового работника, деликатный и сострадательный хозяин не открыл ему, что это никто иной, как он сам, то есть Шмулик, явился невольной причиной того печального, но неизбежного обстоятельства, что достойные мужи, доказавшие свою верность хозяину многолетней образцовой и беспорочной службой, получили расчет и остались без заработка.

Шмулик держал все цифры в голове. Записи ему были не нужны. Хозяин требовал вести книги прихода и расхода на случай беды: если приедет ревизор, Боже сохрани. Молодому начинающему счетоводу, вчерашнему ученику, хозяин по справедливости положил половинное жалование.

Ах, как счастлива вдова!

– Наконец-то мой Шмулик прилепился к настоящему делу, стал земным, стал человеком, – думает мать, утирая слезы радости, – а кто помог? Наш раввин и его брат. Дай Бог им обоим здоровья и жизни до ста двадцати лет!

– Вот еще бы женить парня – я бы при внуках была. Счастливая теплая старость, – размечталась вдова.

Шмулик отдает матери все свое жалование до последнего гроша – на что ему деньги? Вернется со службы домой, поужинает, выйдет во двор и предается любимому своему занятию, которому хранит верность с прежних времен – глядит на ночное небо. Такая уж эта вещь, звезды: чем больше размышляешь о них, тем глубже благоговение, рождаемое ими в нашей душе.

– Вот звезды надо мной, весь небосвод усеян. Попробовать их сосчитать? – размышляет Шмулик, – А что, если каждая звезда, как наша земля? Кто первый сосчитает звезды и даст каждой из них имя – тот и владелец их. А что полезного может быть на звездах? Растет ли там строевой лес, текут ли реки, по которым можно его сплавливать, есть ли в глубине уголь, можно ли добыть золото? А чтобы ответить на все вопросы, нужна огромная подзорная труба в три обхвата с гигантскими увеличительными стеклами. Стоит попробовать подсчитать цену такой подзорной трубы. Пожалуй, дело оправдает себя. Если не для нас, так для потомков, которые доберутся до звезд. То-то правнуки моего хозяина разбога-

теют! Непременно расскажу ему об этом, – думает Шмулик.

Богач с серьезной миной на лице выслушивает проект своего юного счетовода. “Гению требуется сочувствие”, – думает хозяин.

– Интереснейшие идеи рождаются в твоей голове, Шмулик. Я непременно посоветуюсь с братом, – говорит богач.

От души посмеявшись, братья задумались.

– А ведь чудесное превращение нашего Шмулика пошло на пользу нам обоим, не правда ли, брат? – Спросил богач, дружески подтолкнув локтем раввина.

– Мы способствовали свершению добрых дел, брат. Помогли вдове. Наставили на верный жизненный путь ее сына. Но будем скромны, и нам зачтется, – достойно ответил раввин.

Вот вам, дорогие друзья, история о звездах. А теперь, ха-сиды, – по домам! – Сказал раби Яков и решительно хлопнул ладонью по столу.

– Минуточку, Яков, ты, кажется, упустил самое главное, – воскликнула Голда.

– Что я упустил, Голда?

– Ты не сказал, женился ли Шмулик.

– Разумеется, Голда, он женился и в самом скором времени. И у него народились детишки, а вдова нянчила внуков,

и у нее была тихая счастливая старость, – великодушно ответил раби Яков.

– Вот теперь-то я вижу, какая это чудесная сказка, – с удовлетворением заметила Голда, бросив на мужа укоризненный взгляд.

Два этрога

Осень. Праздник Кущей на носу. У цадика, наставника городских хасидов, забот не перечесть. И главная из них – этрог. Другими словами, нет этрога ни у него самого, ни у одного из его хасидов. Уж все домохозяева поставили шалашаши. Кто во дворе, кто в огороде, а вот этрога нет ни у кого. Что же это за праздник Кущей – без этрога? Нарушить важную заповедь? Этого допустить нельзя. Оно, конечно, верно – заморский этот плод дорог и редок в северных краях, но это не причина, чтобы в славный осенний праздник обходиться без такого важного его атрибута. А чем же так чудно пахнет этот этрог? Лимоном? Розой? Утренней свежестью? Пожалуй, и тем, и другим, и третьим. Хотя, главное, конечно, не запах, а заповедь.

Есть у раби еще печаль. Возник как-то летом раздор между двумя хасидскими домами. О чем вышел спор – не так уж и важно. А важно то, что стал он крепнуть и разрастаться все дальше и шире и захватил чуть не половину городских хасидов. И перерос спор в ссору. А ссора длится долго, ибо вина никогда не лежит на одной стороне. Очень горюет из-за этого цадик. На Судный день урезонил он своих евреев. Но

чувствовал раби, что огонь хоть и погашен, но угольки тлеют. Перемирие – еще не примирение, оно всегда временно и не умиротворяет людей. Однако, это все потом, потом. А сейчас главное – этрог. Поэтому послал раби своего помощника на постоянный двор, чтобы встречал всех приезжающих и высматривал бы еврея, который везет этрог, и вел бы гостя поскорее к нему.

Сидит себе посланец цадика на постоялом дворе, болтает с хозяином и его супругой о том о сем, а сам внимательно разглядывает всех входящих: не несет ли кто желанную вещь. И вот дождался. Вошли два еврея средних лет, весьма прилично одетые. Люди хоть и не богатые, но и не бедные, а так себе, средней руки. По разговору их можно заключить, что это добрые знакомые, а то и друзья. Главное же, что каждый из них бережно держит в руке этрог. Уселись за стол, заказали обед. Тут подсел к ним порученец раби и завел тонкий разговор. “Хорошее обхождение – путь к сердцу незнакомца”, – вспоминает помощник слова учителя. Спрашивает, откуда, мол, да куда путь держите, любезные гости нашего города, где праздновать собираетесь и так далее и тому подобное. И расположил к себе двух довольных жизнью и довольных собой бородачей. Представился им, и они ему имена свои назвали: одного зовут Ури, другого – Узи.

– Какие чудесные плоды, каков аромат! – неподдельно восхитился помощник цадика.

– Мы купили их на ярмарке, – сказал Ури.

– Сейчас возем их домой, пусть жена и детки порадуются, – добавил Узи.

– Я думаю, друзья, наш раби был бы счастлив познакомиться с такими интересными людьми, как вы. Я как раз иду к нему, не согласитесь ли сопроводить меня?

– Говорить с цадиком – большая честь, – воодушевленно и разом ответили Ури и Узи.

И все трое направились к раби домой.

Цадик встретил гостей радостным приветствием. Сразу выложил им свое дело.

– Оставайтесь с нами, друзья, не раскаетесь. Узнаете, что такое праздник Кушей у хасидов. Сделайте милость, подарите мне ваши этроги, и в каждом шалаше вы будете желанными гостями. А мы, хасиды, выполним с вашей помощью важную заповедь.

– Нас дома ждут, раби.

– Я пошлю гонца сообщить о вас.

– Я согласен, – сказал Ури.

– И я согласен, – сказал вслед за ним Узи, секунду помедлив.

Цадик просиял лицом. Сразу два этрога! Но почудилось ему сомнение в голосе Узи, словно жалко тому расставаться с этрогом. И задумался раби, и вспомнил другую свою заботу

– примирение хасидов. И соединил одно с другим.

– Дорогие мои Ури и Узи! Пришла мне в голову кое-какая мысль. Есть у меня беда: ссора разделила моих хасидов на два лагеря. Если я дам им оба ваших этрога, то каждый лагерь возьмет себе плод, и станут хасиды праздновать порознь и укрепятся в ссоре. А если будет у нас только один этрог, то поневоле все сойдутся вместе и, Бог даст, общая радость помирит их, – поделился своей идеей раби.

С изумлением слушали Ури и Узи мудрую речь цадика. Итак, цадик возьмет этрог только у одного из них. Новое положение породило и новое направление мысли. “Конечно, здорово, привезти домой ароматный заморский плод, пусть даже и после праздника, но оказать услугу цадику куда важнее. Хорошо бы раби предпочел мой этрог”, – подумал Ури. “Прекрасно помочь цадику в серьезном деле, но все же не порадовать домашних для меня слишком тяжело. Пусть бы раби оставил мне мой этрог”, – подумал Узи. А мысли, что пронеслись в головах двух друзей, цадик прочел на их лицах.

– Дорогие гости! Я вижу, вы оба хотите помочь доброму делу. Поэтому, чтобы ни одного из вас не обидеть, я возьму этрог наугад, – сказал раби, прикрыл одной рукой глаза, протянул другую руку к столу, на котором покоились чудесные плоды, и взял этрог Ури, подглядывая через незаметную щель между пальцами.

– Завтра, с Божьей помощью, начнется праздник Кушей, и оба вы, Ури и Узи, приглашены в наши шалаши, – сказал

раби, сердечно обнял обоих и оставил их одних.

И только раби сделал свой выбор, как странная метаморфоза произошла в душах его почетных гостей. Ури, которому минуту назад казалось необычайно важным угодить цадиду, с горечью подумал, как будет разочаровано его семейство, не получив желанного этрога. А Узи сожалел об упущенной возможности сблизиться с раби, и, что обидно, из-за пустяка – этрог-то и следующей осенью не поздно домой привезти. Ужасно огорчились они оба, но себя не выдали.

– Как хорошо! Я, верно, получу благословение раби, – промолвил Ури.

– А я предвкушаю, как бросятся мне навстречу жена и детки, и я не обману их ожиданий, – сказал Узи.

Зависть кладет начало раздору. Тяжело человеку смотреть на чужую радость, и уж воистину несчастен он, если и тот, кому он завидует, завидует ему.

Вот и наступил осенний праздник – праздник Кущей. И молились, и пели, и танцевали, и ели, и пили в шалашах хасиды, а с ними их любимый раби и его дорогие гости. У всех было хорошо и весело на сердце, и только у Ури да у Узи кошки скребли на душе. И безосновательные подозрения искали себе основания, и все холоднее один к другому становились друзья.

– Мне кажется, Ури, да, что там кажется, я своими глазами видел, как ты слегка подтолкнул к цадику свой этрог! А еще друг! – не выдержал, наконец, Узи.

– Ты лжешь, Узи! Я наблюдал за тобой и заметил, как ты отодвинул подальше от раби свой этрог! Друзья так не поступают! – вспылил в ответ Ури.

Трудно сказать, куда бы завел бывших друзей такой разговор, но тут вошел цадик и давай их обоих горячо благодарить, и все хасиды стали с ними прощаться – окончился праздник Кущей. И раби был особенно счастлив в этот день, ибо расчет его подтвердился, и он прочно помирил своих хасидов, и никто из них о былой ссоре не вспоминал и вспоминать не собирался. А то, что Ури и Узи, неразлучные прежде друзья, поссорились, так в этом никто не виноват, вернее, никто не виноват, кроме них самих. А, возможно, и их вины нет, ведь из двух ссорящихся виноват тот, кто умнее, а Ури и Узи во всем равны. Они и виду не подали, что раздружились, и раби даже не узнал об этом.

Рука помощи

“Все расселись? Все сыты? Все довольны?” – с такими словами обращается раби Яков, цадик из города Божин, к своим хасидам. Вопрос звучит риторически, ибо хасиды давно и прочно сидят за столом, отменно сыты борщом, которым их потчевала Голда, жена раби Якова, и не скрывают своей радости, предвкушая еженедельное развлечение – сказку на исходе субботы. “Прошу унять веселье. Вы услышите страш-

ную историю о том, как в некую семью пришла беда, а за ней еще и еще. И только цадику было под силу спасти от гибели еврейские души”, – высокопарно и многообещающе изрек раби Яков и начал рассказ.

У одного еврея арендатора была красавица жена по имени Хава. Чета молодая, дети еще не народились. Арендатору во что бы то ни стало хотелось побыстрее разбогатеть, и потому трудился он денно и нощно, не щадя себя. То ли от непосильной работы, то ли от слабости здоровья, то ли еще от какой скрытой от нас причины, а только охотник до богатства надорвался, заболел и вскоре умер. И оставил после себя молодую вдову.

Хава безмерно горевала о потере любимого мужа. И даже после года вдовства и слышать ничего не хотела о новом браке, к которому склоняли два ее брата. А жила Хава далеко от ближайшего города, на хуторе, где стояли всего несколько домов – покойного арендатора, братьев Хавы, да еще два-три дома.

Проходит еще год. Хава тоскует одна-одинешенька в большом пустом доме. Имуущество, что осталось от мужа почти все распродано, а других доходов у нее нет. Братья всегда рады помочь, да только не деньгами – жен своих гневить не хотят – а добрым советом или хорошим сватовством. Пустыня в душе молодой женщины. Нет ни любви, ни ласки, и опереться не на кого. “Бедняжка!” – произвольно вырвалось у Голды. Строгий взгляд мужа восстановил порядок.

Раз в темную зимнюю ночь, когда завывал ветер, и мела метель, раздался стук в дверь. Сердце Хавы сжалось от страха. Молодой мужской голос просит впустить.

– Откройте, люди добрые! Я сын помещика. Сбился с пути. До костей промерз. Лошадьми не могу править – сами везут неведомо куда. Из последних сил от саней до крыльца дополз. Не впустите – я погиб! – доносится глухой голос снаружи.

– Как могу впустить я вас, барин? Вы мужчина, а я одинокая женщина. Что люди скажут? – вопрошает Хава из-за двери.

– Не будет вам от меня дурного, госпожа! Не дайте молодой жизни пропасть. Протяните руку помощи, сто крат добром отплачу!

У Хавы не каменное сердце. Открыла двери терпящему бедствие путнику. И эта минута положила начало решительной метаморфозе в жизни ее. Моливший о спасении вовсе не был злоумышленником. Только лишь с помощью Хавы несчастный сумел добраться до кушетки в горнице. Ноги и руки отморожены, тело дрожит, как в лихорадке, сильный жар.

Как умела, Хава лечила своего найденыша. Неделя-другая, и молодой помещик встал на ноги. И настало время го-

стю уезжать восвояси, да он не торопится. И Хава не гонит его. И совсем не трудно догадаться о причине такой медлительности: меж молодыми возникла любовь. Добрый и честный барин предложил Хаве руку и сердце, а та плачет в ответ горячими слезами.

– Как же я выйду за тебя, мой милый? Семья от меня отступится, община меня проклянет, да и как я изменю вере отцов?

– Ничего не бойся, любимая Хава. Я знаю священника, что согласится без свидетелей обвенчать нас, и тайна эта навеки останется между нами, и брак наш будет Богом благоволен, и ты сохранишь свою веру.

И доверилась Хава мечтателю-жениху, и уехала с ним, хоть на душе и скребли кошки. Вышло же дело плохо, и рухнул дом на песке. Отец прознал про сыновний план и пригрозил, что лишит сына наследства, если тот обвенчается с нехристианкой. Тогда молодой барин зовет Хаву за границу: “К чему нам обряды? Прочь предрассудки! Будем жить друг для друга ради нашей любви, дорогая Хава.” Преисполненная благочестия, с болью и гневом Хава отвергла безумный замысел и, разочарованная и обманутая, вернулась домой.

“Воистину несчастна я. А за беспутство нет мне прощения. Что скажут благородные и праведные братья мои?” – думала горемычная. “Блудница! Падшая! Распутница!” – наперебой поносили Хаву братья и их жены, пронзая воздух безжалостными и справедливыми словами. “Позор семье, позор

нашей вере!” – немилосердно гудел беспощадный набат. Хотя для чего эта брань? Сила и без того на их стороне.

Обхватила голову руками, опустила лицо, молчит грешница.

Стихла буря. Блеклые дни слагаются в тусклые недели, а те выстраиваются в безжизненные месяцы, и проходит год. Нет во всем мире человека несчастнее Хавы. “Родным я не нужна, любви не достойна, и надежды нет. И никто не подаст руку помощи”, – так рассуждала бедная Хава и уж задумала оборвать нить своей жизни.

Не успела. Возникла новая фигура. И опять христианин. Купец и богач, горячий и непреклонный. Он влюбился в Хаву без памяти, тотчас признался ей в этом и, не шутя, заявил, что убьет и себя и ее, если получит отказ. Угроза, впрочем, была излишней. Истосковалось безмерно женское сердце. Любя, Хава бросилась в объятия счастливого купца. Быстро обо всем сговорились. Купец уезжает устроить дела. Через неделю вернется и заберет Хаву. Они обвенчаются в церкви. А перед венчанием Хава примет христианскую веру. Главное – хранить замысел в тайне.

У стен есть уши. У женщин есть языки. Еще купца след не простыл, а уж бдительные жены братьев донесли мужьям о надвигающейся катастрофе. Столь быстро пришло решение, что, казалось, братья ждали чего-то в этом роде. “Не подадим виду, что знаем. Через неделю подкараулим беглецов на пустынной дороге, зарежем обоих ножами, прихватим с со-

бой вещи из саней и скроемся в темноте. Когда бездыханные тела обнаружат, подумают, что разбойники с большой дороги ограбили и убили. А нас и не заподозрят. И конец беде и позору”. Вот что затеяли братья.

Добравшись до этого драматического пункта, раби Яков сделал паузу. Окинул взглядом слушателей, внимательно заглядывая в лица. Кое-кто из хасидов побледнел. На Голде лица нет. “Евреи, я вижу, вы все взволнованы. Успокойтесь. Хава не станет на путь разврата и нашу веру не предаст, а братья ее не совершат злодеяния. Вас ждет счастливая развязка”, – сказал раби Яков. Но хасиды по-прежнему возбуждены, словно требуют подтверждения. Раби продолжил.

В ближайшем к месту событий городе жил некий хасид, праведник, сердце которого не равнодушно к страданиям ближних. Дошли до него страшные слухи, и он, не медля ни часа, отправился на хутор. Первым делом цадик зашел в дом к одному из братьев и застал его за преступными приготовлениями – тот точил нож. Позвали второго брата. Оба, разумеется, сознавали, что готовят жуткое злодеяние, но нужны были слова мудрого праведника, чтобы остановить безумие. Оставив братьев, цадик пришел в дом к Хаве. Рыдая, Хава рассказала хасиду свою горькую историю от начала и до конца. Как овдовела, как тосковала в одиночестве, как

бедствовала, как не было ей, слабой женщине, ни от кого поддержки, как полюбила молодого помещика и обманулась, как вновь пришла любовь, и вот, она готова бежать с купцом и совершить неискупимый грех ради него. И снова цадик нашел незаменимые слова. Такие слова, что только в устах праведника способны свернуть человека с пути греха. Раби выслушал покаяние Хавы. “Если ты искренне раскаиваешься, то бедам твоим придет конец, и счастье не минует тебя”, – сказал ей на прощание цадик и в тот же день вернулся к своим хасидам.

Слушатели заулыбались хорошему концу сказки. Получили подтверждение. Лишь Голда полна недоумения и недоверия к счастливой развязке.

– Никак не возьму в толк моим женским умом, Яков, чем же помог твой цадик несчастной Хаве? – решила на дерзкий вопрос Голда.

– Пойми, Голда! Цадик великодушно протянул грешнице руку помощи и тем самым остановил зло. Он дал ей новую надежду, – ответил раби Яков.

– Помогать тому, чьи грехи безмерны? – с сомнением спросил один из хасидов, известный строгий моралист.

– Справедливость требует помогать страждущему, не взвешивая его грехов, покуда тот страдает, – возразил слышущий либералом другой хасид.

– А не вдохнуть ли нам морозного воздуха, дорогие друзья! Взгляните только, как блестит свежий снег и светит лу-

на! Давненько мы не водили хоровод и не пели наших веселых песен, – обратился раби Яков к своим хасидам, первым вышел на мороз, подавая пример, и все дружно высыпали вслед за ним.

Ревекка и Эдмунд

Эту сказку рассказал хасидской братии Шломо-Европеец, как прозвали своего товарища ученики раби Якова, цадика из города Божин. Такое прозвище Шломо заработал, вернувшись из дальнего и долгого путешествия по Европе.

Случилось это в Северной стране в давние-давние времена, когда еще и хасидов-то на белом свете не было (в Северной стране их и сейчас нет). Евреи, разумеется, там жили, и чаша их горестей была полна не менее, чем в наши дни и в наших местах.

Правил в Северной стране Монарх. Однако Монарх был не единственный властитель в своем государстве. Наравне с ним, если не выше, стоял Верховный жрец по имени Ивилдор. Среди подданных Монарха было немало евреев: богатых торговцев, врачей, ювелиров, ремесленников разных мастей. Обложив евреев высоким налогом, Монарх недурно пополнял свою тощую и шаткую казну.

Если бы не жрецы, никто бы и не вспоминал евреев. Ивилдор, озабоченный более чистотой веры, нежели монаршей казной, видел в евреях источник всякого зла. И задумал он очистить страну от иудеев, дабы все подданные государства придерживались правильной веры. И вот Монарх по нау-

щению Ивилдора издает указ, в котором иудеям предоставляется жестокий выбор: или принять правильную веру или покинуть границы Северной страны. Плач в синагогах. Посты и молитвы. Петиции и депутации. Золото и подкуп. Все напрасно. Монарх разводит руками. Ивилдор неподкупен и непреклонен.

Избранный Богом народ сбить с пути невозможно. Народ знает свою великую миссию и, невзирая ни на что, намерен осуществить ее и получить обещанную Господом награду. Вопя и плача, евреи бросают насиженные места, оставляют могилы предков, продают имущество, порой за бесценок, нанимают подводы, снаряжают корабли. С презрением отвергая чужую веру, люди отправляются в изгнание, изливая проклятия на головы гонителей. Ушел народ, но не отчаялся. Изгнанники живут надеждой. Были среди богачей и такие, что не нашли в себе силы оставить богатство и земли, и приняли правильную веру. Но в тайне, в глубокой тайне, хранили иудейство.

У Монарха три сына. По закону Северной страны королевство делить нельзя. Только старший сын получает корону. Пришло время, и Монарх умер. Старший сын наследовал трон и стал Королем. Средний отправился в путешествие, а младший, юноша восемнадцати лет, остался на родине. Имя

его – Эдмунд.

Среди придворных Короля выделялся умом, хитростью и преданностью Первый министр. Не было такой каверзной задачи, которая оказалась бы ему не по плечу. Любую государственную тайну мог доверить ему Король. Звали Первого министра Эхаданус, и происходил он из богатой еврейской семьи, которая приняла правильную веру во времена царствования Монарха, но скрытно хранила иудейство. Тайна Эхадануса была известна Королю, но он слишком ценил своего советника, чтобы разглашать ее. Возможно, Ивилдор тоже догадывался, но молчал до поры до времени.

Вернулся из путешествия средний брат. И рассказал он Королю, как в далекой Южной стране коронованный владыка почитает своих евреев. Никто не посмеет обидеть их. Много высших чинов в государстве отдано им. Евреи же платят верностью и золотом, и всегда полна казна. Хватает денег и на роскошные пиры и на вечные войны. Призадумался Король: “Не пора ли отменить глупый отцовский закон и вернуть евреев в Северную страну?” Обратился, как водится, за советом к Первому министру, но не торопится с ответом осторожный Эхаданус.

Овдовел Эхаданус в молодости и не женился снова. Росла у него дочь Ревекка, а других детей не было. Отец без па-

мяти любил единственное дитя. Приглашал для дочери лучших учителей и воспитателей. Незаметно Ревекка выросла, и в свои семнадцать лет высокая, стройная и темноволосая девица поражала красотой и волновала юношеские сердца. “Зачем молодой девушке так много знать?” – так Король спрашивал Эхадануса иной раз, – и гордость наполняла сердце счастливого отца. Придворные поэты и те завидовали чудесным стихам, которые слагала Ревекка. Она знала язык Южной страны и древний язык своих предков. В самой дальней комнате в доме Первого министра стояли книги Священного Писания. С тех пор, как Эхаданус посвятил дочь в семейную тайну, Ревекка увлеклась древними томами и, как истый ученый муж, умела толковать трудные места. Но разве могут книги целиком завладеть душой молодой девушки?

Эдмунд, младший брат Короля – благородный молодой рыцарь. Белокурые волосы, голубые глаза, великолепное сложение, неприступная рыцарская гордость. И при том его незлобивый нрав, доброта и непорочная душа. Ему не было равного в травле кабана или на соколиной охоте. А как он владел луком и копьем! Ревекка видела его триумф и, сама того не замечая, засматривалась на знатного юного красавца. Эдмунд же был слишком снедаем жаждой рыцарской славы, чтобы замечать взгляды девичьих глаз.

Ради Ревекки Эхаданус собирал у себя молодежь. Благородные девицы и доблестные рыцари веселились в пиршественном зале роскошного дома. И на бардов не скупился

щедрый отец. Нельзя было не заметить, как среди гостей выделялись Ревекка и Эдмунд. Блистали они, впрочем, каждый сам по себе, ибо были едва знакомы между собой. Да и робел юный рыцарь. Но в воздухе висело всеобщее предчувствие: случай неизбежно сведет эти юные сердца.

Божественное вино Южной страны и крепкое пиво страны Северной кружили молодые головы. Взявшись за руки, юноши и девушки составляли широкий круг и водили хоровод. Ревекка и Эдмунд замешкались и оказались в центре круга. Зазвучали голоса и инструменты бардов. Чья-то рука протянула Эдмунду лютню. Сказать по правде, с луком и стрелами он управлялся ловчее, чем с лютней, но красота девушки вдохновила его. Эдмунд тихо заиграл, и Ревекка встрепенулась. Барды смолкли, чтоб слышны были звуки лютни. Эдмунд заиграл быстрее. Кто-то закричал, и хор голосов подхватил: “Танцуй, Ревекка, танцуй!” Эдмунд заиграл во всю силу, и понеслась в танце Ревекка. Развеваются по воздуху роскошные волосы, грациозно мелькают тонкие гибкие руки, сияют глаза. Для кого танцует Ревекка? Кончился танец. Крики восторга. Казалось, даже завистников нет в толпе.

Молодежь продолжает веселиться. Эдмунд и Ревекка тянутся друг к другу. Они незаметно удалились в тень. Уселись на скамейку. Сначала молчали, потом осмелели и разговорились, и Бог знает, о чем шла нескончаемая беседа. Они увлеклись друг другом, изысканная парочка. Затем стали встречаться наедине и, казалось, говорили обо всем на

свете. Лишь о двух вещах они молчали: с уст молодого рыцаря не сорвались пока слова любви, а благородная девица не открыла семейную тайну.

Случилась беда. На рыцарских состязаниях конь под Эдмундом споткнулся на всем скаку. Страшная сила выбросила всадника из седла. Друзья-соперники доставили домой тяжело раненого Эдмунда. Чтобы спасти брата, Король собрал лучших врачей. Ревекка узнала о несчастье от отца. Эхаданус насторожился, увидев, как побледнела дочь. Всякий раз, когда Первый министр отправлялся навестить брата своего господина, Ревекка находила предлог сопровождать отца.

Тянутся дни, а раненому не становится лучше. Сердце девушки сжимается от тревоги и

и страха. “Неужели лучшие врачи бессильны? Он не умрет, он должен жить. Кто сам не делал зла, не подвержен злу”, – думает она с надеждой. Ревекка закрылась в дальней комнате, где стоят на полках священные книги, и стала искать спасительное средство у древнего еврейского мудреца. И вот, кажется, она нашла рецепт нужного снадобья. Сама собрала целебные травы, сама высушила их над огнем, сама растерла и смешала с особым маслом и получила чудодейственную мазь.

На следующий день у постели раненого с разрешения Ко-

роля, врачей и отца она приложила повязку с мазью к незаживающей ране. Через сутки наступило улучшение. Успех открылил юную целительницу. Каждый день она меняла повязки. Рана затянулась. К Эдмунду вернулся дар речи. Он уже встает на ноги, ходит. Больше нечего таиться от глаз королевского двора – все давно уже поняли, что Ревекка и Эдмунд созданы друг для друга. Вот только Эхаданус мрачнеет с каждым днем. У него для дочери и по секрету от нее соватан еврейский жених в Южной стране.

Кажется, юный рыцарь созрел для любви. Сердце Эдмунда наполнилось горячим чувством к молодой деве, и он сказал ей о нем в самых романтических и пылких выражениях, которые вынес из книг, что она приносила ему во время болезни. Он просит ее руки. Не передать восторга Ревекки, услышавшей долгожданные слова. Но разве так просто ее положение? Ревекка сообщает Эдмунду то, что кроме ее самой, ее отца и Короля не знает ни одна живая душа в Северной стране. Рыцаря это новость ничуть не пугает. Он обнимает свою возлюбленную и клянется ей, что уедет с ней хоть на край света, хоть в Южную страну, и готов принять веру ее предков, только бы жениться на ней и жить с ней весь век. Молодые решают просить родительского благословения.

Тем временем Король готовится к тому, чтобы отменить

старый отцовский указ, запрещающий евреям исповедовать их веру, и намерен вернуть их в Северную страну. Ивилдор стал на пути Короля. Он не допустит, чтобы алчность властителя возобладала над чистотой священной правильной веры. Видя, что Король – это орешек покрепче, чем его отец, Ивилдор замышляет заговор против властителя. Он хочет убить Короля и посадить на трон своего человека. Уже найдены руководители и исполнители злодеяния. Хитрый Ивилдор остается в тени, и почти никто из заговорщиков не знает, что замысел заговора принадлежит Верховному жрецу. Разработан план и назначен роковой день.

Эхаданус выходит из дворца после утреннего доклада Королю о текущих государственных делах. Мысли его мрачны и тревога гложет душу. Накануне вечером к нему явились Ревекка и Эдмунд и выложили все начистоту. Осторожный в словах и делах, он взял время на размышление. Вдруг он слышит за спиной чьи-то поспешные шаги. Эхаданус оборачивается. Перед ним стоит богато одетый мужчина. “Кажется, он мне знаком. Это придворный ювелир. И, я думаю, он придерживается моей веры”, – мелькнуло в голове у Первого министра. “Мне необходимо поговорить с тобой, почтенный господин!” – взволнованно произнес человек.

Ювелир ошеломил Эхадануса страшным известием: готов заговор против Короля. Он был приглашен в дом к одному из королевских сановников, чтобы обсудить с его женой заказ на брильянтовое кольцо. Ожидая в приемной, он случай-

но услышал за соседними дверями голос сановника и другие знакомые голоса. Забыв об осторожности, заговорщики говорили слишком громко. Тут ювелира пригласили в покои богатой заказчицы, и никто не узнал, что он стал случайным свидетелем тайной встречи. Оправившись от потрясения, Эхаданус обнял и расцеловал своего осведомителя, и, не желая напрасно терять ни минуты, бросился назад во дворец предупредить Короля о нависшей над ним смертельной опасности.

Король ликвидировал заговор молниеносно и беспощадно. И суток не прошло, а уж мертвые тела вчерашних заговорщиков украшали виселицы на площади перед дворцом. Ивилдор поздравил Короля с раскрытием заговора и благословил его на справедливую кару злоумышленникам. “Заговорщики редко пожинают плоды своих заговоров”, – процедил он сквозь зубы, пристально глядя на Короля. Оставшись наедине с Эхаданусом, Король благодарил его со слезами на глазах. Он сказал своему спасителю, что один из изменников под пыткой признался, что вдохновил заговор сам Ивилдор. Но рука Короля не простирается на Высшего жреца. Ивилдор предостерег Короля, что если тот не отступится от своих намерений, то он прибегнет к крайней мере, и тогда со всех амвонов зазвучит призыв к черни защитить правильную ве-

ру, и поднимется общая смута, и Король будет свергнут своим собственным народом.

Видя печаль на лице Первого министра, Король сказал ему: “Ты спас мне жизнь, Эхаданус, и можешь требовать какую хочешь награду”. В ответ Эхаданус откровенно рассказал своему господину историю Ревекки и Эдмунда. Король задумался. Наконец он сказал: “Я думаю, Ивилдору известна твоя тайна и он не допустит этого брака в Северной стране. Молодым необходимо покинуть ее пределы. Мой дорогой Эхаданус! Я знаю, в жизни твоей нет ничего дороже Ревекки и ее счастья. Расстаться с дочерью для тебя равносильно смерти. Ты спас меня, и я обещал тебе любую награду. Я иду на самую большую жертву, какую только могу принести: я готов лишиться своего мудрейшего советника и спасителя. Я отпускаю тебя с Ревеккой и Эдмундом. Прикажи готовить корабль и сам назначь срок отплытия”.

Эхаданус покинул королевские покои и вернулся в свой дом. Погрузился в раздумья. Жизнь и карьера. Сладкая власть над людьми и огромное богатство. “Моя Ревекка, я не могу потерять тебя. Ни за что на свете не расстанусь с тобой!” – с этой мыслью заснул Первый министр.

Наутро Эхаданус явился к Королю и объявил ему свое решение: “Мой господин, молодые пусть едут, а я остаюсь с тобой”. Изумление на лице Короля сменилось радостью. “Я, кажется, понимаю твой выбор”, – сказал Король, пожимая Эхаданусу руку, а про себя подумал: “Кто хочет съесть ядро,

должен разбить орех”.

На пристани собралась толпа провожающих. Король, его брат, придворные, молодые рыцари, друзья Эдмунда и юные девицы, подруги Ревекки. В стороне виднелась фигура Эхадануса. Корабль отплывал. Эхаданус смотрел в сторону моря, пока не скрылся за горизонтом сияющий белый парус. Повернулся и двинулся навстречу блеклым белым колоннам в тени огромного дома, почти равного по красоте и роскоши королевскому дворцу.

Иосиф и Юсуп – друзья пираты

Жил себе в еврейском местечке бедняк хасид по имени Иосиф. Хоть и молод еще был, но обременен семьей. Да-да, именно обременен. В тягость ему слушать жалобы жены и плач ребятишек. Ремесло сапожное ему наскучило. Заработки грошовые, и постыло и немило ему сидеть от зари до зари в полутемной каморке и стучать молотком, и колоть шилом, и тянуть дратву. Хоть кого из соседей или товарищей его хасидов спросите – всякий скажет: “Наш Иосиф ни красив, ни богат, ни умен. Ничего в нем примечательного”. А еще сочувствуют жене и детишкам: “Не избавит их несчастных от нищеты этот непутевый хозяин”.

Пуще всего тяготила Иосифа хасидская праведность. Воли хотелось. Мир посмотреть, на людей поглядеть. Такие мятежные мысли он, однако, держал при себе. Никто и не догадывался, что душа бунтует в сером этом человечке.

Как-то раз прослышал Иосиф, что два праведных еврея из

соседнего города собираются совершить паломничество на Святую Землю. “Это – судьба. Или сейчас, или никогда!” – сказал себе Иосиф, а жене и раби своему заявил, что отправляется паломником с теми двумя. Жена – в слезы: “Совсем без средств к существованию нас оставляешь”. А Иосиф отвечает: ”Пойдешь в богатую семью прислуживать, так и проживешь до моего возвращения”. Хасиды удивляются: “Откуда взялись святость и набожность у нашего Иосифа?” Но будущий паломник непреклонен. Быстро собрался в путь и отбыл с попутчиками в дальние края на Святую Землю.

Прибыли все трое в портовый город Яфо. Иосиф сказался больным, а двое праведников направили свои стопы в Иерусалим, где захворавший спутник обещал их нагнать, как только поправит здоровье.

Вот скрылись за поворотом дороги порядком надоевшие попутчики, и Иосиф, вдохнув полной грудью чистый морской воздух, сказал: “Вот она мечта моя, свобода!” Непроизвольно провел ладонью по глазам – нет, глаза сухие. Сентиментальным Иосиф не был.

Наш искатель приключений остановился на постой у некоего еврея, торговца рыбой, который скупал улов у рыбаков мусульман и продавал его на рынке. Хозяин нашел занятие постояльцу: помогать в торговле, носить пудовые корзи-

ны с товаром и все такое прочее. Иосиф сроду тяжелую работу не любил, но чудесная сила Святой Земли вселила в него новый дух. Трудится и не ропщет, пожалуй, даже рад своему положению. Дома его способным к учению не считали, а вот здесь, под южным солнцем, за год выучился с мусульманами на их языке говорить, да как бойко! А кто бы назвал Иосифа хорошим семьянином? Никто! А он пишет письма домой часто и регулярно. Вся община следит, на каких святых местах паломник уже побывал и куда дальше путь держит.

Как-то, утомившись после дневных трудов, сидит себе Иосиф в духане, пьет крепкий и ароматный восточный кофе, курит кальян и размышляет о том, что будет с ним дальше. Вот бы разбогатеть! Порадоваться свободе еще год-другой и богатым вернуться домой. Осчастливить жену и детей, утереть нос насмешникам, жить в достатке и счастливо до самой старости и с миром встретить то, что приходит вслед за ней.

Размечтавшись, Иосиф не сразу разглядел сквозь клубы табачного дыма, как напротив него уселся незнакомый мусульманин одних с ним лет. Приветливо так улыбается, здороваается: “Мир тебе, добрый человек, меня зовут Юсуп.” Назвал себя и Иосиф. Рассказали каждый свою историю. Юсуп происходит из богатой семьи. Надоела ему родительская опека. Хотелось бы в бурную жизнь окунуться, поскорее раз-

богатеть и не зависеть от отца. А еще мечтает Юсуп о приключениях. Он ждет от них ощущение жизни во всей ее широте и силе.

Как достичь скорого обогащения на пути приключений? Только морским пиратством. Когда судьбы разные, а души родственные, единство духа превалирует. Быстро обо всем договорились тезки. Сложили вместе капиталы, и хватило им денег, чтобы зафрахтовать небольшое парусное судно и нанять команду матросов – молодчики, как на подбор. Судно дрейфует подальше от порта, подальше от глаза людского. Приготовления закончены, впереди – дорога к мечте.

Роскошна летняя ночь над южным морем. Небо безоблачно. Звезды льют ровный свет на водную гладь. Легкий бриз. А воздух какой! Прекрасна Святая Земля, а море, ее омывающее, еще чудесней. Но пиратам Иосифу и Юсупу не до красот Божьего мира. Есть вещи поважнее. Вот завидели они впереди торговый корабль. Эх, захватить бы такой – богатая была бы добыча! Увы, это не под силу. Вооруженная охрана, пушки на борту. А вон в той стороне – рыбацкий парусник. Это цель по зубам. Догнали парусник. Иосиф, Юсуп и вся команда действуют слаженно – не впервой. Улов перенесли на свое судно, а рыбаков отпустили целыми и невредимыми, утверждая гуманность профессии. Утром рыба продана

оптом тому самому еврейю-рыботорговцу, у которого Иосиф когда-то был на постое. Сделка выгодна для обеих сторон, и сторожил Яфо душевно рад успехам новичка, бывшего своего постояльца.

Так идут дни за днями, месяцы за месяцами. Крепко сдружились Иосиф и Юсуп. Овладели мастерством. Да и стоит оно того: это ведь не тяжелые корзины перетаскивать с места на место на рыбном рынке. У обоих завелись кое-какие деньги, источник удовольствий. Доступны теперь и сладость вина и романтика нежных чувств. Все испить и все испытать должны холостой мусульманин Юсуп и женатый еврей Иосиф. “Будет что вспомнить в старости”, – думал каждый, вкушая свой сладкий запретный плод. Бездна порока глубока, притягательна и бескорыстна.

Когда есть все, хочется еще. Задумались друзья пираты, как бы достичь настоящего богатства. Вокруг много золота, но оно в немногих руках, и это ранит чувство справедливости. В пределах досягаемости пиратского судна есть в море остров. Живут на острове главным образом христиане. И вдобавок имеются две богатые общины: мусульманская и еврейская. Остров этот – родина Юсупа. Там его отец и все его богатство. “Если меня похитят пираты и потребуют выкуп за мое освобождение, отец даст огромные деньги, лишь бы

вернуть сына живым, наставить его на путь истинный и избавить семью от позора”, – вслух размышляет Юсуп. “А если со мной случится подобное, то раввин не пощадит ни сил своих, ни денег богатых сограждан своих, дабы исполнить нашу важнейшую заповедь, и вызволить из неволи пленника и тем украсить историю общины”, – вторит другу Иосиф.

Скелет идеи обрастает плотью воплощения. Разработан план. Испытан маршрут. Изучено место. Куплен реквизит. Написаны письма. Можно действовать.

Судно Иосифа и Юсупа приблизилось к острову на расстояние видимости. Спустили паруса. На мачте взвился черный пиратский флаг. Близится заход солнца. На воду спущены две шлюпки. В каждой сидят два матроса и посланец с письмом. Одна из шлюпок направляется к северной оконечности острова, где живут мусульмане, другая – к южной, где живут евреи. Иосиф и Юсуп стоят на палубе и глядят в подозорные трубы.

С острова видят пиратский корабль и шлюпки. Гадают: что будет? К мусульманскому берегу причаливают непрощенные гости. Требуют вызвать самого богатого жителя – отца Юсупа. Посланец вручает знатному мусульманину написанное его сыном письмо, в котором тот молит отца согласиться на все условия пиратов, выкупить его и тем спасти

молодую жизнь. Он кается в недостойном своем поведении и клянется вернуться в семью и стать ее гордостью в будущем.

– Это рука нашего бедного сына, – рыдая, воскликнули отец и мать Юсупа, прочитав письмо.

– О, всемогущий Аллах, чем прогневили мы тебя? – добавил плачущий отец, а несчастная мать в отчаянии стала рвать на себе волосы и заламывать руки.

– Когда должен быть готов выкуп? – успокоившись, спросил отец.

– Ровно в полночь твоя лодка с одним гребцом должна подойти к нашему кораблю. Мы поднимем на борт золото, а взамен опустим на дно лодки Юсупа, живого и здорового, но закованного в цепи по рукам и ногам и с завязанным ртом. Лодка вернется назад, и ты получишь свое чадо, – сказал посланец и приказал матросам отчаливать.

А в то же самое время другая шлюпка пристала к еврейскому берегу острова. Мудрый раввин, предчувствуя беду, дожидался на пристани в окружении своих помощников – самых почетных и богатых членов общины. Раввин принял из рук посланца написанное рукою Иосифа письмо с мольбой о выкупе и избавлении от смерти.

– Сколько дней есть в нашем распоряжении для обсуждения положения? – спросил раввин посланника.

– Считанные часы, – отрезал посланник.

– Примите во внимание, почтенные господа пираты, сейчас тяжелые времена, и сумма выкупа непомерно велика для

нашей бедной общины. У нас нет таких средств, необходимо уменьшить выкуп вдвое, – сказал раввин, и окружавшие его помощники и советники горестно развели руками в знак согласия.

– Тело вашего соплеменника ищите на дне морском, – сказал посланник и, круто повернувшись, направился к шлюпке.

– Остановитесь, глубокоуважаемый господин пират, горячность недопустима в богоугодных и денежных делах. Называйте ваши условия, – вернул посланца раввин и получил от того

разъяснения, из которых следовало, что время доставки выкупа евреями на половину часа позднее прибытия лодки с мусульманского берега. В остальном – тот же регламент.

Если ноты хороши, и инструменты настроены, и музыканты в ударе – какая чудесная музыка звучит! Подходят к кораблю лодки с мусульманского и с еврейского берега – каждая в назначенный час. Матросы поднимают на борт мешки с золотом. Иосиф и Юсуп пересчитывают – все честно, солидно. В одну из лодок опускают искусно изготовленное чучело мусульманина, в другую – чучело еврея. Каждая лодка отплывает к своему берегу. “Вот дождемся рассвета – и наутек”, – потирают руки возбужденные успехом пираты. Ан нет, ликовать рано.

На острове ни мусульмане, ни евреи не смирились с мошенничеством дерзких пиратов. И обратились за помощью к христианской военной охране, каждая община – к своему отряду.

Незадолго до рассвета от мусульманского и от еврейского берегов отплыли охранные христианские суда. На кораблях – вооруженные до зубов матросы во главе с лихим капитаном. Каждый из них, оценив невеликую боевую силу пиратского корабля, подумал, что сделает непростительную глупость, если, покончив с мошенниками, вернется на остров. Однако блеск золота в воображении храбрых командиров потускнел в то самое мгновение, как они заметили друг друга. “Делиться добычей? Нет! Доблестный бой до конца? Да!” – не колеблясь, решили оба.

А на пиратском судне Иосиф и Юсуп дрожат от страха, видя превосходящие силы погони. На счастье обманщиков и на горе обманутых алчность и доблесть берут верх над здравомыслием. Корабли преследователей сближаются, и между ними завязывается бой. “Пусть ни один из них не возьмет верх, пусть бьются до конца!” – обращают к Небу свою мольбу смертельно напуганные пираты. А пушки палят, и тела убитых падают в море.

Бой стих. Пороховой дым рассеялся. Осмелев, Иосиф и Юсуп приблизились к безмолвным кораблям преследователей. “Настоящие воины. Бились до последнего матроса”, –

то ли с почтением, то ли со злорадством подумали наши герои. Хорошенько обследовав осиротевшие корабли, Иосиф и Юсуп приказали экипажу перенести на свое судно все ценное, что было обнаружено, чем и удвоили добычу.

Вот такие приключения на Святой Земле выпали на долю Иосифа и Юсупа. А как расстались наши друзья пираты, судьбы их сложились розно. Звезда удачи все устраивает к выгоде тех, кому она покровительствует. Беспутный мусульманин Юсуп остался верен неправедному ремеслу и под конец, доставив горе, разорение и позор семье и роду своему, сгинул неведомо где в морской пучине. А его антипод, благородный еврей, хасид и паломник Иосиф вернулся в родные места в лоно семьи. И вышло все, как мечталось: осыпав жену и детей, натянул нос насмешникам и жил припеваючи в богатстве и довольстве. А сверх того стал всеми уважаемым членом общины и занял в ней почетную и доходную должность, как первый в местечке богач. И не удивительно: имеющий деньги обретает почет, а почет обращается в деньги.

С годами не столько золото, сколько воспоминания о приключениях молодости сделались радостью его бытия. А чтобы похождения эти не забылись, Иосиф без устали рассказывал о них своей многострадальной в прошлом супруге. При-

ключения могут быть и безумными, герой же обязан оставаться разумным. Лишь один сорт приключений он не оглашал вслух. Впрочем, волнующие те события и без рассказов о них не изгладятся из памяти романтического Иосифа.

Михаль

Бедность да тяжкий труд, слабость здоровья да годы вдовства привели нестарого еще хасида на смертный одр. “Не насытился я днями жизни, но вот, истекают они”, – с горечью думает еврей, ворочаясь с боку на бок на жестком своем ложе. Он вспоминает детство и юность, женитьбу и рождение сына, череду одинаковых лет, болезнь свою.

У постели отца сидит сын его Давид, или попросту Дуди, и с жалостью смотрит на больного. “Слушай мое слово, Дуди”, – едва слышно и с трудом говорит умирающий, – “Я и матушка твоя, мир праху ее, всю жизнь прожили в бедности и не много видели радостей. Оба мы люди малограмотные, и большим умом Господь не наделил нас. И думаю я, сын мой, чтобы счастливо жизнь прошла, в семье обязательно должны быть богатство и ум. Достоинствами этими может обладать один из супругов, или оба вместе, или у одного – одно, у другого – другое, это не важно. Главное, чтобы благодать эта была. А ты, Дуди, уж не взыщи, и достатком и умом следуешь родителям своим. Из этого поймешь, какую жену тебе надобно для счастья”.

Жалеют хасиды сироту Дуди. Помогают. Кто добрым словом, кто на субботнюю трапезу пригласит, а кто и заработать даст. Раби печется о парне больше всех: говорит, что нужно профессией овладеть, и, конечно, жениться. А еще цадик мечтает усадить Дуди за книги, чтобы учил Тору, набирался ума. Тот, однако, не спешит следовать словам наставника.

Дуди парень видный. Даже очень. Высокий, широкоплечий, светлые кудри, голубые глаза. Нравится ему одна девица. Веселая такая, все хохочет. Правда, она не из красавиц. Правда, она из бедной семьи. Но юному сердцу не прикажешь. Нравится. Или даже влюблен. Не раз уж Дуди думал, не обратиться ли к цадику, чтоб помог со сватовством, но всякий раз откладывал просьбу: девица к нему равнодушна. Должно быть, кто-то другой поселился в ее мечтах.

На главной улице городка стоит дом местного богача. И живут в этом большом доме, кроме прислуги, трое: отец, то есть сам богач, мать, то есть жена богача, и их дочь по имени Михаль. Единственное дитя в богатой семье. Ничего не жалели родители для своего чада. И вознаграждением их родительскому рвению и безмерной любви стала ответная любовь необыкновенной во всех отношениях юной Михаль. Преданная, заботливая, доброго нрава и собой недурна. И не в по-

следнюю очередь радовала она мать и отца проницательностью ума. А уж про образованность и говорить нечего. Одним словом, на плечах родителей лежит приятная забота – найти дочке достойного жениха.

Случилось как-то Михаль быть на ярмарке. Там впервые она увидела Дуди. Другой раз столкнулась с ним на улице. Дуди заметил красиво одетую девицу. Заметил также, что и она его заметила. Однако прагматизм говорит ясным языком очевидного. Простой парень не стал занимать свои мысли фантазиями о дочери первого в городе богача. И забыл о ней.

А Михаль не забыла высокого белокурого и голубоглазого красавца. Сохнет по нему. Потеряла аппетит, похудела, книги – в сторону, подушка мокра от девичьих слез. Родители в тревоге: что случилось с дочкой? Наконец, Михаль призналась матери.

Что тут скажешь, беда пришла в дом. Мать умоляет дочь отступиться – нет результата. Отец говорит с ней, с безрассудной – не помогает. Оба родителя разом втолковывают ей очевидные вещи – все напрасно. Ответ дочки прост и убивает родительский здравый смысл: “Люблю его, не жить мне без него!” Здравомыслие наше подвержено случаю, как и мир вокруг нас. Вопрошает отец: “Где ее благоразумие, где ум ее? Возмутительное сумасбродство! Выпороть девчонку!” Но в ужасе кричит мать: “Боже нас сохрани от такого варварства!” Вообще, родительница стала менее тверда, чем ее непреклонный супруг, когда сама поглядела на дочкиного

избранника.

Что решено на Небесах, то непременно свершается на земле. “К свалившемуся на меня счастьем прибавляется спокойная совесть – я выполняю завет отца”, – думает Дуди.

Итак, Дуди и Михаль – супруги. Не такого мужа хотели для своего единственного чада богатые родители. Теперь утешаются мечтою о том, что, Бог даст, откроются у зятя незримые ныне достоинства, и произойдет чудо, и прославит безвестный сирота их семью и умножит ее достояние. Мечты о будущем подслащивают горечь настоящего. Они хороши и полезны, если только не забывать, что они – мечты.

Пытливый и беспокойный ум Михаль требует деятельности. Веря в грезы и желая угодить непутевой, но от этого не менее любимой дочери, богач помогает молодым супругам открыть небольшую торговлю: галантерея, материя, дамское платье. Он же преподает первые уроки коммерции начинающим торговцам. Нет ничего бескорыстнее родительской любви.

Хваткая она, эта Михаль. Любое дело в руках горит. Не добавить ли к первым успехам торговлю оптом? Куда как прибыльнее. Тут, наконец, и для Дуди нашлось достойное применение. Разъезжает по городам и весям. Подешевле купить, подороже продать – немалое искусство. Товар у Дуди

такого рода, что дела он имеет все больше с особами прекрасного пола. Коммерческий успех сам в руки идет к молодому с иголки одетому красавцу.

Зерно зла, как всякое зерно, ежели попадет в добрую почву, может прорасти.

А дома царит любовь. Михаль счастлива. Народились детки. Не столько на домашних учителей, сколько на себя надеется молодая мать – сама учит, сама воспитует. Есть ей, что детям передать. Дуди на ребятишек меньше влияет. Во-первых, он часто в отъезде, а во-вторых, не мужское это дело. У стариков на сердце потеплело. Кажется, все будет хорошо.

Бедя грянула не вдруг. Она притаилась. Она подкрадывалась. Она откусывала своими острыми зубами незаметные маленькие кусочки от пирога хрупкого счастья.

Дуди ездил далеко и надолго. И дела у него, как сказано, все с дамами. Попался в сети: смуглянка, красавица. И компания у нее веселая – молодые купцы да офицеры. Приняли еврея, как своего. Трактиры, цыгане. Богатый еврей щедро платит. И на возлюбленную свою не скупится. А та, как на грех, золотые серьги предпочитает серебряным, жемчужные бусы – стеклянным, и все в том же роде. Банальное неуничтожимо, и его труднее всего избежать.

Михаль – главный пункт надвигающейся катастрофы.

Разве женщину обманешь? Тем более любящую. И убежденную в том, что любимую. Молчит Михаль, не подает виду, что догадывается. Только вновь, как в годы девичества, подушка мокра от слез. Горе есть, а мысли о мести нет.

Беда в доме богачей празднуется широко. Любоваться страданиями сильнейшего – это счастье, доступное всякому. Торжествуяще ползут радостные слухи. С сочувствием и тревогой спешат доброжелатели донести новости до Михаль и ее стариков. Обманутая жена держится стойко. С отцом и матерью видится редко, говорит с ними наспех – боится услышать вопрос или намек.

Цадик сам пришел в дом к Михаль и без обиняков сказал, что ему все известно, и спросил чем можно помочь. Да ведь это и долг его первостатейный – увести еврея от греха, вернуть заблудшую душу в родной стан. Так и вере отцов изменить можно, Боже сохрани нас от такого несчастья. А Михаль в ответ: “Спасибо, раби, на добром слове. Обещаю, я сама с бедой справлюсь. Прости мне мою дерзость, раби, но молю тебя: молчи и других к разговору сему не поощряй!”

– Ох, спасибо тебе сердечное, милашка ты мой, Демид, – восклицает смуглянка и смотрит сияющими глазами на смущенного Дуди, – какая великолепная материя! Платье выйдет всем на зависть! – продолжает она, завернувшись в го-

лубой шелк и любуюсь на себя в зеркало, – как раз под цвет твоих глаз! Теперь нам разлучаться никак нельзя, – игриво добавила красавица, бросившись к Дуди в объятия и кружа ему голову горячим поцелуем, что пьянит сильнее вина.

– погоди, Демид, я одеваюсь, и мы едем в театр. Сегодня премьера. Я занята во втором акте. Роль маленькая, но все мои поклонники, кто видел меня на репетициях, предсказывают успех. Кстати, ты не ревнуешь, дружок? Не дуй губы. Шуток не понимаешь? – прощбетала любезная нашему герою особа.

Закончен спектакль, и веселая молодая компания шумит за столом – отмечают успех начинающей актрисы. Море цветов. Шампанское и водка. Устрицы и раки. Ах, Дуди, Дуди...

– Я провозглашаю тост за талант виновницы торжества, – кричит молодой купец, и все аплодируют. Пьют, едят, поют, дым коромыслом.

– Всех благодарю сердечно, и поднимаю бокал за здоровье моих бескорыстных друзей и, в особенности, за вернейшего из них – Демиду! – воскликнула раскрасневшаяся от похвал актриса.

– Bravo, ура! – раздаются громкие возгласы.

– Позвольте, господа, не присоединяться к этому тосту, – с трудом выговаривая слова и раскачиваясь на неверных ногах, произнес цветущего вида и могучего телосложения офицер. Слова эти проникли в затуманенное сознание Дуди и насторожили его.

– Прошу это объяснить, поручик! – гневно выкрикнула молодая актриса.

– Нечего тут и объяснять, и так все ясно. Взгляните, господа, на Демида попристальней. Зачем он здесь среди нас? Он и взаправду Демид? Или этот Демид – Давид? Наш генерал говорил, что имена выражают природу вещей, – глубокомысленно произнес поручик.

Кровь бросилась в голову Дуди. Мигом очутился он возле обидчика, схватил его за лацканы и давай яростно трясти, нарушая суровую красоту военного облачения. Но куда уж тягаться нашему Дуди с бывалым армейским офицером, окруженным к тому же верными товарищами!

Печален был конец этого празднества. Лишившуюся чувств смуглянку увезли домой ее верные друзья. Офицеры, защитив честь мундира от никчемных посягательств чужака, с победой покинули поле сражения. А у Дуди хватило сил лишь на то, чтобы добраться до ближайшей синагоги и сообщить раввину название своего городка. “Унижение сделает тебя мудрее”, – сказал едва живому гостю незнакомый раввин и распорядился отправить его домой.

Вызванный из столицы профессор молча выходит из комнаты больного. Его окружают встревоженные домочадцы. Лицо врача сурово. “Надежды на выздоровление нет. Слиш-

ком тяжелы раны”, – глухим голосом выносит он свой беспощадный приговор. Старики и дети в слезах. Михаль бледна как полотно. Она уводит плачущих. Возвращается в комнату мужа. Садится у постели, берет его за руку, гладит. “Доктор считает, ты скоро поправишься, Дуди. А цадик молится за тебя”, – говорит Михаль.

Дуди молчит. Он знает свое положение: он не жилец. Глаза его закрыты. Язык не слушается. Избитое тело онемело. Боль от ран мутит сознание. А еще сильнее боль от великодушия Михаль. Великодушие превращает нас в должника. Он благодетельствован ее любовью. Он не в силах вернуть долг. Эта мысль горше мысли о смерти.

Как и отец его, Дуди, умирая, вспоминает свою жизнь. Бедность. Смерть отца. Сиротство. Вот он видит ту веселую и смешливую девицу, что так нравилась ему. Он отступился. Она вышла за такого же, как он, бедного парня. Ремесленник. Хозяин в доме. Вместе встали на ноги, хоть и не богаты. Дуди застонал от боли.

“Что сказать на прощание детям? Те же слова, что сказал мне отец, лежа на смертном одре? Но дети мои умны и богаты. Об этом позаботилась их мать. Обо всем позаботилась Михаль. Мне нечего сказать”.

Пурим сегодня!

Хасид Хаим – бедняк. Дома – хоть шаром покати. Дети голодные, жена на судьбу жалуется. Хуже всего Хаиму в праздники: у людей на столах еда всевозможная, а в доме бедняка,

как в будний день, лишь хлеб да лук. А пережить веселый праздник пурим совсем не вмоготу. Тут уж нищету свою не скроешь. Как водится, получает Хаим на пурим гостинцы, шалахмонесы то есть, от своих друзей хасидов, да и от самого раби тоже. Надо отблагодарить тем же, послать шалахмонес от себя. А как угощение испечь, коли дома не только меда и изюма нет, простой муки на хлеб не хватает? Принесут в пурим шалахмонес, дети набросятся на коврижки да на пряники, на коржики да на печенье, а Хаиму с женой только и достанется, что по рюмке праздничного вина пригубить. Тяжело оставаться в долгу. Горьки Хаиму эти сладости.

Цадик, разумеется, говорит Хаиму слова утешения, не вешай, мол, носа, будет и тебе удача. Хасид только вздыхает в ответ.

– На то ты и цадик, чтобы в меня надежду вселять, – говорит Хаим.

– На то ты и хасид, чтобы верить, не отчаиваться и Бога благодарить, – говорит раби.

Вот как-то в пурим выпил Хаим рюмку вина и говорит жене, словно оправдываясь: “Ты же знаешь, жена, в этот праздник еврею положено радоваться и пить вино. Ведь пурим сегодня!” А жена, вопреки обыкновению, добродушно так отвечает: “Не стыдись перед людьми нашей бедности, Хаим.

Что люди говорят – безделица, не превращай песчинку в гору. Живем ведь как-то. Иди к своим хасидам, веселись и гуляй. Пурим сегодня!” Окрыленный добрым словом, выпорхнул Хаим за дверь.

На улицах шумит веселый праздник. Клейзмеры играют на своих скрипках, дети в масках, трещотки и хлопушки, угощение, тут рюмка, там рюмка – веселись еврей, пей вино, пурим сегодня. От выпитого вина бегут, исчезая, заботы, бедняк собирается с духом, проходят грусть и морщины на лбу. Кто побогаче, старается ублажить бедняка, угощает: во-первых, раби так велит, а во-вторых, приятно это. Один день в году и скупец щедр.

Встречает Хаима знакомый хасид, лавочник-мясник. Зовет к себе в дом, потчует. И на дорогу дает полную корзину всякой снеди. Знает Хаим, каково это угощаться у тех, кто богаче тебя. Отплатить им тем же – совсем по миру пойти. Да разве в пурим от приглашения откажешься! Хаим подозвал мальчишку на улице, послал с ним корзину домой. И зеленщик, и булочник, и бакалейщик – все угощают бедняка. “Однако уж немало я шалахмонесов домой переправил, – думает Хаим, – не сказать ли жене, чтоб из полученного угощения ответные посылки составила? Нет, не годится это. Городок маленький, люди узнают свое, смеяться станут над моей хитростью. Пусть уж лучше жена и детки полакомятся”.

Вечер близится. Сейчас предстоит самое главное удоволь-

ствие пурима. Ученики ешивы покажут на сцене веселый спектакль, пуримшпиль. Хаим почти забыл о плохом, думает о хорошем. Отлично день прошел. На душе тепло. В желудке непривычная благодать. Хаим уселся на пол – не велик барин – поближе к сцене. Что душа чувствует лишь смутно, артисты выразят в ярких словах. Поначалу все про царицу Эстер, да про Мордехая – это давно известно Хаиму, это каждый год представляют. Сделали перерыв. Заиграли клейзмеры. На сцене происходит что-то смешное. “Ага, над нашим городом шутят, то-то все хохочут”, – подумал Хаим и тоже для порядку засмеялся. Прислушался получше, да так и обомлел: ведь артисты-то говорят про клад, что спрятан за кладбищенским забором. То самое золото, что сто лет назад зарыл в землю один богач, да неожиданно умер и не успел никому сказать, где это место. “Как хорошо, что я близко к сцене сел, все слышу, – думает Хаим, – все вон, захмелели, гогочут себе. Кажется, кроме меня, никто ничего не слышал”.

Тихо и незаметно выскользнул Хаим наружу. Раздобыл лопату и верным твердым шагом направился к заветному месту у забора. Темно. Страшно. Вдалеке огни, музыка слышна: пурим сегодня. Хаим роет землю. Вот и сундук. Под крышкой золото блестит при слабом свете звезд.

Хаим плачет от счастья: “Вот и пришла мне удача. Прав наш цадик. Как он знал? Мудрец!”

Кончился веселый праздник пурим, и на следующий день начались для Хаима и его жены приятные заботы. Деньгам надо дать должное употребление. Первым делом – пожертвовать хасидской общине. Синагогу давно пора отремонтировать. У городских богачей средств для этого нет. А у Хаима есть. Второе – построить новый дом для семьи. Большой дом. Хаим с женой не старые, Бог даст, еще детишки народятся. Главное, конечно, деньги к делу пристроить. Посоветовался Хаим с цади́ком. Купил мельницу. Приобрел сахарный завод. Завладел переправой через реку. Теперь чуть не все городское хозяйство от Хаима зависит. Но Хаим скромн. Молится много. Бога благодарит. Цади́ка слушает.

Вот уж год почти прошел, как свалилась на нашего хасида неслыханная удача. Дела идут исправно. Доходы хорошие. Все завидуют и дивятся: откуда у бывшего голодранца такая сметка? Словно смолоду деньгами ворочал!

Просторно и тепло в новом доме. Жена нарядно одета. Прислуга у нее: справься-ка одна с таким домищем! Дети ухожены. У каждого свои ботинки, а не одна пара на всех. А еда какая вкусная! Никак не нарадуются сытости. И праздники теперь Хаиму в радость. Стол, белая скатерть, яства всевозможные. Отдых.

Пуще всего радуется Хаим приближающемуся пуриму. Это первый его пурим, с тех пор, как Господу было угодно одарить его счастьем. Задолго и основательно готовится

к празднику Хаим. Все закупил, все заготовил. За неделю до пурима остановил мельницу, закрыл сахарный завод, прекратил переправу через реку. Благо, своя рука владыка. Иссякнет в лавках мука к празднику – а мельница не работает. Кончится сахар у хозяек – а взять негде. Мед, изюм, вино – как доставить в город, коли переправа закрыта?

Вот и праздник наступил. Хаим шлет шалахмонесы один за другим. Всем, всем, всем. Никого не забыл. И какие шалахмонесы, какие гостинцы! А в ответ ничего не получает: обнаружили вдруг горожане, что, как на грех, опустели лавки. Идет Хаим по улице, поздравляет встречных хасидов, сам поздравления принимает, а вместе с ними и извинения, что не послали ему ответных гостинцев. Хаим великодушно прощает. Зовет к себе и мясника, и зеленщика, и бакалейщика, и булочника. Угощает их дома по царски и с собой каждому огромную корзину дает: берите, люди добрые, пурим сегодня! Гости ведь угощению друзья, а не дружбе. Ах, как сладко на сердце!

Главное удовольствие, как сказано, – пуримшпиль. Хаим, почетный гость на представлении, уселся в середине зала, поближе к музыкантам. Сначала артисты царицу Эстер, да Мордехая представляют – это все Хаим каждый год слышит. А потом заиграли клейзмеры. Ох, и здорово же играют эти музыканты, заслушаешься. А скрипачи видят, что самому Хаиму нравится, и еще больше стараются. Чересчур стараются. Громко слишком, даже голова заболела. “Эй, ребята,

потише играйте, голова болит!” – кричит музыкантам Хаим.

– Не кричи, Хаим, – говорит жена, – удивительно было бы, если бы у тебя не болела голова.

– Где я? – вопрошает спросонья Хаим, и со страшной быстротой настигает его разочарование.

– Не помнишь, любезный муженек, как друзья твои хасиды доставили тебя с пуримшпиля? Говорят, уснул на середине представления.

– Пурим сегодня, – мрачно сказал Хаим и потянулся за рюмкой вина.

– Пурим кончился вчера, дружок! – со знанием дела возразила супруга, не останавливая, впрочем, мужниной руки.

Яшка-цыган

Жаркий полдень. У ворот тюрьмы стоит с раннего утра цыганский фургон. В тени под навесом прячутся от палящего солнца трое: молодая женщина и двое детишек четырех-пяти лет, мальчик и девочка. Жара усыпила детей. Глаза цыганки красны от недавних слез. Но даже признаки несомненного горя не вредят красоте ее смуглого лица.

Вдали показалось облако пыли. Подъехала черная тюремная карета, из которой вышли два жандарма с ружьями, а за ними – молодой цыган: будущий арестант доставлен из суда в тюрьму.

– Яша, Яша, дорогой! – закричала женщина и, не обращая внимания на охрану, бросилась на шею к цыгану.

– Роза, любимая! – воскликнул цыган и горячо обнял молодую красавицу. Слезы покатались

по щекам обоих. Мальчик и девочка проснулись и стремглав бросились из фургона навстречу отцу, обхватили его за ноги и стали по-детски всхлипывать. В нарушение тюремного устава жандармы не посмели помешать столь бурному излиянию чувств.

– Заключенному предоставляется один час для прощания с семьей, – предупредил один из жандармов, должно быть старший по должности.

– Будешь ждать меня? Будешь верна мне, Роза?

– Неужто сомневаешься во мне, Яша? Кроме тебя никого и никогда не любила и не полюблю. Навеки я твоя!

Детей вновь сморил сон. Яшка-цыган и Роза, не стесняясь, сидели обнявшись на виду у жандармов, и вспоминали, как полюбили, как поженились. Впервые увидели друг друга на ярмарке. Любовь с первого взгляда. Вскоре – шумная свадьба. Родились дочь и сын. Подруги завидовали Розе: “Повезло тебе с Яшкой – верный парень!”

Яшка-цыган торговал лошадьми. И не только торговал. Красть лошадей куда как доходнее. И стыдиться тут нечего: без удобного случая не было бы и вора. Опасностью Яшка пренебрегал – надеялся на смекалку свою, на силу и на быстрые ноги.

Однажды подкараулили крестьяне дерзкого вора, схватили его на месте преступления, побили жестоко, связали и сдали жандармам. И вот, Яшка у ворот тюрьмы. Прощается с возлюбленной женой своей Розой. Впереди разлука. Письма и короткие встречи – это слишком мало для двух молодых любящих сердец. Одно лишь хорошо, что в минуты свиданий и разлуки люди узнают, как много любви вмещают их души.

Воры и бродяги, грабители и разбойники, мошенники и фальшивомонетчики – всех их приютил огромный тюремный каземат. На свободе занятия у всех постояльцев тюрьмы были разные, а свела их судьба под одной крышей, и неплохо сошлись друг с другом попиратели всевозможных законов. Только двое держатся особняком: Яшка-цыган и еврей средних лет, обвиненный по ложному доносу. Отщепенцев, известное дело, нигде не любят. Цыгана тюремная братва не трогает – силач он, да и мести боятся, когда на волю выйдут. А вот еврею туго приходится. Ест он отдельно, не богохульствует, ни с кем не разговаривает, все только молится по своим книгам. Кому такое понравится? Насмежаются над ним, дразнят, за бороду и за пейсы дергают. Кроме Яшки-цыгана все над ним куражатся.

Как-то раз тюремные постояльцы сумели найти путь к

сердцам неподкупных стражей. Добыли себе вина и браги, охмелели и принялись по обыкновению своему насмехаться над евреем. Разгоряченные шутники повалили хасида на пол, и давай его бить. Тут Яшка-цыган не усидел в своем углу. Бросился в самую гущу, разбросал в разные стороны озорников, и долго еще они прикладывали пятаки к синякам и унимали кровь, что сочилась у кого изо рта, а у кого из носа. С этого дня даже самые неумные и дерзкие из них предпочитали обходить стороной Яшку-цыгана, а слабосильный хасид обрел покой под крылом непререкаемой силы.

Понемногу хасид и Яшка стали сближаться. Цыган услышал печальную историю безвинно осужденного еврея, а тот, в свою очередь, узнал тайну своего спасителя. Цыган-то оказывается вовсе и не цыган, а соплеменник хасида. Яков осиротел малым ребенком, жил на милость общины. А как минуло парнишке тринадцать лет, отдали его в помощники к извозчику. С этих пор община мало им интересовалась, а еще менее наставлял его на путь праведности и истины необразованный возница – воспитатель его. Яков перенял у учителя своего любовь к лошадям. Любовь эта свела безнадзорного сироту с цыганами. Так Яков превратился в Яшку-цыгана.

Потрясающее открытие зажгло сердце праведного хаси-

да неодолимым стремлением вернуть Якова к родному очагу еврейской веры, возвратить несчастному утраченный им Божий дар избранности. В чем коренится такое рвение? То ли в корысти заслужить награду на Небесах, то ли в простой вере в свою миссию водворять по мере сил духовное на назначенную ему Господом высоту? Впрочем, не задаваясь праздными вопросами, хасид приступил к действию.

“Помнишь ли ты, Яков, отца и мать своих?” – вопрошает хасид. “А не забыл ли ты, как получал карманные деньги в подарок на хануку? Хоть пару грошей доставалось тебе от общины? Помнишь, как последние дни праздника красиво горят ханукальные свечи у приоткрытой двери?” А в другой раз говорил хасид: “Припомни-ка, Яков, как клейзмеры играли на пурим. Должно быть, скрипач и флейтист большие мастера были переплетать веселую цыганскую музыку с нашими грустными песнями. Язык музыки у всех один”.

Так длинными тюремными вечерами говорят вполголо-са двое друзей. Долго еще взбудораженный Яков не может уснуть, ворочается с боку на бок, и забытые картины встают перед его мысленным взором. Даже сиротское детство чуть сластит, если вспоминаешь его через много лет. “Как добр этот хасид, как понимает мою душу!” – с благодарностью думает цыган.

“Яков, дорогой, – обращается к другу хасид, – а ведь в цыганской твоей жизни ты, должно быть, совсем забыл о нашем еврейском законе соблюдать святую субботу?” Яков задумы-

вается. “Почти забыл, – признается Яков, – да и как соблюдать субботу с чужими?” Видя, как взволнован собеседник, ободренный хасид продолжает: “Как славно это, после недели трудов праведных, в пятницу, ближе к вечеру, выйти из дома, когда жена еще хлопочет на кухне, отправиться в синагогу, помолиться от души, поговорить с Богом, пожелать всем друзьям и недругам доброй субботы, и с обновленной душой вернуться домой. А посередине горницы уже стоит накрытый стол, накрахмаленная скатерть сверкает белизной, а на скатерти – плетеная хала в корзинке, вино для благословения, да и водка в графине – тоже не лишняя. Домашние собираются за столом. Эх, да что тут говорить! Суббота дана еврею Богом. Сердце радуется. Благолепие и благодать!”

“Ах, как прав хасид, – думает Яков, – как любит он меня, как прост и бескорыстен. Он желает мне добра. Но как обрести счастье, что положено мне по праву рождения? Я люблю мою Розу и деток моих. Цыганка и курчавые ребятишки в еврейском доме? Как примирить такое? Почему сердечный мой друг ни слова не молвит об этом? А знает ли хасид, как дорога цыгану воля?” В смятении душа Якова, Яшки-цыгана. “Он мучается, сомневается. А коли сомневается, стало быть, не отвергает!” – удовлетворенно отмечает про себя хасид.

Три известия пришли в тюрьму в один и тот же день. Уведомление об оправдании хасида, распоряжение освободить цыгана и еще письмо цыгану. В один день выходят из тюрьмы друзья. Мигом каждый собрал свой мешок. Тюремные ворота остались позади. Впереди дорога, свобода, жизнь. Топают двое по пыли, молчат, онемели от счастья.

– Яков, а ведь тебе письмо есть! Забыл на радостях, дружище? – спросил хасид.

– И то верно, друг. Из дому, должно быть, от Розы. Зайдем в тень, отдохнем, прочитаем письмо, – сказал Яков.

Друзья свернули в лесок. Уселись в тени. Хасид достал фляжку с водой, отхлебнул, дал другу напиться. “Так неожиданно пришло освобождение. Между нами еще ничего не условлено. Взойдут ли семена, что я посеял в его душе?” – подумал про себя хасид.

– Читай, Яков, свое письмо, потом поговорим. Есть о чем.

Яков достал из мешка конверт. “Это из дома. Почему, однако, адрес написан незнакомой рукой?” – кольнула Якова тревога. Он торопливо разорвал конверт, стал читать.

– Что случилось, Яков? – воскликнул хасид, видя, как задрожали губы, и побледнело лицо друга. В ответ Яков испустил страшный вопль отчаяния. Упал на траву, кричит неведомо что, бьет по земле кулаками. Хасид в ужасе смотрит на происходящее. Яков воеет по-звериному, не может человеческого слова вымолвить. Хасид подобрал с земли лист бумаги. Отец Розы сообщал зятю страшную весть: Роза с ребятами-

ками ехала на лошадях по горной дороге. Их застигла гроза. Лошади испугались, понесли. Фургон сорвался в пропасть. Все погибли.

Настала очередь хасида побледнеть.

Хасид отложил в сторону исписанный неровными буквами лист. Отвернулся от Якова, принялся за молитву. Яков устал бесноваться, стих. А хасид все молится и молится.

– Вот он, твой добрый Бог, хасид! Слышишь меня? Вот он твой добрый Бог! – закричал Яков.

Хасид не отвечал и не оборачивался, кончил молиться, и бормотал что-то, словно разговаривал сам с собой. Яков прислушался. “Сие случилось неспроста. Сие знак Небес. Он перетерпит горе, и я верну его в лоно еврейства. Я исполню великую заповедь. Нет более препятствий этому. Теперь он мой, теперь он наш”, – донеслись до цыгана слова хасида. Ярость захлестнула Яшку.

– Ты рад моему горю, негодяй! – взревел цыган. Он выхватил из-за пояса кнут и стал, что есть силы, бить еврея по тщедушной спине. Тот с воплем бросился бежать, Яшка за ним. И бьет, и бьет его, осатанев от ярости. Хасид упал. Цыган отшвырнул в сторону кнут, бросился на траву, затих. Еврей, весь в крови, встал, преодолевая боль, заковылял по пыльной дороге прочь, не оглядываясь. “Прежде испытай друга, каков он в гневе”, – и утешал и корил себя хасид.

Яшка-цыган лежал тихо, не шевелился. Более никогда не виделись друзья.

Хасиды, разбойники и жандармы

Богатый хасид торговец возвращался с ярмарки. День выдался удачный. Солидная выручка в кошельке. Устал. Скорей бы добраться до дому. Направил лошадку напрямик через лес, хоть и не безопасно это: настроение повелевает человеком. Мурлычет себе под нос какую-то песню и думает только о хорошем.

Если не случается ожидаемое – случается неожиданное. И вот, там где узкая тропа едва заметна в лесной глуши, появляется из-за кустов огромный мужичина самого свирепого вида. Он останавливает лошадь, взяв ее под уздцы, и говорит пьяным голосом: “Стой, еврей, приехал! Покажи-ка, что у тебя в карманах?” И, не дожидаясь ответа, стащил с повозки беднягу хасида, сгреб его в охапку своими здоровенными ручищами, повернул головой вниз, а ногами вверх, и вытряхнул на землю кошелек. Пересчитал деньги и спрятал кошелек у себя.

Мужичина этот был одним из разбойников, шайка которых обосновалась в лесу. Успешно завершив ограбление, разбойник уставился на дрожащего от страха хасида и стал размышлять: “По уставу, обработанный объект должен быть доставлен в наш лагерь, а добыча поделена между членами братства. Однако, куш больно уж солидный, жалко делиться. Прикончить его? А если крик поднимет? Лагерь близко, могут услышать. Лучше я его живым отпущу. Побежит, только пятки засверкают”. Так и сделал. И пошел прочь неверным

шагом.

А хасид, видя удаляющуюся фигуру, сообразил, что жизнь его более вне опасности. И мысли его сменили направление от вечного к суетному, и пронзила его горечь утраты. “Разбойник хоть и силен, но пьян. Если подкараулю его и нападку неожиданно сзади, да еще с дубинкой – справлюсь с ним и денежки свои верну”, – подумал хасид. Привязал лошадку к дереву и скрылся в лесу, не теряя из виду разбойника и обгоняя его.

Ах, если бы знали грабитель и его жертва, какую страшную цепь роковых последствий породят хитрость одного и жадность другого! Вот, скажем, убил бы разбойник хасида – и сказке конец. Или смирился бы хасид с потерей, и вышла бы банальная история, не заслуживающая пера. Но произошло то, что произошло, и поэтому продолжим следить за развитием событий.

Разбойник и хасид – каждый действуют по своему плану: один потихоньку приближается к своему стану, а другой следует в отдалении и выбирает место для засады. А разбойничий лагерь, как сказано, расположен неподалеку. И случилось так, что разбойник и хасид вышли одновременно на лесную прогалину. А в центре ее горит костер. Над огнем подвешен котел. А в котле что-то бурлит и распространяет вкусный запах. Вокруг костра сидят за неторопливой беседой люди. Лица и одежда сидящих, а также содержание беседы намекают на род их занятий. Увидел разбойник прямо

перед собой хасида, метнулся к нему, схватил за шиворот и кричит, обращаясь к честной компании: “Вот, ребята, привел человечка, и с добычей”. И при этих словах он швырнул кошелек на пень, что на краю поляны. А что ему еще оставалось делать? И очень сурово порицал он себя в сердце своем за то, что не убил еврея, проявляя чрезмерную осторожность. Что касается хасида, то он был не менее самокритичен в этот момент.

После обеда справедливые разбойники поровну поделили между собой содержимое кошелька.

– Молодцы, правильно распределили добычу: солнце светит всем, – одобрил главарь шайки.

Затем принялись обсуждать, как помочь хасиду в решении его судьбы.

– Ясно, что в сети к нам попался богатый еврей: вон сколько денег при нем! Давайте-ка, ребята, потребуем за его освобождение хороший выкуп, а пока пусть остается нашим заложником, – сказал главарь шайки, попыхивая послеобеденной трубкой.

– Правильно говоришь, командир, мы согласны, – загомонила братва.

– Завтра его непременно начнут искать: хасиды своих не бросают в беде. Утром выведем его на опушку леса на вид-

ное место. Привяжем к дереву, как приманку. Двое наших молодцов с ружьями спрячутся неподалеку и будут наблюдать. Появятся на опушке его приятели или родичи и тотчас обнаружат пропажу. Хасид наш объяснит своим избавителям, что отвязать его никак нельзя, ибо место это под прицелом. А чтоб ему освободиться, придется им прийти снова и принести с собой мешок денег в определенное место и время. Получим деньги – вернем заложника. Нравится вам мой план, ребята? – обратился вожак к разбойникам, благоговейно слушавшим его с открытыми от восхищения ртами.

– Здорово придумано, командир! – раздались дружные голоса согласия.

Задумано – сделано. А поутру появились на опушке шестеро младших братьев нашего хасида. Без длинных объяснений они все поняли. Обняли по очереди своего старшего брата, и слезы выступили у всех на глазах.

– Ты наш старший брат, ты нам вместо отца. Какой выкуп за тебя просят злодеи? Все, что есть, отдадим, из-под земли достанем!

– Не торопитесь, братья, с золотом расставаться. Не своим ли умом и руками мы наше богатство нажили? – сказал хасид тихо-тихо, чтобы стража его слова не услышала, – У меня есть план. Я скажу похитителям моим, что вы прине-

нете выкуп. А вы, шестеро моих верных братьев, не золото, а ружья с собой возьмете. Прoberетесь неслышно в лагерь и застигните насильников врасплох. Перестреляете их всех, и меня спасете, и деньги наши будут целы, – выложил свой замысел хасид.

– Страшно, брат. Какие из нас, евреев, воины? Лучше откупимся, – взмолились младшие.

– Стыдитесь, братья! И мужайтесь. Мне тут в разбойничьем логове страшнее, чем вам. А сейчас ступайте и делайте по моему слову, – непреклонно и твердо отрезал старший брат.

Вернулись братья домой понурые, но послушаться старшего не смеют. Отправили жен и ребятишек к родне от греха подальше и стали добывать ружья. Не такое простое это дело разом столько ружей заполучить. Немного замешкались.

Вот уж минул назначенный час, а те, кого ждут – не пришли. “Где евреи с деньгами?” – с нетерпением думают разбойники. “Где братья с ружьями?” – с тревогой думает заложник. Главарь подозвал к себе того разбойника, что привел в стан хасида.

– Ты, верно, знаешь характер нашего пленника. В чем, ты думаешь, причина задержки? – спросил командир.

– Больно он до денег жаден. Боюсь, замыслил против нас

что-нибудь, – прозвучал ответ.

Глубоко задумался вожак. Наконец, просиял лицом и пошел к хасиду.

– Ты заготовил хитрую каверзу против нас, негодяй! Не золото, а свинец ты прочишь нам. Не такие мы болваны, чтобы дожидаться здесь твоих вооруженных братьев. Мы все вместе с тобой отправимся к тебе домой. Ты покажешь нам дорогу и место, где спрятаны деньги. А если нас ждет засада, первая пуля – твоя. Ясно тебе? – спросил хасида главарь.

– Ясно, – потухшим голосом ответил связанный пленник.

– А вы что скажете, братва? – обратился главный разбойник к верным товарищам своим.

– Лучше не придумаешь, командир. Евреи – к нам, а мы – к ним. Придут, нас не найдут, зайцев постреляют и обратно уйдут, – загоготали разбойники.

– Слышишь, трус, я разгадал твой подлый агрессивный план, потому что я умнее тебя, хотя ты и уверен в обратном, – Вновь обратился главарь разбойников к хасиду, – Теперь всем вам несдобровать. А всему виной ваша страсть к деньгам. Не зря в книгах пишут, что... эээ, как это бишь ... ага, вспомнил, пишут, значит, что золотой червь вечно точит душу жида, с торжеством произнес главарь, и при этом достал из кармана широчайших своих шаровар потрепанную от постоянного чтения книжку и потряс ею перед носом хасида. Разбойники с восторгом и гордостью глядели во все глаза на своего командира так, словно видели его впервые:

у него есть книга, он ее читает, он из нее помнит!

– Образованность божественна и бессмертна в нас, – многозначительно заключил вожак.

– Наш раби тоже говорит, что многократное чтение одних и тех же книг указывает на глубину ума, – не удержался от фальшивой похвалы хасид.

Вот приехали разбойники со своим проводником на место. Это – хутор. Семь добротных домов, у каждого брата – свой. Все деньги хранятся в доме старшего брата. На хуторе тишина. Хозяева, вооружившись, держат путь в лес – освободить пленника. Их жены и ребяташки находятся в безопасных местах.

– Показывай, где деньги спрятаны. Веди нас в закрома, дружище! – обратился вожак разбойников к хасиду.

– Ничего нет. Все, что было, вы накануне забрали, – хладнокровно ответил хасид и ощутил при этом прикосновение холодного металла к затылку.

– Говори, если жизнь дорога, – зарычал главный разбойник.

– Честное слово, нет денег, хоть весь дом обыщите. Отпустите, Бога ради! – На сей раз взмолился пленник и упал на колени.

– Первый выстрел в воздух, второй – в голову, – сказал

командир и выстрелил вверх.

– Первый выстрел в воздух, второй – в голову, – как эхо подхватили разбойники, и каждый выстрелил.

Поняв, что с ним не шутят, хасид сделал то, что от него ожидали. А потом сидел на лавке и смотрел, как главарь пересчитывает деньги, и слезы катились по его щекам.

А неподалеку от хутора находилась жандармская застава. Услыхали жандармы выстрелы, и вооруженный их отряд немедленно отправился на место происшествия. Видят служители закона: разбойники грабят граждан. Жандармский офицер предложил грабителям добровольно сдаться и тем самым облегчить свою будущую участь. Но командир разбойников решительно отклонил недостойное предложение, скомандовал своим людям стойко держать оборону и во что бы то ни стало сохранить выпавшее на их долю богатство.

Обученные жандармы, действуя по всем правилам боевого искусства, умело окружили хутор и, не понеся никаких потерь, подавили сопротивление противника и убили всех без исключения разбойников. И бедного нашего хасида нашла шальная пуля.

Жандармский офицер стал обыскивать тела убитых, изымая пистолеты и патроны. У главаря разбойников он нашел мешок с золотыми монетами. Каждому из своих доблестных бойцов, еще не остывших после выигранного боя, он вручал по золотой монете, сопровождая этот дар выразительным жестом – прикладыванием указательного пальца к гу-

бам: молчок, мол. Основную же часть содержимого мешка он рассовал по карманам.

Уложив тела убитых на подводы, жандармы, выполнившие свой служебный долг, направили лошадей в сторону заставы.

Вернулись из лесу братья. Видят: дома разгромлены, деньги разграблены. А самую горькую весть они получили от посыльного с жандармской заставы.

Месть

Описанные ниже события случились в местечке Станиславичи в ту давнюю пору, когда некоторые из тамошних евреев впервые прониклись духом благословенного хасидизма и сплотились вокруг своего первого предводителя раби Шмуэля, недавно скончавшийся сын которого, также по имени Шмуэль, был преемником отца, знаменитым праведником и другом раби Якова, цадика из города Божин. За давностью времен никого из героев тех лет нет в живых, а посему можно абсолютно честно, без суетной лести и напрасной хулы рассказывать эту историю. Поведавший ее раби Залман, нынешний станиславический цадик, внук раби Шмуэля-старшего, утверждает, что это вовсе и не хасидская сказка, а хасидская быль. А кто усомнится в правдивости рассказа, пусть хорошенько задумается о неодолимой власти стра-

стей над душой человеческой.

Среди немногочисленной паствы раби Шмуэля-старшего два хасида пользовались особым его расположением. Прозывали их Хозяин и Слуга. Хозяин – самый богатый еврей в Станиславичах. Цадик любил его за простоту нрава и очень ценил щедрые пожертвования богача в хасидскую общественную кассу. Слуга подкупал раби глубиной ума, рассудительностью и терпением. Цадик частенько ставил его в пример другим. Таков был первый глава станиславических хасидов раби Шмуэль-старший – искал и находил в людях хорошее.

У Хозяина – дом богатый, полная чаша. Правда, детей долго не было, но, слава Богу, услышали на Небесах его молитвы и молитвы раби, что истово просил за своего хасида. И вот, жена Хозяина должна в скором времени разрешиться от бремени. Хозяин – человек без премудростей, с людьми запросто, как говорит о нем раби. Он же – грубиян и невежда, как говорят за его спиной враги и друзья его. К Святым книгам у него любви нет. “На что мне это, коли и без учения у меня сундуки полны добра. Ни отец, ни дед мой не тянулись к мелким буковкам, а в делах преуспели. Чем я их хуже?” – говорит он иной раз себе в оправдание.

В услужении у Хозяина был Слуга. Любую работу он обя-

зан делать, ни какой прихоти грубого Хозяина и капризной его супруги он не смеет прекословить. Всегда безотказный и неизменно послушный Слуга – слуга в третьем поколении. Отец его служил отцу Хозяина, а дед – деду. Слуга слыл человеком пытливого ума. Только выдастся свободный час – он за Святую книгу, читает при свече. А потом обсуждает с раби. И дивится цадик проницательности своего хасида.

“Что толку тебе в твоих познаниях, коли ты был, есть и будешь голодранцем? Мой пример тебе не наука?” – втайне завидуя, кричит Хозяин Слуге. Осмеяние умного – сладкий жребий невежды. Скрывая ненависть в глазах, Слуга молчит, низко опустив голову, и смутное сознание правоты обидчика лишь удваивает бессильный гнев. За правоту же, как известно, надо мстить.

“Какой ты немощный, целиком вязанку дров не можешь на второй этаж унести, по два-три полена берешь. Смотри, грамотей, как я с этим легко управляюсь! Только из жалости я держу тебя в услужении”, – веселит гостей розовощекий пышущий здоровьем Хозяин, выхватывая поленья из рук обескураженного Слуги. Насмешка оставляет в душе смертельные уколы, если есть в ней хоть капля правды. Знает Слуга, что, снося обиду, вызывает новую, да нечего возразить. Пуще всего боится он остаться без места, ведь и у него жена на сносях. Хил, узкоплеч и узкогруд Слуга, но и в слабой груди умещается мятежный дух и сердце гордеца. Ничего не вожделеет он так страстно, как мести обидчику.

Родила сына хозяйская жена. Суета и радость в доме. Несть числа приказаниям Хозяина. К вечеру Слуга не держится на ногах от усталости.

– Отпусти меня домой, Хозяин. Ведь и моя жена рождает, я нужен дома, – взмолился Слуга.

– И ты сына захотел, лоботряс? Ну–ну, со временем будет моему наследнику человек в услужение. Иди уж, да воспитай из него слугу получше, чем его папаша, – великодушно согласился счастливый отец. К утру и в бедную избу пришла радость – родился сын. “Удивительно похожи между собой младенцы – не отличишь, а судьбы впереди разные”, – размышляет Слуга, разглядывая красное тельце и безволосую головку. “Похожи, очень похожи”, – повторяет он про себя. Словно врезались в мозг эти слова. И молнией блеснула в голове дьявольская мысль о мести. “Нет, нет, это невозможно! Ты хасид, ты правоверный еврей, стыдись!” – говорит он себе. А через минуту помимо воли своей обдумывает план. Он гонит от себя безумную мысль, но не гаснет огонь вожделения. “И я, и отец мой, и дед мой служили этим гнусным самодовольным богатеям. Неужели и сын мой обречен носить насмешки невежд?” – думает он, утирая слезу и жалобно глядя на спящее в убогой колыбели дитя. “Страшным неискупимым грехом ты погубишь свою душу, негодяй!” –

твердит себе Слуга, но уж он не в силах противиться страсти.

Темной ночью, когда смертельно усталая жена его крепко спит, и младенец замолк в своем уголке, неслышно подкрался Слуга к колыбели, осторожно взял в руки драгоценный сверток и выскользнул на улицу. Мигом домчался он до дома Хозяина, проник через задний ход в комнату, где спал хозяйский новорожденный сын, убедился, что и там царит тишина, ловко поменял младенцев и вернулся домой.

Когда необратимое свершилось, Слуга успокоился и даже повеселел. “Это будет наша с тобой тайна. Только ты и я посвящены в нее. Слышишь, ты, не вздумай проболтаться!” – сказал он, глядя в зеркало и подмигивая самому себе. “Посмотрим, чей сын над чьим сыном будет насмеяться, и кто кому станет прислуживать. И не беспокойся, в себе я уверен, в моем сердце любви хватит на обоих”, – закончил Слуга диалог со своим отражением.

Хозяин назвал младенца Дам, а Слуга дал имя ребенку Зар. Беда пришла в дом богача: умерла супруга его. И стала жена Слуги кормилицей и Даму и Зару. Молока, слава Богу, малюткам хватало. Выкармливая их, женщина любила обоих. Ну, а Слуга, как известно, большую часть дня проводил на службе в доме Хозяина и поневоле много видел Дама и любил его равно, как и Зара. Горе не смягчило нрав Хозяи-

на. Правда, теперь, выслушивая насмешки, Слуга утешался предчувствием скорого торжества.

Дам и Зар растут каждый в своем доме. И год за годом впитывают дух дома. Слуга счастлив видеть Зара за книгой и отвечать на вопросы мальчика, а Хозяин рад буйным играм Дама и не омрачает нудным учением его привольное детство. “Где твой Зар болтается целыми днями? Завтра приходите на службу вместе. Его долг с детства приучаться к труду. Пусть твой бездельник помогает моему славному мальчику, несчастному сироте”, – как-то сказал Хозяин Слуге. Дстойный воспитателя, Дам бесцеремонно обрушивал на сверстника приказания, хоть и ненужные, но приятные для нарождающегося властолюбия. Зар покорно выполнял. “Вот и настало время моего торжества, и долгожданная месть начинается пожинать плоды. Кажется, этого я хотел?” – подумал Слуга.

Дни текли своим чередом. Хозяин и Дам командуют, Слуга и Зар выполняют. Как-то прибыл царский гонец из столицы и огласил указ Государя: объявлен военный призыв, и каждый второй юноша обязан идти на войну. Жребий пал на Дама. Богач устроил дело так, что под ружье встал Зар, а не Дам. Глядит Слуга на безутешно плачущую жену свою, и душа его в смятении.

Настал час, и заболел Хозяин, и врачи единодушны в своем страшном приговоре: “Дни больного сочтены”. Но и на смертном одре Хозяин уязвляет Слугу. Человек с годами не меняется, и время не исцеляет обиды. “Вот умирает злой мой мучитель. Отчего не рад я кончине врага? Вернул ли я ему то зло, что он чинил мне много лет? Успел ли отомстить? Судьба дает мне последний шанс насладиться, причинить ему смертельную муку. Расскажу ему о подмене детей. Отравлю его душу горечью правды: всю жизнь ласкал и любил он презренного отпрыска презренного слуги, а на смерть обрек своего наследника. Жутким станет его последний час”, – так думал Слуга. На сей раз не хватило ему духу, как прежде, на себя одного взвалить все бремя поступка, и решил он спросить совета жены. Но для этого придется раскрыть чудовищную тайну, другими словами не миновать тяжкого признания.

Услышав историю Дама и Зара, несчастная мать побледнела, как полотно, и без памяти рухнула наземь. Слуга привел жену в чувства и, не дав бедняжке оправиться от первого удара, выпалил ей свой новый проект. Выслушав, так ответила: “Совершенное тобой – ужасно. Неужто не сыт ты бесплодной мезтью?” Слуга, понутив голову, молчит, а жена его продолжает: “Уйми гордыню и будь благоразумен. Кто лелеет мезть, лишь берedit собственные раны. Хозяин должен умереть, не ведая правды. После его смерти все богатство достанется Даму, которому ты и покаешься в содеянном. И

он великодушно простит тебя, опьяненный счастливым известием: отец и мать его живы! Он возьмет нас к себе, и будет у нас безбедная и теплая старость. И ежели Господь соизволит вернуть нам любимого Зара живым, то мы и о нем позаботимся. А пойдешь на поводу у мести и откроешься Хозяину, он обезумеет от горя, и, чего доброго, отдаст наследство в чужие руки, за неимением своих. Ведь отлично известно тебе, муженек, как щедр он к раби и всей вашей хасидской общине”. Нехотя, Слуга согласился.

Свершилась воля Небес, и Хозяин отдал Богу душу. Наследство получил Дам. По скончании траурных дней Слуга явился к наследнику – все нутро его трепещет – со страшным признанием и счастливой вестью.

– Радуйся, сынок, родители твои живы и мечтают окончить дни свои, живя под одной крышей с тобой, родное наше дитя, – завершил Слуга обращенную к Даму речь.

– Не знаю, как теперь величать тебя, почтенный, – холодно возразил Дам, – но даже если фантастический твой рассказ правдив, не рассчитывай ни жить у меня, ни на долю в наследстве. У меня другие намерения. Я продаю все имущество и уезжаю за границу, – решительно прибавил он.

– Верить ли мне ушам моим? Как передам я жестокие эти слова твоей матери, Дам? – вскричал Слуга.

– И остерегаю, тебя, милейший, от огласки, – словно не слыша вопроса отца, продолжал сын, – пойдешь в тюрьму за свое преступление. И на этом прощай, – отчеканил Дам и

повернулся к отцу спиной.

Каких только похвал не возносят благоразумию, но далеко не всегда оно бережет нас от превратностей судьбы.

Потрясенный, покинул Слуга богатый дом и вернулся в свое бедное жилище. Собрался с духом и все, как есть, рассказал жене. Бедняжка беззвучно плачет, только плечи вздрагивают. “Зачем я, глупец, спросил твоего совета, женщина? Мы у разбитого корыта. А я вновь посрамлен и вновь не отмщен”, – упрекает он несчастную жену свою.

Дам продал имущество и уехал, не сказав ни единого слова прощания. Старики остались одни. Но пробился луч счастья сквозь черные тучи горя. Вернулся с войны Зар. Хоть и без ноги, а живой. От казны положен ему пенсион, как ветерану-инвалиду, проливавшему кровь за царя. Пенсион да выручка от огорода, что возле дома, – вот и весь доход на троих. Можно жить скудно, но не тужить, если не поминать прошлого и не загадывать в будущее. Так проходит год, за ним другой. Зар по-прежнему в неведении. Однако время уподобляет тайну сухому пороху, и страх ее обладателя растет.

– Послушай, жена! Кровный сын Дам отрекся от нас, а воспитанный нами Зар, хоть и чужой, но верен до конца. Он не посвящен в тайну, и, выходит, мы неблагодарно обманы-

ваем его. Разве не заслужил он знать правду? – обратился к жене Слуга.

– Право, не знаю, милый, – сказала она.

– Не лучше ли покаяться и очистить душу? – вновь подступает с вопросом муж.

– Решай сам, дорогой, – отвечает женщина, потупивши взгляд.

“Так как же быть? Открыться или нет? В чем меньше греха?” – вновь и вновь спрашивал себя Слуга и не находил ответа.

Диспут

– Хасиды, – обратился раби Яков, цадик из города Божин, к своим верным почитателям, – на исходе этой субботы вы услышите историю из уст раби Меира-Ицхака, моего лучшего друга.

Меир-Ицхак, старый еврей с молодыми глазами и веселым взглядом расположился по правую руку от хозяина дома, раби Якова. У себя в Доброве цадик Меир-Ицхак за простоту и доброту пользовался безраздельной любовью своей паствы. Добровские хасиды считали его превосходным рассказчиком. Сейчас же он сидел напротив избалованной и разборчивой аудитории раби Якова и нимало не сомневался в предстоящем успехе.

– Начнем, пожалуй, – сказал гость.

– Одну минутку, – прервал гостя хозяин и обратился к своим хасидам, – имейте в виду, друзья, что раби Меир-Ицх-

ак приготовил для нас сюрприз, и я, также как и вы все, не знаю, что нам предстоит услышать. А сейчас прошу тебя, дорогой Меир-Ицхак, начинай!

Искушенный рассказчик привычным самоуверенным взглядом скользнул поверх голов нетерпеливой публики и начал свою повесть.

Двадцать лет назад жил у нас в Доброве молодой еврейский парень по имени Берл. И, представьте себе, был он по профессии вор. Да, да, вы не ослышались: вор. Разумеется, при таком роде занятий, хасидом он стать никак не мог, но любил я его ничуть не меньше, чем самых верных моих питомцев. За что любил, спросите? Ну, во-первых, Берл – еврей. Стало быть, семена святости брошены в почву его души от рождения. Так все мы, хасиды, думаем, не правда ли? Во-вторых, он слыл находчивым, веселым и верным парнем, а такие мне всегда нравились. А, в-третьих, в-четвертых, и так далее – то же, что и во-первых, ибо это – главное.

Задумал как-то Берл ни много, ни мало – обокрасть церковь. Добыча вырисовывалась завидная: золоченые иконы, драгоценности всякие, ткани дорогие. Лишь бы хватило духу на такое дело, но Берлу храбрости не занимать. Собрал озорник своих верных и надежных друзей, и отправились добры молодцы пытаться счастье.

Спустилась ночь. Берл расставил помощников вокруг церковной ограды, чтобы вели наблюдение и, в случае опасности, подали условный сигнал. Сам же мастер легко и ловко взобрался наверх, беззвучно открыл раму маленького окошка на стене и благополучно проник вовнутрь. Полдела сделано. Бесстрашный авантюрист перевел дух и стал дожидаться, когда глаза привыкнут к ночному полумраку, нарушаемому лишь пробивающимся сверху лунным светом. Наконец разглядел он золоченые иконы, дорогие, отделанные драгоценными камнями занавеси. А что в тех сундуках? Берл пошире раскрыл мешок. “Неужели я выбьюсь из нищеты? Неужели ненаглядная супруга моя и горячо любимые детки всегда будут сыты и одеты? Клянусь, пожертвую щедро на синагогу и, Бог даст, сменю профессию!”

Невозможно человеку знать и предчувствовать когда и откуда ждаться беды. Внезапный скрип открывающейся двери прервал сладкие мечты. На пороге стоял со свечой церковный ночной сторож. Человек немолодой и недужный, но трезвого поведения, он известен был многолетней беспорочной службой. Берл остолбенел. Произошло непредвиденное, что смешало его планы и повергло в минутную растерянность. “Мое будущее – в моих руках!” – мелькнуло в голове доброго семьянина, и он молнией бросился в сторону того, кто мог разрушить чудный замысел. Молодость и быстрота одержали верх в короткой рукопашной схватке. Сторож лежал связанным по рукам и ногам. Караулившие снаружи на-

дежные друзья правильно расценили шум наверху, как опасный поворот событий и, не сговариваясь, все, как один, бросились наутек и растворились в ночи. Иной раз по слабости характера, а не по обдуманному намерению совершаются предательства.

– Не вздумай поднять крик, – сказал Берл сторожу и решительно погрозил ему ножом.

– Меня не запугаешь, еврей, – прохрипел сторож.

– Давай, поделим добычу пополам. На что тебе эти идолы? – стал хитрить Берл, приноравливая мечты к новой реальности.

– Я веру свою не продаю. Это не идолы, а святые наши иконы. Я молюсь на них.

– Что толку тебе в них? Они немые, глухи и слепы. Как услышат они твои молитвы, гой? От того-то ты беден, несчастен и немощен.

– А ты кому молишься, еврей?

– О, я – совсем другое дело! Я молюсь настоящему живому Богу, а не идолам!

Сторож ехидно усмехнулся и приготовился что-то ответить хозяину положения, но тут в церковь ворвались жандармы, и вечный диспут об истинной вере поневоле угас. Откуда взялись жандармы? Их привлек подозрительный топот многих ног – это убегали верные товарищи нашего Берла.

Дойдя до сего поворотного пункта рассказа, раби Меир-Ицхак от волнения почувствовал сухость в горле, закашлялся и попросил стакан воды. Слушатели воспользовались паузой, чтобы высказаться. Хасиды в большинстве своем разделяли теплые чувства раби Меира-Ицхака к герою его рассказа. Однако, самый образованный из них, Шломо, много живший и учившийся в Европе, был более сдержан и даже упрекнул товарищей в недостатке объективности. Раби Яков испытывал беспокойство, подозревая неблагоприятный, а то и трагический ход дальнейших событий.

Напившись воды, рассказчик продолжал.

Судили двух преступников вместе и равной мерой. Несчастный сторож не мог доказать своей невиновности.

– Ты спал на службе, ты не помешал гнусному злоумышленнику-иноверцу пробраться в нашу святую церковь, ты не поднял тревогу. Кто знает, не будь измены в рядах заговорщиков, и не услышь доблестные жандармы, как спасаются бегством дружки грабителя, и не захвати они вас обоих в церкви, может, и вступил бы ты в подлый сговор с евреем. На основании этих тяжких улик ты, жалкий старик, приговариваешься к сорока ударам плетьюми, – сказал свою суровую речь судья и ни слова не дал возразить бедному сторожу.

– А ты, негодяй, – обратился судья к Берлу, – злоумышлял похитить наши святыни и продать их корысти ради. А еще, ты глумился над нашей истинной верой, и посему нет тебе никакой пощады, и приговор тебе – сожжение огнем.

Громким ликованием и громким плачем были встречены беспощадные слова непреклонного судьи.

– Вот перед вами те самые иконы, которые удалось спасти, – обратился служитель закона к приговоренным, – падайте ниц и молитесь на них о спасении ваших душ. Молитесь каждый по-своему, но вместе. Бог у всех один.

Упал на колени и истово молился и плакал старик, и с ним плакали жена его и дети его и внуки. А Берл, зная, что нет ему спасения, поднял высоко голову и молчит.

– Молись на наши святые иконы! – возопил судья и в гневе затопал ногами.

Берл начал молитву, но отвернулся от икон. Тут встал со своего места священник, пошептался о чем-то с судьей и многообещающим взглядом уставился на незадачливого вора, дожидаясь, пока тот кончит молиться.

– Берл, – ласково обратился человек в рясе к еврею, – ты молод, тебя без памяти любит красавица-жена, и обожают дивные, не по годам развитые детишки. Не может человек в твоём положении желать смерти, да еще такой жестокой. И всего-то, что от тебя требуется – это отказаться от твоей варварской веры и принять веру истинную и милосердную – христианскую, – сказал священник, проникновенно глядя в

глаза осужденному. Ласковый имеет дар пленять.

Ошеломленный неожиданной метаморфозой в его, казалось бы, однозначной перспективе, Берл впервые за время суда задумался. Он взглянул на немые ряды соплеменников, и каменные их лики подсказали ему единственный ответ.

– Я веру свою не продаю, – повторил Берл недавно слышанные им слова.

– Одумайся, еврей, не губи себя. Примешь нашу веру – мы сделаем тебя уважаемым и богатым человеком, – сказал уже с некоторым раздражением священник.

Берл вновь взглянул на своих. Лица жены и детей несчастны и мокры от слез. За ними – плотная стена бород и ермолок. Десятки и сотни глаз буравят его, Берла, мозг.

– Мне нечего добавить к моим словам, христианин, – глухо произнес Берл.

– Палачи! – вскричал жрец правосудия, – доставьте обоих на лобное место и исполняйте мой вердикт!

Первым карают сторожа. Да разве вынесет старик сорок ударов плетью! После первого же удара упал бедняга на землю, а после второго – дух из него вон. Стоны и плач родных неслись вслед палачам, уносившим прочь бездыханное тело. Настала очередь вора принять лютую смерть. Костер дымится. Колени осужденного на казнь дрожат, но голова поднята гордо. Он точно знает, как надлежит ему умереть, и слабым голосом произносит молитву “Слушай, Израиль”. Гул висит в воздухе – это единоверцы Берла вторят его свя-

ценным словам. Рассеялся дым. Отлетела святая душа.

Схоронили обоих. Бедную могилку и осиновый крест оставили на попечение родных сторожа. Хасидская община сделала чрезвычайный сбор и установила каменную плиту на могиле праведника. Христиане жалели старика. Евреи гордились молодым. Не обошлось, как водится, и без пронизательных скептиков. “А что если и вправду сторож замышлял вступить в сговор с подлым негодяем?” – подозревая в мертвом больше, чем он скрывает, догадывались одни. “Бедняга хотел добыть немного денег, а не венец героя”, – тихо-тихо шептались другие, остерегаясь дурной славы инакомыслия.

Минули два десятка лет, но горожане и донине помнят своих мучеников.

– Вот какой праведник жил некогда в нашем городе. Как видите, друзья, нам, добровским хасидам, есть кем гордиться, – закончил свой рассказ раби Меир-Ицхак. Начались дебаты, которых он ожидал.

– Думайте, что хотите, евреи, а только мне жалко старого сторожа, – сказала Голда, жена раби Якова, единственная женщина среди присутствующих.

– Какое нам до них дело! – загалдели хасиды.

– Ловкий парень!

– Какой муж, какой отец!

– Неподкупный и честный герой, не изменил нашей истинной вере!

– Остановите ваше славословие, хасиды, – подал голос, молчавший доселе Шломо, – вы забыли, что Берл – вор. Примите также во внимание, что он имел намерение надругаться над чужими святынями. Ваш энтузиазм проистекает из неведения. Я много жил на Западе, хасидов там нет вообще, а евреи ведут себя осторожнее. Вам мало бед?

– Ты мешаешь людям радоваться, Шломо, – недовольно сказал раби Меир-Ицхак, – и, как ты выражаешься, прими также во внимание, что твои осторожные западные евреи – обычные лицемеры, – со своеобразным патриотизмом заметил добровский раби.

– Дорогие мои гости, – энергично вмешался раби Яков, – я не хочу, чтобы споры омрачали исход субботы. Рассказ раби Меира-Ицхака и без полемики хорош, – примирительно заявил хозяин. Раби Яков отметил про себя, что, пожалуй, он согласен с мнением своего любимого

ученика Шломо, но умолчал об этом, дабы не огорчать друга и дорогого гостя раби Меира-Ицхака, цадика из города Добров.

Исполнение желаний

Кто не знает хасида Лейба? Всем известен этот бедняк и праведный еврей, который содержит жалкую лавчонку, не приносящую почти никакого дохода. Жена его ведет торговлю, а Лейб сидит в стороне для солидности и занят тем, что

читает Святые книги. В этом занятии он преуспел больше, чем в коммерции.

А ведь знал Лейб иные, лучшие времена. Был богат. Был хозяин. Торговал оптом. Случайность перевернула все. Заключил он как-то отличную сделку, вложив все свое состояние. Причин для беспокойства не было, риска никакого, дело верное, и партнеры надежные.

Поехал Лейб в город кстряпчому подпись свою поставить и заверить ее, и весь капитал – при нем. Остановился заночевать на постоялом дворе. Заперся на два замка и для верности спрятал свое добро под подушку. Помолился на ночь и спокойно уснул. Скажите на милость, люди добрые, разве чего-то не учел Лейб? В чем-то не остерегся? Нет, ничего не упустил, во всем обезопасил себя и судьбу предприятия им задуманного. Человек до конца выполнил свой долг и заслужил право на спокойный сон.

Мирный покой нашего дельца был прерван криками в ночи: “Горим! Пожар! Спасайся, кто может!” Очнулся Лейб, огляделся. Сквозь щель под дверью густой дым так и ползет в комнату, дышать уж нечем. Снаружи шум, грохот, что-то рушится. “Боже, спаси, не дай погибнуть!” – возопил Лейб, рванулся к окну, высадил раму плечом, и через мгновение очутился в одном исподнем среди толпы таких же, как он, погорельцев. Рухнула крыша, сгорел постоялый двор, дымится пожарище. Все кончено.

Правда, жизнь спасена. Стало быть, все обошлось хоро-

шо. Рано заключать, что судьба не благосклонна к человеку, пока жизнь его продолжается. Видно, Господу не угодно, чтобы хасид Лейб благоденствовал в богатстве и неге. Другой путь предназначен Лейбу. “Садись за книги, учи Тору. Будешь бедным, но ученым. Отвергнешь соблазны, но станешь праведником. Такая твоя планида”, – сказал раби своему хасиду. Разве не прав цадик? Ведь кто вознамерился стать праведником, должен забыть о купле-продаже.

Есть у Лейба дочь Веред. Девушка тихая, скромная, и собой недурна. Уж два, а то и все три года, как надо бы выдать ее замуж, да где ж бедняку хасиду взять денег на приданое? Не унимаясь, болит материнское сердце. “Так и завянет наша розочка в домашней темнице, никому не достанется. Протянем еще, и не найти жениха вовсе!” – горюет мать. “Отправляйся-ка, муженек, к цадику за мудрым советом, пришло время получить новое наставление раби”, – говорит жена Лейбу.

– Слушай меня внимательно, Лейб, – обращается цадик к хасиду, – с тех пор, как я усадил тебя за книги, народ по праву видит в тебе большого знатока Торы и не меньшего праведника. И награду получишь по заслугам – выйдет замуж Веред, и счастье дочери осветит жизнь родителей.

– Да ведь то-то и горе, раби, что приданого нет, и взять

его негде!

– Я получил благоприятный знак Небес. Поезжай в гурьонский город и поселись в доме для приезжих.

– И какими же деяниями я смогу приблизить желанную цель? – нетерпеливо перебил хасид.

– Сиди себе в комнате, Лейб, и учи Тору по своему обыкновению, и ты увидишь, как жизнь чудесным образом переменится.

Лейб прибыл на указанное место, нанял комнату и привычно погрузился в книги. День, другой, неделю, другую сидит Лейб, запершись в одиночестве, и читает книги. И отсутствие событий не наводит тень сомнения на внушенную цадицом уверенность в удаче.

По городу поползли слухи о странном постояльце, книжнике и праведнике. Многие близкие ему по духу евреи приходили познакомиться и засвидетельствовать почтение. Вот явился как-то к хасиду скромно одетый благообразного вида человек. “Меня зовут Акива”, – произнес гость. Лейб благожелательно осмотрел фигуру вошедшего и в ответ назвал свое имя. Пожалуй, преувеличением было бы считать Акиву молодым, но назвать его старым – это уж вовсе несправедливо.

Новые знакомые разговорились, и Лейб по достоинству оценил просвещенность гостя и благонравие его дел и духа. Хотя, казалось, над Акивой тяготеет нечто невысказанное. Как старший, осторожно и остерегаясь обидеть, Лейб добро-

желательно, но настойчиво и не без доли любопытства, старался вывести гостя на прямоту.

– Я был парнем хоть куда, не о знаниях и праведности мечтал, а о богатстве и выгодной женитьбе, – сменив, наконец, осторожность на откровенность, сказал Акива, – а если сердце пусто и карман пуст – не миновать беды. Подстрекнул меня дьявол, и обокрал я человека, обобрал до нитки, – признался Акива, и лицо его потемнело от нестерпимых воспоминаний.

– Однако с тех пор многое переменялось... – холодно заметил Лейб.

– Я глубоко раскаялся и обратился к одному известному цадику за помощью. Он поверил мне, из жалости смягчил муки совести, сказав “Случай делает человека вором”. И во искупление греха наставил меня на путь учения и праведности.

– А отчего же ты, Акива, не сделал то, что проще всего – не вернул украденное?

– О, Лейб, в том-то и беда, что я не знаю того, кто стал моей жертвой!

– Я не понимаю.

– Я украл на пожаре, что случился на постоялом дворе. Ворвался в пустую комнату, выхватил кошелек из-под подушки, а тут крыша стала обваливаться, еле ноги унес.

Сердце у Лейба защемило, как вспомнил старое. Родилась в голове надежда на чудо.

– И что случилось с теми деньгами?

– Веришь ли, дорогой Лейб, я не прикоснулся к ним. И не было бы для меня в жизни большего счастья, чем найти человека и вернуть кошелек.

– На каком постоялом дворе это случилось? – выкрикнул хозяин, яростно вцепившись в лапсердак гостя.

И Акива ответил. И радость захлестнула душу Лейба.

– Ты нашел этого человека. Он – перед тобой!

Гость недоверчиво посмотрел на хозяина.

– На медной застежке кошелька вырезано имя моей дочери Веред.

Услыхав это, Акива, словно змеей ужаленный, вскочил и с грохотом бросился прочь из комнаты. И не успел Лейб переварить случившееся, как бывший вор влетел обратно и, тяжело дыша, положил на стол перед Лейбом знакомый кошелек. Они бросились друг другу в объятия.

– Как я счастлив! – воскликнул один, – мое желание исполнилось!

– И я... И мое... – вторил ему другой.

Долго сидели они за столом и глядели с обожанием друг на друга.

– Удивительно проницателен и мудр был мой раби, когда отправил меня сюда и уверил, что здесь, в награду за праведность, я обрету приданое для дочери!

– А мой раби сказал, что вскоре я найду свою жертву, верну украденное, и, совершенно и окончательно отмывшись от

греха, удостоен буду его помощи в сватовстве. Он даже намекнул, что есть у него на примете хорошая девушка. Правда, она дочь бедняка, но разве это имеет значение?

Читатель, подготовленный к любому невероятному повороту событий тем неслыханным чудом, что случилось давеча с нашими героями, отнюдь не удивится, узнав, как Лейб и Акива вскоре обнаружили, что говорят они об одном цадике, который сватал одну невесту, девицу по имени Веред. Потому Лейб и Акива не просто друзья, но будущие счастливые тесть и зять.

В доме цадика собрались все без исключения. Лицо раби светится неподдельной радостью человека, осчастливившего достойных. Завтрашние жених и невеста уже успели обменяться робкими взглядами. Женщины ушли. А мужчины на радостях выпили по стопке-другой водки, а затем, как водится, углубились в солидный книжный диспут. Когда хватились – уж ночь на дворе. Порешили встретиться на другой день и обсудить приготовления к скорому торжеству.

Когда мы стремимся к исполнению желания, то видим результат лишь в радужном свете. Но вот достигнута цель, и открываются нам и колют нас ее острые шипы.

Не встретились хасиды на другой день. И на следующий день, что за другим днем, они тоже не встретились. И вообще

они не встречались более. И не сыграли свадьбу Акива и Веред. Ибо подумал про себя Лейб: “Вот, вернул мне этот мошенник деньги, а теперь, хитрец, получит их назад, с дочкой в придачу. Да с моим золотом я для Веред честнее и богаче жениха найду!” И ученый Акива свои соображения имеет: “Вот, я прошел нелегкий путь. Я согрешил и я раскаялся. Я стал знатоком Торы. Я подтвердил свое раскаяние делом – вернул украденное. И никто не усомнится в моей праведности. Разве не достоин я невесты получше? Дочери раввина, скажем?”

Быть праведником может любой простак, но стать успешным праведником под силу лишь умному.

Сказку эту рассказал один из гостей раби Якова, цадика из города Божин. По давней традиции на исходе субботы собрались в доме раби его хасиды и рассказывали и слушали сказки. Открыв слушателям тонкие соображения Лейба и Акивы, рассказчик хотел было добавить несколько заключительных слов, но увидел заплаканное лицо Голды, жены раби Якова, и умолк. А что он мог присовокупить? Разве только то, что плакали Веред и мать ее, как Голда сейчас плачет. Вот и все.

Два скрытых цадика

Холодным, ветреным, дождливым октябрьским днем в дверь дома богатого хасида раздался робкий стук. Слуга открыл. На пороге стоит бедный еврей, а с ним женщина. Тут и хозяин подошел. Поздоровались.

– Проходите в дом, люди добрые, небось, замерзли и промокли? – спросил хозяин.

– Благодарствуем. Мы наслышаны о твоей доброте: никогда путника за дверью не оставишь, – сказал еврей, и двое вошли.

– Кто вы, откуда и куда путь держите?

– Я был извозчиком, но лошадь пала, подводу из-за нужды продали, и теперь мы с женой идем к старшему ее брату. Авось, он нам поможет снова стать на ноги, хоть он и не шибко богат.

– Сделайте привал у меня, люди добрые. Обогреетесь, одежду просушите, отдохнете. Завтра суббота. Не откажите в любезности быть моими гостями.

Три дня прожили путники в доме хасида. Ели и пили все лучшее, что есть в богатом доме. Подтверждая репутацию сказочно щедрого и добродетельного богача, хасид на прощание подарил бедной чете лошадь и телегу, на которую нагрузил без счета одежду и всякий домашний скарб. Растроганный гость обнял хозяина.

– Хасид, слушай мое слово и верь ему. Нет у тебя полного счастья, ибо нет детей. Через год Господь осчастливит тебя сыном. И вырастет сын и станет большим знатоком Торы и великим праведником, – торжественно провозгласил гость.

– Кто же ты на самом деле, добрый человек, коли можешь так далеко глядеть вперед? – спросил восхищенный хозяин.

– Придет время – услышишь обо мне, а пока – прощай, –

сказал бедняк, помог жене своей взобраться на телегу, и гости тронулись в путь.

Растроганный богач со слезами на глазах смотрел вслед удалявшемуся прорицателю.

– Извозчик оттого посулил нам самое желанное, что сам получил от тебя это же, – авторитетно заметила жена хасида.

– Нет, женушка. Это я предвидел, что услышу от гостя самое желанное, а посему и не поскупился на дары.

Таинственный гость был скрытый цадик, который вскоре обнаружил себя во всем величии мудрости и святости и стал известным повсюду хасидским раби. И вот диво: сбылось предсказание мудреца, и жена богача родила через год сына. Мир не просто существует, он наполнен тайнами.

Младенцу нарекли имя Дов. Мальчик подрос, и изумительными успехами в учении и не по-детски благородным поведением продолжал подтверждать светлое пророчество. А что случилось с отцом его? С годами померкла звезда удачи богатого хасида, и он обеднел. Пришел его час, и умер он, успев, однако, сосватать Дову богатую невесту.

Женившись, юный муж жил на хлебах у тестя и днями напролет сидел за книгами и поглощал мудрость Святого писания. А тесть, человек хоть и состоятельный, но простой и малограмотный, гордился почетом, принесенным в его се-

мью ученым зятем.

Как-то тесть призвал к себе зятя и говорит: ”Любезный мой Дов! Я старею, и трудно мне одному управляться с торговыми делами. Не пора ли тебе стать верным моим помощником, а затем и наследником? Сумей вместить в часы свои вечность Торы и брэнность прихода-расхода. Благословен тот, кто нашел свое место в жизни, а большего и не надо. Молодому же все по силам”. Задумался зять: “Тесть прав. Пора спускаться на землю”. И очень скоро и очень недурно преуспел на новом поприще.

В местечке, где жил Дов, своего раввина не было. Но не станешь ведь по всем поводам, а их не мало, ходить к городскому раввину! Вот и обращались евреи к просвещенному земляку с любыми вопросами – ведь он образован в Священном писании, успешен в делах и праведен в жизни. И всегда уносили с собой дельный совет. Задумали люди избрать его раввином. Но одно дело послушать человека и высказать мнение, а другое дело занимать пост и быть мудрецом и советчиком по должности. Чтобы решиться на такое, сам советчик нуждается в совете. Поэтому отправился он к великому цадику, тому самому хасиду, вещее слово которого предварило появление на белый свет будущего кандидата в раввины.

Дов сидит напротив седобородого мудреца. Высокий лоб в морщинах. Выцветшие от старости, но всевидящие глаза. И добрая улыбка.

– Раби, я прожил у тебя неделю. Ты говорил со мной и слушал меня. Я весь открыт перед тобой, как на ладони. Я вновь задаю тебе мой вопрос: “Достоин ли я быть раввином?”

– Дорогой мой Дов! Ты весь передо мной, как на ладони. Я вижу, что не ошибся, предсказав твоему покойному отцу, мир праху его, большое будущее сына. Не торопись становиться раввином в твоём маленьком местечке. Ты станешь раввином в большом городе. Но твоя миссия в этом мире значительнее любой почетной должности. Твое призвание – целить человеческие души.

– О, раби, не слишком ли высоко ты меня возносишь? – спросил Дов, чувствуя, как сердце его переполняется радостью и гордостью.

– Нисколько, мой мальчик. Я ясно вижу твой путь.

– Как мне следовать этим путем, раби?

– Взгляни на самое большое, самое мощное, самое заметное дерево. Как оно стало таким? Когда-то оно было маленьким жалким семечком. Оно лежало в земле, и люди попирали его ногами. Дерево было “ничем”. Так и тебе, Дов, чтобы исполнить уготованное Небом предназначение, придется испытать, что значит быть “ничем”.

– Раби, я должен отправиться в добровольное изгнание, ходить в рубище по городам и весям, творить добро людям,

стать скрытым цадиком?

– И я прошел этот путь, мой мальчик. Учись терпению. Не вожделей значительности, если положение твое ниже твоих достоинств и бойся ничтожности в положении, что выше их.

Уж не первый год скитается Дов. Помогает простым людям. Собирает пожертвования на богоугодные дела. Убеждает богачей не скупиться на помощь, а бедняков не стыдиться принимать ее. Вселяет надежду в души страждущих. Утешает немощных и больных. Забывшим стыд сыновьям напоминает о бедствующей матери и отце. Невежественных отцов вразумляет, чтоб отдавали сыновей учить Тору. Да разве есть предел добрым делам? Нет, как нет недостатка в грехе и зле. Увы, куда ни кинь – везде уместно приложить добродетель.

Многие, очень многие знают странствующего праведника. Его ждут, на него надеются, о нем говорят. В мире, где столько бед, у доброй молвы вырастают крылья. Все верят, что праведник творит чудеса. Отдав свое сердце людям, все реже гостит Дов в собственном доме. Жене тяжело. Бедность – ее удел. Ропщет ли она? Никто не знает. Община помогает женщине и двум ребятишкам.

Завертела, далеко увела дорога скрытого цадика, и чем дальше уходит он от родных стен, тем громче зовут и нетер-

пеливее ждут его люди. И год, и два, и три он в пути. “Слава приобретенная – лишь залог еще большей славы будущей. Хотя, прочь эти мысли! Ведь известно, что истинная добродетель не озирается на славу”, – думает неутомимый путник. “Не забыл ли обремененный великой миссией муж облик жены своей?” – думает, утирая слезы, его супруга.

Дошли до Дова слухи, что оставленное им местечко сказочным образом преобразилось. Проложена дорога, рубят лес, дымят высокие трубы, шумит ярмарка, кипит торговля. Не местечко, а город. В памяти всплыли кое-какие слова цадика. “Вот уж семь лет, как я, поступая по слову великого раби, всем сердцем стремлюсь исполнить предназначенное мне Небом. Не пришло ли время для новой беседы с мудрецом? – размышлял Дов.

Вечер. В доме раби не светится ни одно окно. “Странно, что раби не сидит над книгой в этот час”, подумал Дов. Долго стучал он в дверь, наконец, выглянул седой человек со свечой в руках.

– Кого тебе надобно, странник? – спросил человек.

– Я пришел к раби.

– А кто ты такой будешь? – вновь спросил человек и осветил свечой лицо путника.

– Я ученик его, – сказал Дов и увидел, как задрожала рука

старика, и отражение огонька свечи забилося в двух крупных слезах на его щеках.

– Нет более с нами раби, покинул нас великий цадик, мир праху его.

– Аминь, – неосознанно сорвалось с языка Дова, и тут он вполне проникся страшным смыслом свершившегося. Похолодело нутро, прошиб холодный пот, сердце замерло от ужаса.

– Как зовут тебя, добрый человек?

– Дов.

– Проходи в дом. Незадолго до смерти раби приготовил для тебя конверт.

Трепетными руками Дов взял конверт, сломал печать. Не письмо, а короткая записка. Обращаясь к равному себе, мудрец не расточает слова. “Твое местечко превратилось в большой город. Раввина достойнее тебя не найти”.

Вот показались родные места. Все знакомо и незнакомо ему. Радость растворила горе в сердце скрытого цадика. Скоро, скоро встретит его на пороге дома любимая супруга, и как дым растает мучительно долгая тоска по милым чертам. И зазвонят детские голоса.

При въезде в бывшее местечко, там, где стояла старая ветхая синагога, выросла новая – бревенчатая и двухэтажная.

“Здесь я буду говорить с людьми, здесь люди будут говорить со мной”, – подумал Дов и вошел в дверь. Все тот же слуга при синагоге.

– О, неужели это ты? Вернулся? – воскликнул слуга, и испуг промелькнул в его глазах.

– Я вернулся, чтобы более не покидать родных мест. Не узнаю наше местечко!

– Да, да, много воды утекло. Как долго не было тебя с нами!

– Почему ты отводишь взгляд, не смотришь мне в глаза?

– Давай присядем, Дов, – сказал слуга, сел на лавку и указал собеседнику на место рядом с собой. Тревога шевельнулась в сердце вошедшего. Он остановил на слуге вопрошающий взгляд.

– Как долго не было тебя с нами, слишком долго, – повторил слуга.

– Не томи! Немедленно говори!

– Ты овдовел, Дов, – сказал слуга глухим голосом. Воцарилось долгое молчание.

– Как это произошло?

– Кто знает? Бедняжка ни на что не жаловалась. Только все говорила, что душа болит. Доктор подтвердил.

– Где дети?

– Их забрали к себе ее старики.

– Проводи меня на могилу.

Они вышли из синагоги. Шли молча. По дороге на клад-

бище им навстречу промчалась нарядная карета.

– Это едет наш будущий раввин, – сказал слуга и, словно извиняясь, добавил: “Слишком долго тебя не было с нами, Дов”.

“Он прав. Слишком долго. Хоть поступал я по предписанному мне, но результат, как видно, от судьбы. Теперь мне здесь не место”, – подумал скрытый цадик.

Поющие золотые птицы

Проводив царицу-субботу и досыта наевшись традиционного борща, приготовленного женой раби Якова, цадика из города Божин, хасиды потесней уселись за неизменным огромным столом и стали ждать появления самого раби. Вот-вот он возникнет на пороге своей комнаты, пройдет в середину горницы, займет хозяйское место за столом, погладит привычным движением ладони бороду, откашляется и начнет рассказывать сказку. Предвкушая еженедельное развлечение, собравшиеся с нетерпением поглядывали на дверь. Наконец-то дверь отворилась, из комнаты показался раби, и далее он проделал все, как ожидали преданные его хасиды, и только в последнем и главном пункте отклонился в пользу новизны.

– Слушайте меня внимательно, евреи, – торжественно произнес раби Яков, – сегодня я не намерен рассказывать сказку. Не делайте разочарованные физиономии. Сказка прозвучит обязательно, но не из моих уст. Соизвольте отдать честь всеми нами любимому Шломо, моему ученику и ва-

шему товарищу. Этот хасид, как вам известно, жил прежде в Европе, в самом Париже, где набрался всевозможной мудрости и сказок в том числе. Шломо признался мне, что горит желанием поделиться с нами сочиненной им сказкой в восточном духе. Прошу, тебя, Шломо, занимай место рассказчика и начинай, – закончил раби вступительную речь и поменялся местами с Шломо.

Усевшись на стул раби и нимало не смущаясь, самый начитанный хасид строгим взглядом потребовал тишины и, хоть и не добился желаемого вполне, начал рассказ.

В одной восточной стране жил себе Султан. Много лет не было у него детей. И только под старость Бог осчастливил его дочерью. Дочь, конечно, не сын, тем более, если дочь – одно единственное дитя, но кто мы такие, чтобы спорить со Всевышним? И Аллах знает лучше.

Ребенок растет, окруженный роскошью дворца, мудростью учителей и безбрежной любовью Султана. Девочка превратилась в девушку, красотой затмевающей полную луну. Никто, как Царевна, не мог слагать такие горячие, но целомудренные любовные стихи, не было ей равных в сладкозвучной игре на лютне, и соловьи почтительно умолкали, слушая ее пение. Царевна столь совершенно постигла мудрость Священного Писания, что на тысячу вопросов тысячи

мудрецов она могла ответить, да так, что и самым великим мудрецам было чему поучиться из ее ответов.

Султан старился и дряхлел с каждым годом. Надо торопиться выдавать дочку замуж, дабы царский престол перешел в твердые мужские руки. Царевна, любя и жалея родителя, тем не менее решительно заявила отцу, что выйдет замуж только по воле сердца. И стал Султан созывать женихов из ближних и дальних царств – кто завоюет сердце его дочери? Из почтения к отцу Царевна терпеливо выслушивала признания бесчисленных искателей ее любви и отвергала всех, хотя среди поклонников ее достоинств встречались и бескорыстные влюбленные. Девушка незаурядная, она и страсти хотела незаурядной. “Есть только большая любовь, маленькой любви нет”, – твердила она себе. Каждый следующий отказ терзал душу престарелого Султана. “Время неумолимо, а наследника престола все нет. Что ей, беспечной девице до отцовского горя, она и не тужит. Отчего не приходит любовь к умнейшей моей дочери? Уж не книжники ли да мудрецы заморозили девичье сердце?” – с такими тяжкими думами отходит ко сну по вечерам и пробуждается по утрам бедный старик.

Среди бесчисленных подданных Султана есть один богатый Купец, торговец заморскими тканями. Лавка его распо-

ложена в самом выгодном месте столичного рынка – на перекрестке всех путей. Всяк зайдет в лавку к Купцу, и богатый и бедный. Уж если и не купить чего, то поговорить либо с ним, либо с женой его, смотря по тому, кто посетитель – мужчина или женщина.

Для обольщения покупателей Купец давным-давно обзавелся одной диковинной вещью, которую купил за тридцать земель, когда был молод и смело плавал по дальним морям. Под потолком его лавки на шелковом шнурке висит серебряная клетка. На серебряных нитях внутри клетки привязаны серебряные жердочки. А на них сидят золотые птицы. Всех в мире поэтов собрать – и не хватит у них слов описать чудесную красоту этих птиц. Из чистого золота сделаны перья, украшенные витиеватой резьбой. Разноцветная эмаль окаймляет края тончайшей выделки крыльев. От дуновения ветра тонко позванивают золотые лепестки на крутых грудках. Не встретить таких птиц ни в лесу, ни в поле. Прихотливая фантазия мастера создала этих пташек. Зеленые изумруды, красные рубины, фиолетовые аметисты – какие только самоцветы ни вправлены причудливыми узорами в длинные хвосты. Черными агатами блестят глазки и коготки. Стальным ключиком Купец заводит стальную пружину, что прячется в двойном дне клетки, и птицы приходят в движение: переступают лапками на жердочках, закидывают назад головы, открывают клювы – словно поют. И хоть песня и не звучит, но любопытных собирается предостаточно. На-

дивившись чуду в лавке Купца, зеваки превращаются в покупателей.

Хоть и велика столица у Султана, а все ж со временем все почти жители повидали золотых птиц. Все меньше любопытствующих, и меньше тканей продает Купец. Надо бы изобрести новую затею.

Зашел как-то в лавку незнакомый Юноша. По одежде и по разговору Купец тотчас признал в нем иноземца. Благородные манеры выдавали высокое происхождение покупателя. Хозяин с готовностью принялся раскладывать перед вошедшим товары, но Юноша остановил его. Ему не нужны ткани, он ищет занятие, ибо остался в пути без средств и должен заработать денег на обратный путь к себе на родину. Не возьмет ли его Купец в помощники? Хозяин лавки спросил чужестранца, что тот умеет делать. И Юноша, краснея, сказал, что он слагает стихи и недурно читает их, а еще он обучен пению и может подражать голосам любых животных и птиц. Тут только Купец заметил, как необыкновенно красив Юноша. Высокого роста, с широкими плечами и тонкой талией, он прелестью нежного лица заслонял красоту солнца на закате. Купец не стал спрашивать Юношу, отчего так бесконечно грустны его глаза, а взял в руки стальной ключ, завел им стальную пружину и предложил ему показать свое искус-

ство. Золотые птицы в серебряной клетке пришли в движение, а Юноша спрятался за ширмой и стал подражать голосам пернатых певцов. Поневоле изумились Купец и его жена: так слажен с движением птиц был человеческий голос, что нельзя было не поверить, что это поют золотые птицы.

И остался прекрасный Юноша служить у Купца. Один заводил пружину, а другой из своего укрытия сладкозвучно пел. Купец доволен – снова толпы любопытствующих, а, значит, и покупателей.

Вот заходят в лавку двое: молодой богач, должно быть, сын важного сановника, а с ним чудная видом девушка. Богач просит показать своей спутнице самые лучшие ткани: мол, покупай, что душе угодно, за ценой дело не станет. Пока девушка со скучным лицом равнодушно перебирает шелка и парчу, богач шепотом рассказывает Купцу, что, вот, купил эту девушку за большие деньги, любит ее всем сердцем, ничего для нее не жалеет, а она к нему холодна. Юноша за ширмой слышит шепот богача и видит сквозь щель все, что происходит. Купец завел пружину, и Юноша засвистал соловьем. Девушка взглянула на поющих золотых птиц, перевела взгляд на своего хозяина, и глаза ее оживились – словно в душе проснулась любовь. “О, любезный мой господин, вот эта ткань мне по душе”, – сказала девушка, нежно глядя на своего спутника, ошарашенного неожиданной переменой.

В другой раз появились в лавке мужчина и женщина средних лет. Мужчина уселся на стул, мрачен, не говорит ни сло-

ва. Женщина пристроилась к прилавку с самыми дешевыми тканями, выбирает, что попроще. Тихо жалуется жене Купца на своего мужа. Вот, дескать, много лет в любви прожили, всегда супруг баловал меня, все лучшее мне покупал, а теперь стал равнодушен и скуп. Уж не собирается ли взять в дом вторую жену, молодую? А Юноша за ширмой все видит и слышит. Тут настало время птичьего пения. Встрепенулся мужчина от нежных звуков, взглянул на свою верную подругу, и потеплели его глаза. Он нежно взял ее за руку, подвел к прилавку с лучшим товаром и сказал: “Вот здесь выбирай”. И понял прекрасный лицом Юноша, какое удивительное действие оказывают на людей поющие золотые птицы: они пробуждают новую и возрождают угасшую любовь. Выходит, любовь рождает песни, а песни рождают любовь. Быть может, и для него самого не все еще потеряно?

“Неоценимые услуги оказывает мне мой помощник. Как отблагодарить мне Юношу? И какая печаль его вечно гложет, и не могу ли я ему помочь?” – так подумал Купец и завел с ним отеческий разговор. И горько-горько заплакал Юноша, так что не мог произнести ни слова. А когда унял рыдания, поведал Купцу свою историю. Он сын султана далекой страны. Прослышал о сказочной красоте Царевны и приехал добиваться ее любви. Царевна отвергла безответно влюблен-

ного, и нет на всем белом свете человека несчастнее его.

Опечалился Купец, видя плачущего Юношу, и встревожился за судьбу его любви. Ведь любовь – это нежный цветок, и если орошать его слезами, он непременно увянет. “Я протяну тебе руку помощи, о, Юноша. Я знаю одну хитроумную Старуху, которой ничего не стоит проникнуть во дворец к самому Султану. Она встретится с Царевной и уговорит ее прийти в мою лавку. Ты снова увидишь свою возлюбленную, а дальше многое будет зависеть от твоего искусства”, – сказал Купец Юноше и зажег в его душе искру надежды.

Купец сдержал слово. “Познакомься с этой многоуважаемой женщиной, доверься ей, и она кое-что сделает для тебя”, – представил Купец своему помощнику высокую, тощую, с крючковатым носом и хитрыми глазами Старуху, одетую во все черное. Юноша повторил Старухе ту же историю, что поведал давеча своему покровителю. “Дай мне два динара на расходы, и я принесу тебе желанную новость”, – сказала Старуха и, сунув деньги в карман юбки, проворно исчезла, словно испарилась.

Прошла неделя, и старая сводница явилась с торжествующим лицом. “Меня приняли во дворце Султана. Я уговорила Царевну купить товар в этой лавке. Она прибудет сегодня”, – сказала Старуха и вновь пропала.

Сердце Юноши затрепетало. Он вновь увидит возлюбленную и вновь попытается счастья. В полдень к лавке подъехала роскошная карета. Из нее вышла прекрасная Царевна, охра-

няемая двумя стражниками-евнухами. Царевна вошла в лавку, евнухи стали у входа. Пока царственная покупательница перебирала шелка, Купец взял стальной ключ, а Юноша занял привычное место за ширмой. Послушные пружине, золотые птицы пришли в движение, а вдохновленный новой надеждой влюбленный чудно засвистал. Смотрит Царевна на поющих золотых птиц и не может оторвать глаз от дивного зрелища. Вот кончился завод пружины, замерли обитатели серебряной клетки, и смолк голос за ширмой. Юноша бросился из своего укрытия навстречу Царевне и пал перед ней на колени, заставив встrepенуться суровых стражников. “О, возлюбленная! Узнала ли ты меня?” – вскричал он. Царевна замешкалась с ответом, слишком многие искатели любви промелькнули, не оставив следа в ее памяти. Не желая обидеть находчивого поклонника, и, пробормотав невнятно “Кажется, припоминаю”, дала знак стражникам, и вся процессия удалилась. Только пыль столбом за каретой.

Юноша поднялся с колен. Горько ему. Даже золотые птицы не пробудили в Царевне любовь. “Кто страдает – тот помнит, а кто не помнит – тот заставляет страдать”, – подумал он. А назавтра вновь явилась бойкая Старуха и потребовала у Юноши десять динаров за труды: второй раз заманить в лавку Царевну – задача посложнее. И пришла Царевна, и все повторилось, как накануне. “В чем же секрет золотых птиц? Ведь я воочию дважды видел и слышал, как пение их пробуждает и возрождает любовь!” – лихорадочно думает Юно-

ша и не находит ответа. Вновь и вновь он воскрешает в памяти молодого богача с девушкой и мужчину и женщину средних лет. И тут блеснула догадка: тот, чьей любви домогаются, должен не только слышать пение птиц, но в сей же момент глядеть на того, кто любви его жаждет. “О, горе мне! Царевна не узрит моего лица, пока слушает птиц, ведь их пению я должен подражать из-за ширмы!” – ужаснулся он своему открытию.

И вот опять стоит на пороге неугомонная Старуха. “О, несчастный Юноша! Молись, чтобы Царевна по душевной доброте своей согласилась прийти сюда в третий и последний раз. Трудненько мне будет убедить ее. Приготовь сто динаров”, – сказала корыстная посредница, и унесла с собой последнее, что было у ее подопечного. И когда вновь пришла дочь Султана, и началось обычное представление, обезумевший от безответной любви Юноша кинулся навстречу Царевне – в последний раз увидеть прекрасное ее лицо. И свершилось чудо. Царевна глядит на поющих птиц, переводит взгляд на Юношу, и прекрасный лик ее светится любовью. Не веря своим глазам и ушам, ошеломленный счастливой переменой, Юноша оглядывается на серебряную клетку: золотые птицы поют. Сами поют!

После свадьбы не долго правил старый Султан, но в могилу сошел со спокойным сердцем. Бывший Юноша унаследовал престол. И прожили новый правитель и его горячо любимая и любящая супруга долгую и счастливую жизнь, по-

куда не пришла к ним смерть-разлучница, что разъединила их души в этом и соединила вновь в ином мире.

Этими высокопарными словами Шломо закончил рассказ.

– Простите, у меня глаза на мокром месте, – сказала Голда, жена раби Якова, – Какие чувства, какая любовь! И долгая счастливая жизнь в награду. О большем нельзя и мечтать, – умиленно закончила благодарная слушательница, шмыгнув носом и поднеся к глазам мокрый от слез платок. Раби Яков не удостоил ни взглядом, ни замечанием впечатлительную свою супругу. Он пристально глядел на рассказчика. Хасиды замерли в тревожном ожидании суда цадика.

– Горе тебе, о, Шломо! – произнес раби, – уж в который раз я слышу из твоих уст непотребные небылицы, которые не годятся для хасидских ушей. Где наша праведность, где нравоучение, где еврейских дух, наконец? – вопрошал цадик, глядя с притворным гневом на Шломо. И хасиды уставились на рассказчика, некоторые с непритворным гневом.

– Но ведь это любовь, Яков! – не выдержала Голда. Тут раби снисходительно взглянул на жену.

А Шломо понял, что большинству слушателей сказка понравилась, и учитель не сердится, и поэтому он сидел себе, широко улыбаясь, довольный собой.

Обложка оформлена автором с использованием стандартных средств Word, а также бесплатного изображения с сайта pixabay, лицензия ССО